В.П.КОЗЛОВ

КОЛУМБЫ РОССИЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУКА·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страницы истории нашей Родины»

В. П. КОЗЛОВ

КОЛУМБЫ РОССИЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1981

К 59 Козлов В. П. **Колумбы российских древностей.**— М.: Наука, 1981.

В книге рассказывается о том, как в первой четверти XIX в. известному государственному деятелю Н. П. Румянцеву удалось объединить вокруг себя блестящую плеяду ученых, задавшихся целью собирать и публиковать документальные памятники русской истории. Широко привлекая архивные материалы, автор показывает организацию деятельности Румянцевского кружка, подробно освещает принципы изысканий и подбора материалов по истории государства, литературы и культуры средневековой России.

5.5.1

Ответственный редактор

доктор исторических наук
В. И. БУГАНОВ

К $\frac{10604-075}{054(02)-81}$ 31—81 НП 0505020000

ВВЕДЕНИЕ

Трудно смотреть равнодушно на пожелтевшие страницы архивных документов, старинные книги в кожаных переплетах. В них — материализованная связь прошлого с настоящим, порождающая одинаковые чувства у людей разных возрастов и профессий. Но входя в просторные залы библиотек и музеев, склоняясь над рукописями в архивах, часто ли задумываемся мы, чьими усилиями так старательно и бережно собирался весь огромный комплекс материала, раскрывающий историю нашей Родины?

Далеко не всегда людям было свойственно ощущать свою сопричастность истории. Современность с ее каждодневными проблемами и заботами казалась единственной всепоглощающей реальностью. В еще большей степени от этой реальности было удалено прошлое. Может быть поэтому долгое время в сознании людей так устойчивы были образы археолога — маньяка-кладоискателя или архивариуса — сгорбленного старичка с бездной познаний, иногда бескорыстно делящегося ими с другими, иногда же безнадежно озлобленного на весь мир.

За историческими памятниками стоят не только люди, когда-то создавшие их, но и те, кто из-под земли, с колоколен, из подвалов присутственных мест бережно извлекал и делал всеобщим достоянием древние предметы, рукописи, монеты. В России уже в XVIII в. становление истории как науки потребовало точных, проверенных фактов о прошлом, извлекаемых из всестороннего изучения исторических источников, и самого расширения круга таких источников. Прошлое не заслонялось настоящим, теперь оно начинало активно служить ему. Исторические сочинения В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, многотомная «Древняя российская Вивлиофика», включавшая публикацию древних документов, организация нескольких исторических архивов, рукописных отделов и музеев — все

это достойно венчало работу по собиранию и использованию исторических памятников в XVIII в.

Но это были только первые шаги. К началу XIX в. летописи, акты, некоторые законодательные памятники, обнаруженные и изданные в XVIII в., оставались основным материалом для создания работ по истории средневековой России. Исследователям были еще недоступны такие фундаментальные источники, как Лаврентьевская, Троицкая, Ипатьевская и многие другие летописи, Судебник 1497 г., многие акты XVI—XVII вв. Лишь эпизодически использовались фольклорный, литературно-публицистический, лингвистический, археологический материал, дипломатические документы, древнерусские путешествия, сочинения иностранцев, побывавших в разное время в России, работы византийских, западноевропейских и других древних авторов, материалы зарубежных архивов. Наиболее ценные источники еще ждали своего открытия и введения в научный оборот.

Это стало возможно после резкого возрастания общего интереса к прошлому России в условиях приподнятой атмосферы, порожденной великой победой в Отечественной войне 1812 г. Выход в 1818 г. первых восьми томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, написанных ярким образным языком на разнообразном историческом материале, еще больше привлек внимание к истории. Карамзин сумел из глубины веков воссоздать живые образы людей — целый набор человеческих судеб и характеров. Современникам даже казалось, говоря словами А. С. Пушкина, что русская история «найдена Карамзиным, как Америка Коломбом». Первооткрывательство постепенно становилось неотъемлемой чертой времени.

Зародившиеся еще в XVIII в. разыскание, собирание и изучение исторических памятников после 1812 г. поднимаются на качественно новую ступень. Они начинают приобретать научную основу, превращаются в самостоятельные направления научной деятельности. Решающую роль в этом процессе сыграл Румянцевский кружок, получивший свое название по имени его основателя Николая Петровича Румянцева.

Видный государственный деятель Н. П. Румянцев в первой четверти XIX в. сумел объединить вокруг себя блестящую плеяду ученых, преимущественно историков, исследовательская деятельность которых по размаху и

организационным формам не имела аналогий в предшествующее время. Разыскания в архивах, археологические раскопки, этнографические наблюдения, осуществленные членами его кружка в небывалом для того времени масштабе, увенчались великолепными изданиями нескольких десятков книг, созданием музея древностей. Рукописная часть этого музея в настоящее время является основой Отдела рукописей Ленинской библиотеки в Москве. Энергичные коллективные изыскания людей, проникнутых единым пониманием насущных задач науки, составили целую эпоху в развитии национального самосознания, в становлении научных представлений о прошлом нашей Родины.

Члены Румянцевского кружка стали первооткрывателями разнообразных исторических памятников, без которых в настоящее время немыслимо изучение русской истории. Помимо этого, сотрудники Н. П. Румянцева, совершенствуя приемы изучения и издания древних памятников, заложили прочные основы современных специальных исторических дисциплин, в первую очередь источниковедения и археографии. В этом они имели предшественников, основывались на опыте исторической работы, накопленном еще в XVIII в. Главное, что отличало их деятельность, заключалось в новаторском подходе к разысканию и изучению исторических источников. В организационном плане это выражалось в коллективном творчестве. В научном плане сотрудники Румянцева показали много новых подходов к работе с древностями, рассматривая их как важное звено в решении исторических проблем.

Литература о Румянцевском кружке значительна. Первый сводный очерк о нем, принадлежащий литературному критику, издателю и редактору журнала «Библиотека для чтения» А. В. Старчевскому, по богатству приведенного материала до сих пор не потерял своего значения, являясь в ряде случаев первоисточником [1].

В пробуждении интереса к прошлому видел Старчевский выдающееся значение Румянцевского кружка. Но назвав свою работу «О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории», Старчевский первый выдвинул положение, столь характерное для всей дореволюционной историографии о кружке: будто бы только щедрые пожертвования Румянцева содействовали бурному развитию научных исторических изысканий в России. Монументаль-

ная, возвышающаяся над всеми современниками фигура мецената-патриота в очерке А. В. Старчевского заслонила труд десятков его сотрудников, всех тех, кому он был обязан своей необычной для русского вельможи славой.

Подобный взгляд на кружок можно было встретить и позже в работах А. Д. Ивановского, Е. Ф. Корша, Е. В. Барсова и других [2]. Правда, Е. В. Барсов, впервые использовав подготовленную им к изданию переписку членов кружка, обратил внимание на многочисленные факты коллективного творчества сотрудников Н. П. Румянцева, а за несколько лет до этого М. П. Погодин прямо указал, что именно деятельность «дружины» исследователей, объединившихся вокруг Н. П. Румянцева, стала залогом их успешной научной работы [3].

Представлению о Румянцевском кружке как коллективе ученых способствовал и выход биографических исследований, посвященных его членам: К. Ф. Калайдовичу, И. И. Григоровичу, А. Х. Востокову, П. М. Строеву и другим [4]. Во второй половине XIX в., особенно в связи с празднованием пятидесятилетия основания Румянцевского музея, основную базу которого составили коллекции древностей Н. П. Румянцева, были изданы многочисленные фундаментальные публикации о жизни и деятельности членов кружка, прежде всего их переписка [5].

Все это в значительной мере подготовило освещение деятельности кружка на общем фоне развития русской и зарубежной исторической науки, включая рассказ о возникновении, развитии и осуществлении его основных предприятий с их профессиональной оценкой. Одной из первых работ в этом плане стала книга А. А. Кочубинского [6]. Оценивая роль Румянцевского кружка в разыскании, собирании, издании и изучении древностей, А. А. Кочубинский писал, что в «затмительную эпоху русской науки и просвещения» кружок «поддерживал пытливость к исследованию, уважение к науке, к умственному труду, поддерживал среди возобладавших тогда было темных стремлений высшие интересы в обществе, воспитывал в нем патриотическое чувство, воспитывал народный дух...».

Фактический материал исследования А. А. Кочубинского стал основой для ярких характеристик и высоких оценок как деятельности кружка в целом, так и отдельных его членов в работах В. С. Иконникова, П. Н. Милюкова, А. Н. Пыпина, И. В. Ягича и других ученых [7].

В советской историографии следует выделить оригинальную статью Н. Ф. Гарелина, посвященную тщательному изучению издательской продукции кружка с точки зрения ее влияния на развитие техники книжного производства в России. В ней же дано наиболее близкое к действительности понимание кружка [8]. В последние годы появились работы, связанные с характеристикой деятельности отдельных сотрудников Н. П. Румянцева и с изучением роли кружка в целом в решении конкретных исторических проблем [9]. Хотя фактический материал в таких исследованиях в общем традиционен, сделано немало интересных наблюдений. Но и сейчас своеобразие организационного построения кружка, представление о масштабах его деятельности, значении для последующего развития исторической науки решавшихся им задач нельзя признать достаточно ясным. Более того, само понятие «Румянцевский кружок» до сих пор не определено; как правило, с ним связывают имена двух-трех ученых. Необходимо изучение всех предприятий кружка как неразрывного целого в тесной взаимосвязи с развитием исторической и других наук первой четверти XIX в. Наконец, давно возникла потребность расширения документальной базы о деятельности кружка, что может уточнить, а иногда и по-новому представить отдельные направления его изысканий.

Тема книги была подсказана А. А. Зиминым, который открыл автору увлекательный мир судеб и дел первооткрывателей российских древностей. С глубокой благодарностью автор вспоминает его советы и постоянную помощь.

Автор выражает также искреннюю признательность В. Ю. Афиани, И. В. Демкину, Я. Ю. Самборскому, Н. Б. Тихомирову, А. А. Формозову, Э. И. Ханпире, Н. Я. Эйдельману за ценные замечания, высказанные в процессе подготовки книги.

Глава 1

УЧЕНАЯ ДРУЖИНА

Основатель кружка граф Н. П. Румянцев принадлежал к древнему дворянскому роду, возвышение которого произошло в XVIII в. Его дед А. И. Румянцев принимал активное участие в политической жизни России первых десятилетий XVIII в. и, являясь доверенным лицом Петра I, выполнял многие секретные поручения русского монарха. Спустя несколько десятилетий фамилия Румянцевых была прославлена победами полководца П. А. Румянцева-Задунайского, в семье которого в 1754 г. и родился будущий государственный деятель, дипломат и покровитель наук Н. П. Румянцев.

На протяжении XVIII — начала XIX в. Румянцевы не раз подтверждали верность девизу, начертанному на их фамильном гербе («Не только оружием»). Дед, отец и сын активно участвовали в заключении трех выгодных для России мирных договоров: со Швецией — Абоского 1743 г., Фридрихсгамского 1809 г. и с Турцией — Кучук-Кайнарджийского 1774 г. Игра судьбы, связавшая имена трех поколений рода с военными и дипломатическими победами над Швецией и Турцией, в немалой степени способствовала приобретению Румянцевыми сановитости, славы, богатства и многих привилегий аристократического дворянства, которые позволяли его представителям уже в детстве начинать карьеру будущих военачальников, государственных деятелей — всех тех, кого Вольтер называл тогда столпами неограниченной самодержавной власти.

Получив вместе с братом — С. П. Румянцевым, будущим автором закона о вольных хлебопашцах, домашнее воспитание, Н. П. Румянцев, по обычаю того времени, в девять лет был зачислен на военную службу, в девятнадцать стал камер-пажом двора Екатерины II. В 1774 г. для продолжения образования он был отправлен вместе с братом в Лейденский университет, где слушал курсы

истории и права. За границей Румянцев пробыл пять лет, посетив Париж, Женеву, Берлин, Рим и Венецию.

Его молодость пришлась на время громких военных побед отца. Перед получившим европейское образование юношей открывалось блестящее будущее. Возвратившегося в 1779 г. в Россию молодого графа ожидали камергерство и назначение вскоре чрезвычайным и полномочным послом России при германском сейме. По совету отца Румянцев решил посвятить себя дипломатической деятельности.

На этом и закончилась, по существу, его политическая карьера при Екатерине II. В течение 15 лет он выполнял различные дипломатические поручения, являясь представителем России в Европе. Находясь в гуще политической жизни европейских стран, с большим знанием дела сообщая о ней в своих донесениях в Россию, Румянцев скоро почувствовал разочарование и обиду за недостаточную, на его взгляд, оценку своей деятельности. «Мне 30 лет минуло,— писал он графу А. Р. Воронцову в 1784 г.,— и когда в эти лета сын фельдмаршала Румянцева с трудом добился быть во Франкфурте министром, ни лент, ни чинов не получает, знать собственные силы в нем слабы и неспособность его известна» [1]. Впрочем, все это не мешало ему быть активным исполнителем внешнеполитической концепции Екатерины II. Румянцев поддерживал тесный контакт с обосновавшейся в Кобленце после французской революции 1789 г. французской аристократической эмиграцией. Во время войны Австрии и Пруссии против революционной Франции он сопровождал отряд французских эмигрантов, отступал вместе с ним, а после казни Людовика XVI представлял Россию при дворе графа Прованского, объявленного роялистами регентом малолетнего Людовика XVII.

В 1795 г. Румянцев возвратился в Россию, решив покончить с дипломатической карьерой. Он получил почетное звание сенатора и стал членом нескольких правительственных комитетов по экономическим вопросам.

Вступление в 1796 г. на русский престол Павла I изменило положение бывшего дипломата. В глазах Павла I граф был одним из гонимых при Екатерине II, а это для императора, не любившего свою мать, было хорошей рекомендацией. Румянцев становится гофмейстером и одним из директоров Вспомогательного дворянского банка. А через год император неожиданно для многих посылает

его в «чужие края», что, по понятиям того времени, означало опалу [2]. И снова Румянцев имел основание сетовать на свою судьбу.

С приходом к власти Александра I фортуна наконец-то улыбнулась ему. Вернувшегося в 1801 г. в Россию Румянцева ожидала должность «главного директора водяных коммуникаций и экспедиции об устройстве в России дорог», а через год — назначение еще и на пост министра коммерции. С именем Румянцева Александр I в пору своего заигрывания с либерализмом связывал определенные надежды. «Человек большого ума и с большими познаниями», по свидетельству австрийского посла Ф. Стадиона, во время пребывания за границей познакомившийся с английской, немецкой, французской экономической и исторической литературой, с деятелями европейской науки и культуры, Румянцев выступал за преодоление экономической отсталости России. Он вынашивал разнообразные планы создания в стране собственной промышленности, ограждения русских товаров от конкуренции на мировом рынке, широких торговых связей, прежде всего с Северо-Американскими Соединенными Штатами и странами Востока, открытия и освоения северных и восточных районов России. Румянцев находился под влиянием учения английского экономиста А. Смита, которое в это время совпало с классовыми интересами русского дворянства, стремившегося к усилению экспорта сельскохозяйственных товаров и к ограничению их импорта.

На посту министра коммерции Румянцев предпринял целый ряд мер, направленных на выдвижение России в число ведущих стран мира. Под его руководством началась разработка нового таможенного тарифа, предусматривавшего, в частности, свободу вывоза и ограничение ввоза хлеба; проводились работы по улучшению судоходства по Бугу, Дону, Западной Двине, строительству Березинского, Ивановского, Мариинского, Свирского и других каналов. При его поддержке были осуществлены первая русская кругосветная экспедиция и другие географические изыскания. По инициативе Румянцева в Петербурге начали выходить «Коммерческие ведомости» и «Виды государственной внешней торговли», содержавшие подробные сведения о внутренней и внешней торговле страны.

Широкие планы экономических преобразований, которые вынашивал Румянцев, были проникнуты искренним стремлением укрепить экономику страны. Но в своих

взглядах и действиях министр коммерции следовал интересам прежде всего той части крепостников, которая лишь пыталась совместить с условиями крепостнической системы более современные методы ведения хозяйства. «Благоденствие» государства для графа было связано только с подновлением экономики, основанной на крепостном труде, с помощью совершенствования бюджета, денежного обращения, развития транзита. Сам он, имея немалые доходы от своих многочисленных имений, был крупным землевладельцем и одним из богатейших людей России.

Примирить крепостничество с объективным ходом экономического развития России, требовавшим коренной ломки бесконечно отсталых методов хозяйствования, Румянцев пытался при помощи отдельных ограниченных нововведений: культивирования новых сортов ржи, ячменя, пшеницы, расширения посевов технических культур, разведения новых пород скота, учреждения ланкастерских школ. Наследованные графом от отца Кучук-Кайнарджийское и Кагульское имения, садовые и парковые хозяйства в Гомеле, Крыму, Подмосковье, винокуренный, стекольный, гончарный, кирпичный заводы, фабрики по производству бумаги, сукна, сыра были организованы по английскому образцу, оснащены современным техническим оборудованием. Румянцев стал одним из основателей и финансистов Никитского ботанического сада, щедро жертвовал средства в Вольное экономическое общество на выведение новых сортов сельскохозяйственных культур и создание более совершенной сельскохозяйственной техники. Многие из его нововведений имели положительные последствия. С его именем, в частности, связано распространение в России овец-мериносов, посадок пробкового дуба, грецкого ореха.

Просвещенный государственный деятель, человек, которому были чужды наиболее отвратительные проявления помещичьего произвола, Румянцев в главном — в отношении к самодержавию и крепостничеству — выступал с позиций крупного землевладельца. И поэтому нет ничего странного в том, что будущий покровитель наук, отстаивавший в жарких спорах с идеологом самодержавия, официальным историографом Н. М. Карамзиным «либеральные идеи», в 1805 г., например, подал в Сенат свое мнение об усовершенствовании рекрутского набора, в котором совершенно серьезно обосновывается необходимость замены двадцатипятилетнего срока воинской

службы двадцатилетним лишь только потому, что в первом случае «человек соделывается к службе уже не совсем способным, но в общежитии, однакож, может быть еще полезным» [3].

Довольно скоро Румянцев смог убедиться в том, что даже крайне осторожные попытки экономических и финансовых реформ, в разработке которых он принимал участие, ни к чему не привели. Постоянные войны, нарастающий кризис крепостничества, расточительность дворянства препятствовали существенному улучшению экономики и финансов России первых десяти лет XIX в.

Черты либерализма в мировоззрении Румянцева, обширные знания выделяли его среди высших кругов русского общества, склонных к религиозной экзальтации и мистицизму. Законопроекты, «мнения», «записки» Румянцева, поданные в Сенат и лично императору, снискали ему определенный авторитет.

Современники в один голос утверждали о чуть ли не фанатическом преклонении министра коммерции перед Наполеоном, его активных выступлениях за союз с Францией, даже когда монархическая Европа была потрясена убийством французского принца герцога Энгиенского. Но личные симпатии Н. П. Румянцева отражали скорее его политические устремления, излишне прямолинейные, как показало время, но достаточно последовательные. Граф, признавая, во всяком случае уже в 1810 г., неизбежность войны с Наполеоном, полагал необходимым вступать в конфликт как можно позже во имя решения польского, турецкого вопросов и утверждения России на Дунае. Заключение в 1807 г. Тильзитского мира с Францией, по которому Россия присоединялась к континентальной блокаде Англии, вызвало открытую дворянскую оппозицию. Это вынудило Александра I провести перемены в правительстве. Назначение Румянцева на пост министра иностранных дел с сохранением за ним должности министра коммерции должно было стать открытой демонстрацией русского императора верности новому внешнеполитическому курсу. По замечанию министра уделов Д. П. Трощинского, графу с этого времени «ветер подул в паруса».

«Приближение к Александру Румянцева,— пишет советский историк А. В. Предтеченский,— в тот момент, когда русский император готовился нанести решительный удар Наполеону, может вызвать недоумение, если считать

Румянцева, как это делали современники и историки, франкофилом. На самом деле ничего франкофильского в нем не было. Как показало ближайшее будущее, Румянцев на посту министра иностранных дел никаких симпатий по отношению к Наполеону не обнаружил. Но он — это особенно касалось восточного вопроса — в то же время не собирался играть подчиненную Англии роль и никогда не заявлял, что для России нет ничего страшнее, чем разрыв с ней... Александру же стремление Румянцева к известной самостоятельности внешней политики России в этот тяжелый для него момент кануна решающей схватки с Наполеоном импонировало как нельзя более. После Тильзита политическая ориентация Румянцева делала его наиболее подходящим кандидатом для занятия поста министра иностранных дел»[3а].

В рамках старательно исполняемых указаний российского монарха по внешнеполитическим вопросам Румянцев не раз демонстрировал дипломатическое умение, чутье и деловую хватку дальновидного чиновника. В 1808 г. он сопровождает Александра I в Эрфурт на свидание с Наполеоном, в конце этого же года отправляется в Париж, где ведет переговоры с французским императором. Наполеон высоко отозвался о способностях нового министра иностранных дел России и в знак своего уважения к нему дал ему возможность ознакомиться с французской Национальной библиотекой. Спустя год Румянцев заключает Фридрихсгамский мир со Швецией, за что ему присваивают чин государственного канцлера, первого должностного лица в гражданской иерархии Российской империи. В 1810 г. он становится и первым председателем только что реорганизованного Государственного Совета — верховного законосовещательного учреждения страны.

Фигура Н. П. Румянцева на посту председателя Государственного Совета в период подготовки под руководством М. М. Сперанского государственных преобразований, очевидно, какое-то время устраивала и противоборствовавшие при дворе партии, и самого Александра I. Образованность и либерализм государственного канцлера удачно дополняли те псевдоконституционные формы, с помощью которых предполагалось прикрыть самодержавие, а его крепостнические убеждения служили гарантией того, что он сможет нейтрализовать Сперанского. В какой-то мере именно так и случилось.

Но уже вскоре реформаторские планы правительства Александра I потерпели крах. Озлобленная реакция на них со стороны широких дворянских кругов вылилась и в критику министров Александра I. Сперанский был сослан, а председатель Государственного Совета стал в глазах дворянства одним из его единомышленников. Положение Румянцева осложнялось и его позицией по отношению к Франции. Вместе со Сперанским Румянцева начали обвинять в «измене и вражде отечеству», «глупости и неспособности» в политике и даже тайных связях с Наполеоном накануне его вторжения в Россию [4].

Все это предопределило постепенно отстранение Румянцева от государственных дел. Знаток внутриполитической жизни России тех лет, писатель-мемуарист Ф. Ф. Вигель вспоминал, что в последние два-три года своей службы канцлер «оставался в Петербурге без всякого значения, без всякой доверенности» со стороны императора [5]. В 1813 г., обращаясь к Александру I с просьбой об отставке от должности министра, канцлер отмечал, что «не лета и не болезнь из оной меня выводят, а необходимость, что продолжаю слыть государственным канцлером, когда отлучен пребываю от участия и сведения государственных дел» [6]. Увольнение со службы в 1814 г. с сохранением пожизненно звания государственного канцлера было уже запоздалой формальностью, позволившей, по мнению современников, «смело и благородно» выйти из «фальшивого положения», в котором Румянцев оказался по крайней мере двумя годами раньше.

Испытав благосклонность и опалу трех русских монархов, Румянцев мог теперь осуществить то, о чем мечтал еще в 1784 г.: «возвратиться в Петербург и окончить в уединении жизнь, не весьма счастливо начатую».

Карьера графа как государственного деятеля была закончена. Но к 60 годам жизни отставной канцлер сохранил еще немало сил и энергии. Сферу их применения он нашел в деле, далеко не обычном для русского вельможи начала XIX в. Со времени ухода в отставку Румянцев предстает перед нами в совершенно ином свете. Теперь его главной заботой становится организация и финансирование широких научных изысканий, сплочение усилий и знаний многих своих выдающихся современников на решение разнообразных научных проблем.

Интерес к наукам, в частности к истории, у Румянцева появился еще в юности. Но не только личными увле-

чениями можно объяснить постепенное оформление вокруг него группы ученых. Развертывание деятельности кружка совпало с важным периодом в общественной жизни России, особым подъемом науки и культуры, развитие которых в передовых кругах русского общества стало рассматриваться как одно из звеньев патриотизма. Программу на оставшиеся годы жизни и представление о своей роли в ее осуществлении Румянцев четко сформулировал в одном из писем к выдающемуся русскому мореплавателю и географу И. Ф. Крузенштерну: «Станем служить всеобщему просвещению, Вы своими пространными познаниями, а я горячим усердием среди такой эпохи, в которой бесстыдно проповедуют, что просвещение к благу народному не служит» [7].

Столь откровенное признание графа именно Крузенштерну не было случайным. Выдающийся русский мореплаватель и географ, он оказался одним из первых членов кружка. Выходец из небогатого эстонского дворянского рода, Крузенштерн ко времени знакомства с Румянцевым в 1802 г. был уже опытным мореплавателем, побывавшим во многих странах и неоднократно участвовавшим в морских сражениях. Отважный морской офицер с государственным складом ума, автор многочисленных торгово-экономических и географических проектов, он оказался с тех пор основным консультантом и помощником Румянцева в историко-географических исследованиях и собственно географических изысканиях.

Из членов кружка Крузенштерн был одним из самых близких Румянцеву исследователей. По рекомендации графа он становится вместе с Ю. Ф. Лисянским руководителем первого русского кругосветного плавания; по его же совету пишет ряд работ по истории мореплавания и географических открытий, в частности «Об островах, недавно открытых в Ледовитом океане», посвященную экспедиции М. М. Геденштрома и Я. Санникова. Отставка Румянцева лишила Крузенштерна самого энергичного покровителя, и в 1815 г. он также уходит в бессрочный отпуск. Живя в деревенском уединении под Ревелем, он занимается при поддержке Румянцева географическими исследованиями, одновременно принимая активное участие во многих предприятиях кружка. Одним из них стала организация плавания на бриге «Рюрик», построенном и снаряженном на средства Румянцева для кругосветной морской экспедиции, во главе которой стоял ученик

Крузенштерна О. Е. Коцебу. Крузенштерн по предложению Румянцева составил для экспедиции инструкцию, в которой как одна из главных задач предусматривалось изучение северных полярных владений России, побережья Америки, а также ставилась попытка решить вопрос о существовании Берингова пролива, волновавший мореплавателей уже в течение нескольких столетий.

«Рюрик» отправился в путь из Кронштадта в 1815 г. Побывав в Копенгагене и Плимуте, корабль достиг берегов Бразилии, оттуда через мыс Горн добрался до Камчатки, посетил Сандвичевы острова и острова группы Ратак, затем он прибыл в Манилу и через Зондский пролив приплыл на Мадагаскар. Дальнейший маршрут корабля пролегал мимо мыса Доброй Надежды в Англию и в Петербург. 3 августа 1818 г. после трехлетнего плавания корабль бросил якорь на Неве.

В ходе экспедиции были открыты новые острова, в том числе 65, названных «Группой Румянцева», определены и уточнены географические координаты многих островов, заливов и проливов. Ученые-естествоиспытатели, входившие в состав экспедиции, вели метеорологические, гидрологические, биологические наблюдения; проводили этнографические исследования на Марианских, Гавайских островах, на Таити, Самоа, а также на части Микронезии.

Книга об этой экспедиции, вышедшая под редакцией Крузенштерна на средства Румянцева на русском и немецком языках, содержала богатый географический и этнографический материал: тщательное описание маршрута плавания «Рюрика», жилищ, домашней утвари, одежды, оружия эскимосов, чукчей, народов Океании, данные об их языках и обычаях. Важное значение имело написанное Крузенштерном для книги исследование, посвященное истории мореплавания с древнейших времен. Здесь же им были сформулированы важнейшие географические проблемы и намечены задачи русских географических изысканий на севере и востоке России, в Америке и на Тихом океане [8].

Крузенштерн консультировал и другие географические предприятия кружка, в частности серию сухопутных и морских экспедиций, предпринятых на средства Румянцева и Российско-Американской компании в 1817—1825 гг. по обследованию русских полярных владений, описанию побережья Северной Америки и установлению торговых связей с местными жителями. В 1824 г. совместно с Ру-

мянцевым он разработал тщательный план изучения районов к северу от Чукотки, Берингова пролива, Баффинова и Гудзонова заливов, а также устья р. Маккензи[9]. Большая работа по технической подготовке этой экспедиции и подбору для нее специалистов была прервана со смертью Румянцева.

Еще находясь на посту министра иностранных дел, Румянцев не раз обращался к историческим документам Московского архива Коллегии иностранных дел. Это было уникальное собрание материалов по внутренней истории России, ее внешней политике с XII по XVIII в. Его основу составил бывший архив Посольского приказа, где хранились древнейшие духовные и договорные грамоты русских великих и удельных князей, договоры России с иностранными державами, документы по истории народов, вошедших в состав Российской империи.

В силу политической важности этих материалов Коллегия иностранных дел еще в XVIII в. обратила внимание на их сохранность и упорядочение. Во главе архива стояли известные историки Г. Ф. Миллер, Н. Н. Бантыш-Каменский, И. Ф. Стриттер, А. Ф. Малиновский. К началу XIX в. архив превратился в крупный научно-исторический и культурный центр Москвы. В старинное, с толстыми стенами и узкими окнами здание на углу Колпачного и Хохловского переулков посмотреть на древние хартии часто приходили иностранцы. Здесь, в одной из трех свободных от пыльных бумаг комнат, под неусыпным взором архивных сторожей-инвалидов некоторое время копировал документы для своих исторических сочинений Н. М. Карамзин.

Среди современников архив получил славу «рассадника для образования к статской службе лучшего в Москве дворянства». При нем разрешалось иметь десять юнкеров из привилегированных дворянских семей. «Легко себе можно представить,— вспоминал Вигель, служивший одно время там,— как много было желающих занять такие места»[10]. Это был один из первых опытов занять дворянских детей полезным делом. После двух-трех лет службы в архиве они обычно отправлялись доучиваться в заграничные университеты, переезжали в Петербург для получения выгодного места. Среди них оказались многие будущие общественные деятели (братья И. В. и П. В. Киреевские, Д. В. и А. В. Веневитиновы, С. П. Шевырев,

А. О. Корнилович и другие). В целом же молодые князья, графы, камергеры, начиная здесь свою карьеру, снисходительно относились к порученной им в архиве работе.

В конце XVIII — начале XIX в. архив возглавлял выдающийся архивист Н. Н. Бантыш-Каменский (1737—1814). Потомок молдавского княжеского рода Кантемиров, ученик Миллера и сотрудник по историческим изданиям Новикова, человек, получивший духовное и университетское образование, он проработал в архиве свыше 50 лет, пройдя путь от рядового архивариуса до директора. Вкусивший в молодости идеи Просвещения, Бантыш-Каменский стал выдающимся собирателем исторических фактов, одним из первых отечественных библиографов и археографов. Среди современников, занимавшихся историей, он слыл своеобразным «патриархом», поражая своими историческими познаниями. Его многотомный «Обзор внешних сношений России» оказался первым систематическим трудом, освещавшим внешнюю политику России с древнейших времен до начала XIX в.

Жизнь этого человека была наполнена постоянными заботами по архиву. В 1812 г., накануне вступления французов в Москву, ценой немалых усилий ему удалось получить у главнокомандующего Москвы графа Ф. В. Ростопчина подводы для эвакуации документов архива и вместе со своими сотрудниками спасти их от гибели. Он-то стал и руководителем первых начинаний кружка в области изучения истории.

Еще в бытность Миллера директором архива здесь возникла мысль издания дипломатических документов по образцу роскошной французской публикации XVII в. Ж. Дюмона. Тогда же были выявлены соответствующие документы, произведен расчет денежных средств, но смерть Миллера и отсутствие финансовой базы привели к тому, что проект не был реализован.

Очевидно, ознакомившись с этим проектом, Румянцев еще 25 февраля 1811 г. представил на имя Александра I доклад, в котором «усердствуя пользам всемилостивейше вверенного мне иностранного департамента и желая споспешествовать образованию чиновников, посвящающих сему служению, равно как и распространению общеполезных сведений», предлагал приступить к такому изданию на свои личные средства [11]. Он предусмотрительно оставлял за собой право руководства будущим предприятием

даже в случае, если покинет пост министра иностранных дел. В докладе Румянцева отчетливо проводилась мысль о политическом значении публикации: уже во второй половине XVIII в. русское правительство в своей внешнеполитической деятельности начало широко использовать обзоры и исторические справки о дипломатических сношениях России с различными странами. Обзоры готовились по документам архива Миллером, Бантыш-Каменским и Малиновским. В глазах Румянцева это должно было стать престижным для России делом еще и потому, что почти одновременно подготовкой аналогичных публикаций занялись в других европейских странах: Германии, Швеции, Дании, Англии.

3 мая 1811 г. Александр I утвердил доклад канцлера. Под начальством Бантыш-Каменского при Московском архиве Коллегии иностранных дел для подготовки этой работы была создана Комиссия печатания государственных грамот и договоров в составе главного смотрителя и двух чиновников. Первая часть издания, получившего название «Собрания государственных грамот и договоров», включала древнейшие документы по истории России — княжеские духовные и договорные грамоты. Она была сдана в типографию уже в конце 1811 г. Эвакуация архива в 1812 г. и последовавшая в 1814 г. смерть Бантыш-Каменского серьезно осложнили подготовку следующих частей этого труда. Комиссия, составленная из малоквалифицированных чиновников, изнывала от сложности свалившегося на нее труда. К этому времени Румянцев изменил и первоначальный план издания, решив отложить публикацию собственно дипломатических материалов и продолжать издание «внутренних» документов.

В этих условиях были необходимы специалисты, способные заменить Бантыш-Каменского как ученого и организатора всего начинания по изданию «Собрания государственных грамот и договоров». Еще в конце 1813 г. Бантыш-Каменский, пользуясь правом подбора чиновников для Комиссии, обратил внимание Румянцева на молодого выпускника Московского университета К. Ф. Калайдовича (1792—1832), отрекомендовав его как человека, «знающего крепко летературу и российскую историю» и давно мечтающего работать над «Собранием».

Как никому другому из сотрудников Румянцева, судьба уготовила Калайдовичу и счастье выдающихся

научных открытий и горечь тяжелых душевных травм. Выходец из обедневшей дворянской семьи Калайдович в 1810 г. с отличием закончил Московский университет, получив звание кандидата словесных наук. Пожертвовав личными и научными планами, он в 1812 г. вступил добровольцем в Московское ополчение, участвовал в сражениях, а после возвращения к мирной жизни зарабатывал на жизнь преподаванием.

Уже начало научной деятельности Калайдовича до его вступления в ополчение говорило о том, что в России появился талантливый исследователь. Бантыш-Каменского и Румянцева он особенно заинтересовал строгим и тщательным разбором первой части «Собрания государственных грамот и договоров», а также целой серией статей, посвященных древним памятникам.

Включение Калайдовича в работу Комиссии печатания государственных грамот и договоров произошло не сразу. В 1814 г., когда ученый уже готовил прошение о зачислении в штат архива, знакомясь с историческими достопримечательностями Владимирской губернии, он повздорил с местным начальством. Донесение об этом в Москву владимирского губернатора еще долго давало себя знать. Нервное потрясение привело его в больницу, а затем по распоряжению отца он был отправлен на целый год в монастырь. С мечтой о службе в архиве пришлось расстаться на два года. Лишь в 1817 г. он стал контр-корректором Комиссии печатания государственных грамот и договоров, а затем ее главным смотрителем и фактическим научным руководителем.

Быстро снискав известность в России и за рубежом своими библиографическими, историческими, источниковедческими исследованиями, Калайдович увлек Румянцева многочисленными проектами научных изысканий. В кружке им были подготовлены публикации памятника русского былевого эпоса, известного как Сборник Кирши Данилова, сочинений древнерусского писателя Кирилла Туровского, болгарского писателя IX—X вв. Иоанна экзарха, Судебников 1497 и 1550 г., осуществлены археографические и археологические обследования центральных районов России. Десятки славянских рукописей, составивших коллекцию графа, были отысканы и приобретены через Калайдовича. Для Румянцева он со временем сделался незаменимым специалистом, консультантом по широкому кругу вопросов.

Ученый оказался одним из самых ярких и работоспособных членов кружка. После смерти Румянцева он был вынужден уйти из Комиссии печатания государственных грамот и договоров и, будучи тяжело больным, уже не смог плодотворно заниматься научной деятельностью.

В 1814 г. Румянцеву был рекомендован еще один выпускник Московского университета, сын московского торговца П. М. Строев (1796—1876). Жизнь этого ученого, с именем которого прочно связано становление отечественной библиографии, биобиблиографии и особенно археографии, внешне сложилась более благополучно, чем жизнь Калайдовича. В 1815 г. по предложению Румянцева Строев становится главным смотрителем Комиссии печатания государственных грамот и договоров и, обладая огромной энергией, сразу дает понять, что он не склонен ограничивать свою деятельность в ней только обязанностями по изданию «Собрания государственных грамот и договоров». В течение четырех последующих лет по заданию Румянцева он предпринимает обследование и описание библиотек подмосковных монастырей и издает часть найденных в них памятников: Софийскую Новгородскую летопись и Судебники 1497 и 1550 гг. (последняя публикация подготовлена им совместно с Калайдовичем).

В 1823 г. Строев предложил московскому Обществу истории и древностей российских грандиозный план археографического обследования России и для того, чтобы его претворить в жизнь, покинул пост главного смотрителя Комиссии печатания государственных грамот и договоров. Уже после прекращения деятельности кружка, в 1828—1832 гг., на средства Академии наук Строев осуществил свой замысел в ходе специальной археографической экспедиции. Скитания по разбитым дорогам российских губерний, осмотр сотен архивов и библиотек увенчались выдающимся научным триумфом. Экспедицией были собраны тысячи документов, для издания которых в 1834 г. при Академии наук правительство создало специальную Археографическую комиссию, ставшую преемницей Румянцевского кружка.

Включение в состав Комиссии печатания государственных грамот и договоров сначала Строева, а затем Калайдовича сыграло главную роль в становлении и развертывании деятельности основного, московского, центра кружка. Со временем вполне конкретная задача, постав-

ленная перед Комиссией, по изданию «Собрания государственных грамот и договоров» стала лишь одной из многих, решавшихся ею. К работе в Комиссии, в основном связанной с копированием исторических источников, их переводом, были привлечены и другие служащие архива: бывший учитель гомельского уездного духовного училища, знаток латинского, польского, греческого и немецкого языков И. Л. Городской, переводчики И. И. Горлицын, И. М. Колосов, И. А. Ждановский, чиновники И. И. Нестерович, Д. Н. Прилуцкий, В. В. Херсонский, К. Китович.

Возглавил работу Комиссии преемник Бантыш-Каменского на посту директора архива А. Ф. Малиновский (1762—1840). Сын священника, воспитанник Московского университета, Малиновский, как и Бантыш-Каменский, прослужил в архиве не один десяток лет, отдав много сил созданию научно-справочного аппарата архива, составлению исторических обзоров о дипломатических связях России. Он был одним из участников первого издания «Слова о полку Игореве», оказал огромную помощь Карамзину в разыскании документов для «Истории государства Российского». Место Малиновского в кружке определилось его практической сметкой, умением вести дела, связанные с поиском специалистов, технической подготовкой изданий. Он был ответственным лицом за расходование финансовых средств кружка, ведя денежные расчеты с типографиями, книготорговцами, букинистами, сотрудниками Румянцева в Москве. Педантично исполняя многочисленные поручения графа, Малиновский вносил в работу московского центра кружка не столько творческое, сколько организующее, деловое начало. Вместе с тем Румянцев неоднократно прибегал и к научным консультациям Малиновского, например в вопросах приобретения рукописей, старопечатных книг, отбора документов для изданий, выработки принципов передачи их текстов, использовал его знания при разработке планов отдельных научных предприятий.

Среди московских сотрудников Румянцева оказались художники и граверы А. Ратшин, А. и С. Фроловы и другие. В подготовке переводов здесь принимали участие преподаватель и будущий профессор римских древностей и латинского языка Московского университета И. М. Снегирев (1793—1868). Уже в последние годы существования кружка по рекомендации Калайдовича к его работе был

привлечен только что закончивший университетский курс кандидат словесных наук М. П. Погодин (1800—1875), предложивший Румянцеву свое участие в переводе на русский язык иностранных исторических сочинений. Первым таким его переводом стало исследование чешского слависта Й. Добровского о создателях славянской письменности Кирилле и Мефодии, а затем перевод книги И. Е. Неймана, посвященной анализу известий о древнем народе руси.

Петербургский центр кружка начал складываться к 1813 г. 14 ноября этого года Румянцев представил министру народного просвещения проект издания «древних исторических наших рукописей, в библиотеке Академии Наук хранящихся»[12]. В нем речь шла прежде всего о самом больном для русской археографии начала XIX в. вопросе — издании летописей. Он имел к этому времени долгую историю разработки, связанную как с различным подходом к принципам публикации летописей, так и с серьезными организационными трудностями, возникавшими при его решении.

В XVIII в. издание летописей в основном было сосредоточено в Академии наук. В 1804 г. указом Александра I публикация древнейшей части летописных сводов — так называемой летописи Нестора — была возложена на специально созданное при Московском университете Общество истории и древностей российских. К 1813 г. работа мало продвинулась вперед. Метод издания, выбранный одним из членов Общества профессором Х. А. Чеботаревым, оказался трудоемким, а затем вызвал и принципиальные возражения. После этого другим сотрудником Общества истории и древностей российских, профессором университета Р. Ф. Тимковским была предпринята также не до конца удачная попытка издания летописи Нестора по новому плану.

Убедившись в медлительности работы Общества, Румянцев в 1813 г. ассигновал 25 тысяч рублей на публикацию отдельных летописных списков, полагая, что теперь за это дело с бóльшим успехом может взяться Академия наук. Однако академические круги без энтузиазма отнеслись к его замыслу. Академик Ф. И. Круг, которому предложили руководство всей работой, заявил, что она ему не принесет славы[13]. Вскоре, правда, принять участие в издании летописей согласился директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин, слывший большим знатоком

материальной культуры античности и средневековья. Вместе со служащим Публичной библиотеки библиографом и палеографом А. И. Ермолаевым он на страницах журнала «Сын Отечества» предложил конкретный план работы. На ее осуществление Академия наук выделила 3 тысячи рублей из суммы, пожертвованной Румянцевым. Однако при жизни графа труд Оленина и Ермолаева так и не был завершен. Обиженный медлительностью Оленина, Румянцев писал А. Ф. Малиновскому, что в Петербурге «люди развлечены, большею частью заняты пустым, и всякое дело, за которое берутся так охотно, видят, однако же, всегда как степенью ниже достоинства их занятий» [14].

Новые надежды хотя бы частично реализовать планы издания летописей появились у Румянцева в 1817 г., когда ему был рекомендован В. Г. Анастасевич (1775—1845). Сын члена киевского магистрата и выпускник киевской духовной академии, ставший впоследствии выдающимся библиографом, Анастасевич обладал энциклопедическими познаниями в истории просвещения. Находясь в стесненном материальном положении, Анастасевич по предложению Румянцева взялся за подготовку сводной публикации Ипатьевской летописи. Со временем он фактически перешел на службу к Румянцеву, занимаясь в кружке переводами исторических источников и исторических сочинений, в частности, польских авторов. По поручению Румянцева Анастасевич принимал участие в подготовке нескольких петербургских изданий кружка, в том числе «Словаря русских духовных и светских писателей» Евгения Болховитинова.

Одним из первых сотрудников Румянцева в Петербурге оказался Ф. П. Аделунг (1768—1843), уроженец Штеттина, племянник знаменитого немецкого лингвиста И. Х. Аделунга. До прибытия в 1795 г. в Россию он много путешествовал, ознакомившись с рядом архивов европейских стран. В 1818 г. Аделунга назначили чиновником особых поручений при Министерстве иностранных дел, а в 1824 г.— начальником учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте. Широкую научную известность в России ему принесло исследование «Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия — с 1801 по 1806 г.» Этот библиографический труд охватывал русскую печатную продукцию начала XIX в. Познакомившись с Аделунгом, Румянцев в

дальнейшем широко использовал его тесные связи с западноевропейскими учеными, знания иностранных источников по истории России, поручив ему подготовку ряда исследований и публикаций.

Довольно скоро тесные контакты установились и между Румянцевым и Кругом (1764—1844). В развертывавшейся деятельности кружка Круг предпочел занять положение консультанта, рецензента и редактора, выполняя свои обязанности с большим старанием и знанием дела. Под его редакцией были опубликованы переводы на русский язык сочинений известного специалиста в области исторической географии России академика Х. А. Лерберга [15]. Круг стал соредактором книги О. Е. Коцебу о плавании на «Рюрике» и некоторых других изданий кружка. Он консультировал сотрудников Румянцева по западноевропейским литературе и источникам. Через него были установлены связи с парижским эллинистом К. Б. Гаазе и ориенталистами Цирбедом и В. Сен-Мартеном.

В пору подготовки кружком издания полного русского перевода историко-географических и генеалогических работ Лерберга внимание Румянцева привлекла сокращенная публикация одного из сочинений Лерберга, осуществленная П. И. Кеппеном. В петербургских литературных и научных кругах Кеппен (1793—1864) тогда уже получил известность как один из основателей Вольного общества любителей российской словесности, ставшего литературным плацдармом будущих декабристов. Сын харьковского врача, с детства познавший нужду, он блестяще закончил Харьковский университет и, служа скромным чиновником в Почтовом департаменте в Петербурге, одновременно занимался изучением широкого круга лингвистических, библиографических, этнографических и исторических проблем. В 1816—1817 гг. Кеппен предпринял путешествие на Кавказ и в Крым с целью сбора этнографического и археологического материала, а затем уже на средства Румянцева осуществил аналогичную поездку в северо-западные и прибалтийские губернии. В 1821—1824 гг. вместе с путешественником А. С. Березиным он посетил ряд славянских стран.

Знакомство Кеппена со славянскими архивами, библиотеками, учеными и общественными деятелями имело большое значение для деятельности кружка. О результатах своей поездки Кеппен подробно информировал сотрудников Румянцева, стремившихся через него наладить

тесные связи с исследователями из славянских стран. Богатый исторический материал, собранный им, лег в основу целого ряда трудов кружка.

Возвратившись в Россию, Кеппен приступил к изданию «Библиографических листов» — библиографического журнала, в котором основное внимание уделялось текущей регистрации русских и иностранных книг о России, особенно касающихся славяно-русской филологии и истории.

Журнал Кеппена живо заинтересовал Румянцева, в это время всерьез мечтавшего о создании периодического органа кружка с универсальной исторической направленностью. Еще в 1821 г. он обратил внимание на объявление Ф. В. Булгарина об издании им журнала «Северный архив», но после получения программы журнала вежливо выразил его издателю сомнение в реальности замысла «сделать из журнала Вашего точку соединения, как Вы сами то обозначаете, между ученою Европою и Россиею» [16]. Авантюризм и беспринципность Булгарина в дальнейшем заставили Румянцева вообще отказаться от какой-либо его поддержки. Контакты же с издателями других выходивших в то время в России журналов, на страницах которых историческая проблематика занимала далеко не последнее место («Вестник Европы», «Сын Отечества», «Сибирский вестник» и другие), у членов кружка носили преимущественно личный характер.

Вот почему Румянцев с самого начала издания «Библиографических листов» оказывал Кеппену всяческую поддержку, прежде всего в организации своевременной информации о книгах, выходивших за границей, и в их доставке издателю. В свою очередь Кеппен предоставил широкие возможности для публикации в журнале работ членов кружка.

Взаимная заинтересованность издателя журнала и других сотрудников Румянцева в судьбах науки еще более сблизила их в критические для Кеппена дни, когда он подвергся гонениям за публикацию изложения сочинения Добровского о Кирилле и Мефодии, в котором духовные власти нашли мысли, несовместимые с церковными канонами. Грозившая Кеппену расправа была предотвращена личным вмешательством Румянцева [17].

Почти одновременно с Кеппеном к сотрудничеству в кружке был привлечен первый в России профессор восточных языков Х. Д. Френ (1782—1851), с которым

Румянцев познакомился через Круга. Ученик знаменитого немецкого исследователя О.-Г. Тихсена, Френ, прибыв в Россию из Германии в 1807 г., около десяти лет преподавал в Казанском университете. Здесь он заложил основу для своих будущих трудов в области восточной истории и восточных языков, изучая местные археологические памятники, а также занимаясь сбором восточных монет и исследованием местоположения городов Волжской Булгарии. Френ подумывал о возвращении на родину, но в 1817 г. Академия наук предложила ему звание академика и он переехал в Петербург, где с большим энтузиазмом занялся описанием восточных рукописей, хранившихся в Академии. С этого времени Френ возглавил и работу кружка по сбору и изучению восточных памятников.

Еще в Казани Френ установил тесные связи с местными учеными, в частности с татарской династией преподавателей Хальфиных. Одним из них был И. И. Хальфин, учитель татарского языка в местной гимназии, автор и переводчик учебных книг на татарский язык и составитель букваря и словаря татарского языка. Среди студентов Френа оказался и Я. О. Ярцев, который под его руководством защитил в 1816 г. диссертацию о восточных словах в русском языке, затем побывал в Персии и в 1818 г. прибыл в Петербург, где по рекомендации своего учителя стал адъюнктом Академии наук. Представленный Румянцеву, он с его помощью устроился на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, выполняя с этого времени поручения по разысканию и переводу древних восточных памятников. Под руководством Френа Хальфин и Ярцев подготовили в кружке публикацию сочинения хорезмского историка XVII в. Абулгази «Родословное древо тюрков».

Румянцев намеревался поручить Френу описание своего богатого собрания восточных монет, а также издание целого ряда памятников восточной письменности. Уже после смерти Румянцева на выделенные ранее им средства под редакцией Френа были опубликованы в виде писем к графу западноевропейского исследователя И. Хаммер-Пургшталя выдержки из сочинений средневековых восточных писателей.

В Петербурге в кружок постепенно вовлекался и ряд других известных ориенталистов. Еще в 1819 г. Румянцев поддержал рекомендательными письмами известного путе-

шественника и ученого О. И. Сенковского (1800—1858), когда тот отправлялся в свое знаменитое путешествие в Египет. После возвращения Сенковского Румянцев помог ему устроиться на службу переводчиком в Министерство иностранных дел, намереваясь «стараться, чтобы не остался он без важного употребления на распространение столь скудных наших сведений о странах азийских» [18]. По предложению Румянцева Сенковский готовил к изданию интересный источник по истории Кавказа — так называемую Дербентскую летопись. Консультировал и выполнял различные поручения Румянцева, связанные с восточными памятниками, также русский путешественник и дипломат Е. Ф. Тимковский (1790—1875), возвратившийся в 1821 г. из Китая.

Еще в период подготовки и заключения Фридрихсгамского мира у Румянцева сложились тесные дружеские контакты с финскими естествоиспытателями, писателями и историками. Один из них — А. Ю. Гиппинг (1788—1862) впоследствии стал библиотекарем у графа. Его Румянцев намеревался привлечь к изданию документов Кенигсбергского архива. В 1819 г. в Петербург переехал выпускник Абоского университета А. М. Шегрен (1794—1855), ставший впоследствии известым языковедом, фольклористом и этнографом. Сменив Гиппинга на посту библиотекаря, он активно подключился к работе кружка, издав сначала на средства Румянцева свое исследование, посвященное финскому языку и литературе, а затем по поручению Румянцева готовил переводы на французский язык нескольких русских книг, в частности «Путешествие в Туркмению и Хиву» Н. Н. Муравьева и «Путешествие в Коканд» Ф. Назарова.

В 1824 г. Шегрен приступил к осуществлению обширного плана изучения истории, языка и быта народов финно-угорских племен в ходе специальной экспедиции, финансировавшейся финляндским казначейством. Эту экспедицию всецело поддерживал и Румянцев, снабдивший Шегрена рекомендательными письмами к местной администрации. По просьбе Румянцева Шегрен установил контакт с сосланным в Валаамский монастырь выдающимся русским китаеведом Н. Я. Бичуриным и вел с ним успешные переговоры об издании его трудов и приобретении собранных им рукописей.

Освободившееся место Шегрена вскоре по предложению Румянцева занял А. Х. Востоков (1781—1864), вы-

пускник Академии художеств, писатель и переводчик. С 1815 г. он начал работать в Публичной библиотеке старшим помощником хранителя, а затем и главным хранителем отдела рукописей. Служба здесь дала Востокову широкие возможности для изучения древних письменных памятников. В 1820 г. появилось его «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка», произведшее глубокое впечатление на современников блестящим разбором и сопоставлением различных славянских языков на основании изучения древних рукописей. «Рассуждение» принесло Востокову широкую известность.

В 1824 г. Востоков оставил работу в Публичной библиотеке и поступил на службу к Румянцеву, который поручил ему продолжить подготовку начатого еще Калайдовичем издания одного из древнейших памятников славяно-русской письменности — Сборника Святослава 1073 г., а также составление пособия по палеографии и описание своего собрания славянских рукописей. Описание, законченное и изданное Востоковым уже после смерти Румянцева, стало одним из образцов подобного рода археографических работ, ценным сводом исторических, лингвистических, палеографических данных [19]. Не потеряло своего научного значения оно и до настоящего времени.

Деятельность Востокова скоро вышла за рамки данных ему поручений. Он стал одним из консультантов Румянцева в приобретении рукописей, рецензентом и редактором трудов других членов кружка. При его участии Погодин подготовил перевод исследования Й. Добровского о Кирилле и Мефодии, а Кеппен — публикацию славянских памятников, хранившихся в зарубежных архивах и библиотеках.

Некоторые петербургские исследователи приняли участие в отдельных предприятиях кружка. Служащий статистического отделения Экспедиции государственного благоустройства В. Ф. Вельяминов-Зернов, среди современников слывший человеком с «основательными познаниями», по поручению Румянцева готовил издание Русской Правды. Сын священника Тверской губернии Д. П. Попов, ставший адъюнктом Академии наук и профессором греческой и римской словесности в Петербургском университете, перевел «Историю» Льва Диакона. В 1824 г. он получил предложение Румянцева перевести на русский язык книгу французского исследователя Геля,

содержавшую комментарии к «Географии» Геродота. Возможно, граф финансировал и подготовку издания русского перевода «Илиады» и «Одиссеи», осуществленного Поповым, но оставшегося в рукописи. Литератор и переводчик Д. И. Языков в ответ на пожелание Румянцева намеревался составить «Словарь русских древностей». Он же перевел на русский язык исторические сочинения Лерберга.

Несколько исследований подготовили в кружке переводчик и поэт, автор учебников по русскому языку Я. О. Пожарский, бывший служащий Пермской казенной палаты, впоследствии известный историограф русского флота В. Н. Берх, большой знаток истории и этнографии Сибири, издатель журналов «Сибирский вестник» и «Азиатский вестник» Г. И. Спасский. Постоянными консультациями и помощью в переводе иностранных материалов Румянцев пользовался со стороны своих секретарей Г. Д. Богацкого и Б. Вихмана, а также библиотекаря иностранной части своей библиотеки М. Г. Плиссова.

Петербургские члены кружка привнесли в его деятельность новые направления: интерес к филологии, библиографии, всемирной истории, иностранной литературе и источникам. Они позже москвичей развернули свою работу. Если в Москве организационным центром стала Комиссия печатания государственных грамот и договоров, то в Петербурге им оказался дом Румянцева. Здесь, по свидетельству Карамзина, едва ли не еженедельно сотрудники графа собирались и вели оживленные беседы о древностях, «о политике, о будущей судьбе Европы».

Третий центр кружка образовали ученые, жившие в западных районах страны, прежде всего в Гомеле, Полоцке и Вильно. В этих местах еще в 1814—1817 гг. многочисленные поручения Румянцева, связанные с археологическими раскопками и описанием памятников, выполнял будущий министр финансов Е. Ф. Канкрин. Но активизация деятельности кружка связана с переездом сюда И. И. Григоровича (1792—1852). Выходец из многочисленной семьи священника гомельской усадьбы Румянцева, он стал «пенсионером» графа в Петербургской духовной академии и уже в студенческие годы вместе с рядом своих сокурсников подрабатывал у Румянцева разнообразными переводами.

Тогда же Григорович написал свое первое научное исследование о новгородских посадниках, изданное на

средства Румянцева с дополнениями Калайдовича [20]. Оно представляло собой добросовестную выборку сведений о посадниках из опубликованных и отчасти неопубликованных источников. По характеру и расположению материала книга Григоровича приближалась к справочному пособию. Подобные работы, посвященные древнерусским церковным деятелям и князьям, получили в начале XIX в. в России довольно широкое распространение.

С Григоровичем Румянцев связывал немалые надежды. Его неожиданное решение после окончания академии занять место своего отца в Гомеле первоначально вызвало возражение графа, который, как вспоминал Григорович, «отвлекая меня от рясы, однажды пригрозил, что будет на меня смотреть как на всякого сельского попа» [21].

Устроившись в Гомеле, Григорович серьезно занялся изучением истории местного края. Уже первое его знакомство с тамошними архивами оказалось успешным — найдены были интересные материалы по истории Белоруссии. Они стали ядром задуманного им трехтомного издания, первая часть которого с исправлениями и дополнениями Калайдовича и других московских сотрудников Румянцева была опубликована в 1824 г.

Разыскание документов для второй и третьей частей публикации вовлекли в кружок новых сотрудников. Среди них оказались архивариус полоцкой греко-униатской духовной консистории Кунцевич, полоцкий архимандрит И. Шулякевич, переводчик могилевского магистратного суда Н. Г. Горатынский (Гортынский), смотритель полоцких уездных училищ А. М. Дорошкевич (Дорошенко), молодой служащий полоцкого уездного казначейства И. Сыщанко и другие.

В начале XIX в. в научной и культурной жизни России, Польши и Литвы важную роль играло Вильно. Здесь существовали тайные студенческие организации, пропагандировавшие ограничение феодального гнета, равенство сословий, национальную независимость. В университете преподавали известные польские и русские историки И. Лелевель, М. К. Бобровский, И. Н. Данилович, исторические сочинения которых с огромным интересом читали в России.

Здесь же в 1821 г. профессором российской словесности стал И. Н. Лобойко (1786—1861). Сын губернского секретаря, окончивший Харьковский университет, он

преподавал, служил в разных правительственных учреждениях. В 1817 г. Лобойко предложил Румянцеву на его средства приступить к «критическому описанию всех внутренних и иностранных источников, относящихся к отечественной истории», включая археологические памятники, надписи, народные предания, сказки, мифологию и т. д.

Этот энергичный и общительный человек сразу же по приезде в Вильно установил дружеские связи с местной интеллигенцией. Лобойко рекомендовал Румянцеву нескольких краеведов: знатока литовской этимологии Л. Увойниса, жмудского поэта и археолога-любителя Д. Пошку, ксендза К. Незабитаускаса, доктора богословия И. Сосновского и студента университета С. Станкевича. От имени Румянцева Лобойко начал вести переговоры об издании на средства графа подготавливавшихся Пошкой, Незабитаускасом и Станкевичем словарей жмудского языка, с помощью их и других краеведов разыскивал для кружка исторические памятники в районе Вильно. Позже Лобойко вспоминал, что вместе с Лелевелем, Даниловичем и библиотекарем Контрымом они составляли целые «диссертации» в ответ на многочисленные вопросы Румянцева, связанные с научными проблемами [22].

Кружок, внимательно следивший за развитием науки и культуры славянских народов, через Лобойко предпринимал шаги по установлению связей с наиболее известными их представителями. Лобойко подробно сообщал Румянцеву о творчестве историков Лелевеля, Онацевича, научной поездке по Франции, Австрии, Германии, Италии и славянским странам польского исследователя Бобровского, занятиях польского библиографа и историка Линде. Через Лобойко и служащего канцелярии Н. Н. Новосильцева К. И. Буссе Румянцев не раз предлагал им приступить на его средства к различным исследованиям. С Линде велись переговоры о переводе на русский язык сочинения С. Бандтке, посвященного славянскому книгопечатанию, с Серно-Соловьевичем договаривались о переводе трудов Томаша Свенского, с Лелевелем — об его участии в издании сочинений членов кружка по истории и языку польского и литовского народов и древних письменных источников. Высоко оценивая знания и деятельность Лелевеля, Румянцев в 1821 г. поручил Григоровичу перевести на русский язык несколько исследований польского ученого, а самому Лелевелю предложил участвовать

в подготовке русского издания всех его исторических сочинений [23].

В Вильно сотрудничать с Румянцевым начал и крупнейший в то время знаток истории Великого княжества Литовского И. Н. Данилович (1787—1843). Сын русского униатского священника, студент, а затем профессор права Виленского университета, он получил серьезную подготовку в области истории законодательства в Варшаве и Петербурге. В 1822 г. Данилович стал членом комиссии по изданию Литовских статутов. С его именем в работе кружка связаны разыскания источников в районе Вильно, подготовка изданий Галицко-Волынской и Супрасльской летописей, Судебника Казимира 1468 г. и ряд других предприятий.

Контакты с польскими и литовскими учеными существенно отразились на всей деятельности кружка, расширив его интересы и давая толчок новым начинаниям. Они могли бы оказаться еще эффективнее, если бы в 1823—1824 гг. Виленский университет не подвергся разгрому в результате расследования специальной комиссией во главе с Н. Н. Новосильцевым деятельности местных тайных организаций. Около двадцати выпускников университета, в том числе Адам Мицкевич и его друзья, обвиненные в принадлежности к тайным обществам, были направлены учителями в великороссийские губернии, а Лелевель, Бобровский и Данилович отстранены от преподавания.

Сожалея о «потерях» университета, Румянцев оказал помощь в устройстве на службу нескольким изгнанным преподавателям и студентам. В частности, по его ходатайству в Харьковский университет был устроен Данилович.

Несколько энергичных сотрудников появились у Румянцева и в других районах страны. В Смоленске разысканием, описанием и копированием исторических памятников по его поручению занимался знаток прошлого Н. А. Мурзакевич (1796—1834). Будучи дьяконом, он должен был выносить откровенные насмешки духовного начальства за свои чересчур мирские увлечения. В Киеве сотрудником Румянцева стал преподаватель истории и географии в местных гимназиях М. Ф. Берлинский (1764—1848). Он играл заметную роль в научной и культурной жизни города и являлся автором нескольких интересных историко-географических исследований. Чле-

ны кружка намеревались издать ряд работ Берлинского, связанных с исторической топографией Киева и Украины. Большую роль в разыскании и копировании письменных памятников для кружка сыграл выпускник Александро-Невской академии, новгородский протоиерей и библиотекарь Новгородской Софийской библиотеки З. Т. Скородумов, занимавшийся историей религии.

Особые отношения с кружком сложились у Е. Болховитинова (1767—1837), который даже на фоне блиставших дарованиями сотрудников Румянцева выделялся незаурядными способностями. Сын приходского священника, в молодости он был одним из популяризаторов французских просветителей, написал одним из первых биографии Н. И. Новикова и А. Н. Радищева. Однако после смерти жены он неожиданно для многих постригся в монахи и со временем стал митрополитом. Человек противоречивых убеждений, по мнению некоторых исследователей даже склонный к атеизму, он под монашеской одеждой скрывал натуру рационалиста и скептика. Его прогрессивные высказывания нередко мирно уживались с откровенно реакционными. Болховитинов обладал острой наблюдательностью, необычайным трудолюбием. Общественно-политические события, проблемы науки, жизнь современников волновали его ничуть не меньше, чем церковные дела. Не желая, а возможно, и не умея делать широкие исторические обобщения, он занимался изучением конкретных вопросов русской, преимущественно церковной и местной истории, дипломатикой и библиографией. Сделано им в избранных направлениях немало. Его работа о древнейшей русской жалованной грамоте князя Мстислава новгородскому Юрьеву монастырю стала первым в России классическим исследованием в области дипломатики и палеографии, а труды по истории Киева, Пскова, Новгорода благодаря богатой документальной базе не потеряли своего значения и сейчас.

Несмотря на длительную и обширную переписку с Румянцевым, Болховитинов остался в стороне от основных предприятий кружка, хотя историографическая традиция неизменно называет его в числе самых активных сотрудников Румянцева. Причиной этого, возможно, стал ряд случайностей.

Впервые их пути сошлись около 1812 г., а возможно и раньше, когда Болховитинов в лице Румянцева надеялся найти покровителя издания своего исследования о

грамоте князя Мстислава. Договоренность об этом была достигнута, но какие-то обстоятельства помешали осуществлению издания. Дело ограничилось гравировкой текста грамоты и частичным набором исследования. Сам Болховитинов позже обвинял в этом А. Н. Оленина, давшего якобы отрицательный отзыв на его труд. Оскорбленный, он передал работу М. Т. Каченовскому, который и опубликовал ее в журнале «Вестник Европы». В течение нескольких лет после этого между Болховитиновым и Румянцевым происходил лишь любезный обмен научными новостями.

Взаимная заинтересованность вновь возникла около 1817 г., когда Общество истории и древностей российских отказалось печатать «Словарь русских духовных и светских писателей» Болховитинова, ранее опубликованный им по частям в журнале «Друг просвещения». Это была первая после известного «Исторического словаря» Н. И. Новикова сводка биографий русских писателей. Румянцев деликатно предложил свои услуги по финансированию печатания «Словаря». Подготовка рукописи к изданию и корректура были поручены Анастасевичу. Но уже выход первой части привел к взаимному разочарованию: текст оказался набранным неряшливо, с многочисленными ошибками. Румянцев потребовал снять с титульного листа «Словаря» свой герб [24].

Болховитинов запомнил свои две неудавшиеся попытки сотрудничества с Румянцевым. В дальнейшем, несмотря на неоднократные предложения, непосредственного участия в работе кружка он не принимал, хотя и консультировал его членов в процессе подготовки ими научных трудов. Румянцев был многим обязан ученому монаху: в процессе их многолетней переписки возникали новые научные замыслы, обсуждались исследования кружка.

Постепенное сплочение вокруг Румянцева представителей различных слоев русского общества и приложение их труда, знаний, энергии на решение строго очерченного круга задач имели свои истоки в общественной атмосфере тех лет. Великая французская революция, наполеоновские войны и борьба народов Южной Европы и Южной Америки за свое социальное, политическое и национальное освобождение усилили и в русском и в зарубежном обществах интерес к истории. С помощью истории пытались объяснить настоящее, фактами прошлого широко

оперировали в качестве обоснования разнообразных практических мер. Исторические экскурсы стали неотъемлемой частью публицистических, литературных, экономических сочинений, повествования о прошлом заняли прочное место на страницах почти всех выходивших в то время в России журналов. «И моя деревня должна принадлежать истории»,— в этих словах писателя М. Н. Макарова отразился подъем, который переживало тогда краеведение. Объявляются всероссийские подписки по сбору денежных средств на строительство памятников на Куликовом поле, Минину и Пожарскому. Для сотен людей в различных уголках России изучение прошлого становится важной духовной потребностью. Возникают национальные кадры историков с отчетливо выраженной тенденцией к постепенной демократизации их социального состава.

В XVIII в. исторические изыскания в основном являлись результатом обычной службы или были связаны с личными интересами обеспеченных людей. Иное положение сложилось в начале XIX в. Правительство, заигрывая с общественностью, предприняло ряд мер по централизации исторических исследований, исходя из интересов самодержавно-крепостнического государства. В 1803 г. на официальную должность «российского историографа» назначили Н. М. Карамзина, почти тогда же были организованы научные общества при университетах. Расширение круга людей, занимающихся научными исследованиями, выдвинуло новую проблему — проблему материального фактора. Необходимость поиска средств к существованию часто налагала свой отпечаток на творческую судьбу ученых, подчас вынуждала их вообще отказываться от своих занятий. Так, Григорович, познавший с детства нужду, все-таки решил, что лучше быть сельским попом, нежели столичным антикварием: «первое приносит доход, сколь бы он мал ни был, а другое — издержки, так сказать, на прихоти ума. Нашему ли брату гоняться за сими прихотями, коли мало стает и на потребности желудка? Великое — великим, малое — малым, и это последнее — наше» [25].

Сын знаменитого историка А. Л. Шлецера, Х. А. Шлецер, будучи даже профессором Московского университета, в ответ на предложение Румянцева заняться переводом и изданием полученных из Кенигсберга грамот писал Малиновскому: «Его сиятельство говорил мне о патриотизме

в то время, когда у меня не было даже кровати, и я должен был спать на полу. Конечно, можно сделать что-нибудь из патриотизма, но увы...»[26]. В противоположность Шлецеру Круг, отказываясь от приглашения принять участие в издании летописей, недвусмысленно намекал на то, что дескать «любой провинциальный профессор получает денег больше, чем академик».

Обеспечить научные изыскания не смогло в это время в должной мере и Общество истории и древностей российских, организованное в 1804 г. Оно состояло из восьми профессоров Московского университета, имевших весьма отдаленное отношение к историческим занятиям, и пяти почетных членов — известных историков, понимавших свои обязанности как дело исключительно добровольное. В последующие шесть лет Общество мало продвинулось вперед в осуществлении поставленной перед ним задачи по подготовке издания летописи Нестора. Его реорганизация в 1810 г. была неизбежной и оправданной. Теперь к работе были привлечены несколько журналистов, издателей и служащих, а затем в состав Общества стали избирать окончивших университетский курс кандидатов словесных наук, а также краеведов. Со временем молодые и энергичные члены Общества заняли ведущее положение в его работе. На его заседаниях они выступали со своими исследованиями, проектами, готовили несколько публикаций, в том числе «Записки и труды», «Русские достопамятности» и другие. Некоторые из них — в первую очередь Калайдович и Строев — связывали с этой организацией немалые надежды в реализации своих творческих планов. Большинству из них в первой четверти XIX в. не было суждено осуществиться: слишком ничтожной оказалась в это время финансовая база Общества.

Периодические «засыпания», по выражению Болховитинова, Общества истории и древностей российских, профессиональный снобизм занятий и высокомерие многих членов Академии наук, этимологические упражнения Российской академии во главе с одним из идеологов российского дворянства А. С. Шишковым можно было преодолеть лишь глубокой и искренней заинтересованностью в развитии отечественной науки, самоотверженным трудом, подкрепленным соответствующей материальной базой. Члены кружка, для большей части которых в условиях самодержавно-крепостнического государства реализация научных замыслов была подчас связана с преодолением

нелегких условий жизни, нашли в лице Румянцева своеобразного «кассира российской словесности», хотя сам он оскорблялся, когда его так называли.

В начале XIX в. меценатство получило в России известное распространение, являясь одним из проявлений общественной деятельности. В его мотивах часто переплетались и искренние чувства патриотизма, и честолюбие, и стремление обратить на себя внимание императора, не раз внешне демонстрировавшего в это время свою заинтересованность «ходом русского просвещения». Так, сын другого русского фельдмаршала, М. Ф. Каменского — граф С. М. Каменский — стал покровителем изданий нескольких книг о подвигах своего недавно умершего брата — молдавского главнокомандующего графа Н. М. Каменского, а также изданий, посвященных военной истории.

Румянцев не принадлежал к тому типу меценатов, которые лишь внешне демонстрировали свое внимание к делам просвещения в погоне за славой, по честолюбивым соображениям и в надежде на память потомства. Искренняя заинтересованность в судьбах русской науки, патриотизм и личная увлеченность научными проблемами являлись основополагающими причинами его меценатской деятельности. Материальная поддержка Румянцева в свою очередь стала основой неофициального объединения профессиональных ученых, краеведов, своеобразных «технических сотрудников» — писцов, переводчиков, граверов, художников — и стимулом их коллективного участия в решении определенных научных проблем.

Организацию большинства своих предприятий Румянцев старался поставить на деловую основу. Охотно заявляя о готовности платить за труды членам кружка, он не смущался вступать с ними в подчас длительные переговоры о цене. «Я всю свою жизнь,— писал он в 1824 г. Малиновскому,— держался непременно сих двух правил. Первое, чтобы во всяком предприятии делать соглашение ясное и точное; второе, чтобы никогда и ни под каким видом не брать на себя обязательства в платежах беспрерывных, коим точного окончательного срока не назначено, и которые могли бы, продолжаясь, быть приняты как бы за определенный пенсион» [27].

Румянцев практиковал несколько способов привлечения к себе сотрудников. Наиболее распространенными из них стали наем на определенное время и единовременные

денежные вознаграждения. Последние являлись своеобразными гонорарами, суммы которых колебались от нескольких десятков до сотен рублей, а ведущим сотрудникам достигали нескольких тысяч. Так, например, Калайдович за описание рукописей Синодальной библиотеки должен был получить 6 тысяч рублей, твердые годовые оклады имели Востоков, Штрандман, Анастасевич, Шегрен. Участие в работе кружка Румянцев поощрял и ценными подарками, протекцией по службе. Наряду с денежными суммами членам кружка нередко выделялись части тиражей опубликованных ими на средства графа трудов, деньги от реализации которых самими авторами поступали в их распоряжение. Все это, конечно, не могло быть единственным источником существования для членов кружка, но тем не менее играло заметную роль в их материальном благополучии. Григорович, например, на деньги, полученные от Румянцева за «Новгородских посадников» (300 рублей), смог отремонтировать свой ветхий дом в Гомеле; В. С. Караджичу 500 рублей, посланные графом в 1823 г., на какое-то время обеспечили «домашние потребы» [28].

Помимо оплаты труда сотрудников материальная поддержка Румянцева распространялась и на финансовое обеспечение их исследований. Денежные средства выделялись графом на организацию археологических, этнографических и археографических экспедиций, приобретение бумаги, чернил, копирование документов и их перевод, типографские расходы. Все это в еще большей степени способствовало появлению трудов членов кружка.

По мнению Е. В. Барсова, Румянцев затратил на научные предприятия свыше 300 тысяч рублей. Цифра эта значительно занижена; по нашим подсчетам, она должна составлять более 1 миллиона. Приведем лишь наиболее известные статьи научных расходов Румянцева: организация географических исследований, в том числе экспедиции на корабле «Рюрик», стоила около 110 тысяч рублей, издание «Собрания государственных грамот и договоров» — свыше 66 тысяч рублей, подготовка изданий летописей и византийских писателей — соответственно более 25 тысяч и 17 тысяч рублей. Средняя стоимость большинства изданных кружком книг (типографские расходы и гонорары авторам) составила около 1 тысячи рублей, а у некоторых была еще выше. Например, печатание «Греческого лексикона», который по поручению Ру-

мянцева готовил знаток древнегреческой литературы, впоследствии известный дипломат С. Ю. Дестунис, на самом начальном этапе стоило по крайней мере 4100 рублей, печатание «Финского словаря» Г. Рейнваля — 6,5 тысяч рублей. Известно, что только 44 из более чем семисот рукописей собрания Румянцева стоили ему около 8 тысяч рублей.

Немалые суммы были затрачены и на регулярные мелкие поощрения (в размере от 25 до 30 рублей) лицам, выполнявшим отдельные поручения, а также на строительство памятников М. В. Ломоносову — в Архангельске, П. Г. Демидову — в Ярославле, в честь победы в 1380 г. на Куликовом поле и другие, на пожертвования в училища, коллегиумы, университеты. Уже после смерти Румянцева некоторые из этих пожертвований вместе со значительными процентами были использованы на научные предприятия Академией наук и другими организациями.

В 1814 г. Евгений Болховитинов писал В. Г. Анастасевичу о том, что в России будто бы трудно подобрать людей, которые бы с большой отдачей могли заняться историческими работами: «Вы думаете, что можно было бы такими делами заняться духовным или семинарским учителям. А я думаю, что ни тем, ни другим неудобно. Архиереи все обременены приказными делами по нынешней всеобщей охоте к оным. Священники заняты приходами и доставлением в них пропитания своему семейству. Учителя — уроками и чтением ученических задач, коих оному приходится в неделю прочитать до 300. Монахов, пристальных к досужему учению, мы еще не имеем, а как скоро кто покажется к сему способным, то его тотчас производят в чины и приставляют ко многим должностным делам. Кто же рыться будет в архивах?..» [29] Насколько изменила Болховитинову его обычная наблюдательность, свидетельствует анализ социального состава Румянцевского кружка. С учетом длительности и характера связей Румянцева с современниками, выразившегося в материальном обеспечении с его стороны их научных предприятий, ядро этого объединения приблизительно выглядит следующим образом (не считая зарубежных сотрудников Румянцева и лиц, выполнявших его отдельные поручения, число которых составляет свыше двухсот). Из 55 человек, которых можно признать членами кружка, 26 были чиновниками; 7 — профессорами и преподавателями университетов, гимназий, училищ; 6 — представителями мелкого

и среднего духовенства; 4 — членами и адъюнктами Академии наук и 12 состояли непосредственно на службе у Румянцева. Лишь нескольких из них можно назвать профессиональными учеными (представители московского центра кружка, работавшие в Московском архиве Коллегии иностранных дел, профессора и преподаватели «российской истории и словесности»). Для подавляющей части членов кружка научные изыскапия были личным делом, поощряемым Румянцевым.

Кружок составили ученые разных поколений. Бантыш-Каменский, Крузенштерн, Малиновский, Круг, Анастасевич, Аделунг, Френ начинали свой научный путь еще в XVIII в., были современниками и даже, как Бантыш-Каменский и Малиновский, участниками предприятий Новикова. Калайдович, Строев, Снегирев, Погодин, Кеппен, Шегрен, Попов, Востоков, Григорович представляли молодое, только начинающее свой творческий путь поколение исследователей, для которых выдающаяся деятельность Новикова становилась уже предметом изучения и примером, достойным подражания.

Почти с самого начала возникновения кружок представлял многонациональное объединение ученых: русских, поляков, сербов, литовцев, немцев, французов. В решении многих научных проблем он выходил за национальные границы, установив тесные связи с исследователями, жившими вне России, которые выступали не только консультантами изысканий, но и инициаторами и участниками многих начинаний. В Европе, уставшей от войн, раздираемой противоречиями, наука знакомила и сближала ученых. Постепенно в сферу замыслов кружка оказались вовлеченными западноевропейские исследователи: К. Б. Гаазе, Вивиен де Сен-Мартен, И. Хаммер-Пургшталь, И. Г.-Л. Козегартен, выдающийся исследователь сербского языка и фольклора В. С. Караджич, и другие.

И в центре деятельности всей этой группы людей находился Румянцев. Поставив перед собой задачу прежде всего организационного решения научных проблем, он с самого начала представлял их осуществление на коллективной основе. «Давно питаю мысль важную,— писал однажды он Евгению Болховитинову,— которая приготовила бы для будущего точного сочинения российской истории все нужные элементы. Я желал бы составить общество писцов, из коих один занимался бы извлечением из летописей всех без изменения упоминаемых лиц; дру-

гой — всех географических упоминаний областей, городов, сел, рек, озер, городищ, дабы можно было из сих двух статей составить два лексикона; третий вписывал бы в свою тетрадь единственно все обстоятельства, касающиеся до порабощения нашего татарами, с упоминанием всех татарских лиц без изъятия; четвертый вносил бы в свою тетрадь выписку всех статистических статей, т. е. известий о налогах, о доходах, о монетах, о разных ценах хлеба и иных припасов» [30]. Образцом такой организации научно-исторических исследований он считал для себя Варшавское общество любителей наук, многие из членов которого поддерживали с ним связи.

В решении любой научной проблемы Румянцев проявил способности крупного организатора. Он координировал всю работу по копированию документов, их переводу, проведению археологических раскопок, организации своеобразного «рецензирования» исследований своих сотрудников. Почти всегда исподволь и деликатно консультировался со специалистами, устанавливая научную важность предлагаемых ему предприятий; брал на себя необходимые финансовые расходы, получение разрешений на занятия в архивах, на археологические раскопки, обеспечение труднодоступной литературой. Так, Калайдович в пору работы над исследованием о жизни и деятельности болгарского писателя IX—X вв. Иоанна экзарха был обеспечен соответствующими рукописями, книгами, типографским шрифтом, изготовленным по специальному заказу. Для Востокова по распоряжению Румянцева в Вене закупили «все, что там напечатано было на пользу ранних колен славянского племени». Необходимыми книжными пособиями снабжались при изучении древнерусского, польского и литовского законодательства Вельяминов-Зернов и Данилович. Пожарскому было доставлено издание Краледворской рукописи.

Своеобразный «Департамент русской истории», личная канцелярия Румянцева, ежедневно отправляла десятки писем в разные концы России и за границу, в которых содержались предложения, распоряжения, просьбы о консультации. Нити научных замыслов сотрудников графа сходились к нему, часто наполнялись новым содержанием, творческие планы получали материальную поддержку и, реализовываясь, становились для членов кружка общим делом.

Становление кружка происходило в важный для исто-

рии России период. Продолжалось разложение феодально-крепостнической системы, усиливались классовые противоречия, формировалось декабристское движение. Очевидно, было бы слишком упрощенно говорить об общем отношении членов кружка к злободневным проблемам современности: для этого нет документальных оснований. Слишком разными оказались люди, объединенные Румянцевым. Сам он был чрезвычайно осторожен в своих высказываниях о современных событиях, позволяя себе лишь осуждение «эпохи лени и темноты» и подчеркнуто деловые научные связи с деятелями прогрессивного лагеря России, Польши и других стран. Другие члены кружка — В. Г. Анастасевич, К. Ф. Калайдович, И. Н. Лобойко, П. М. Строев, П. И. Кеппен — были знакомы с декабристами А. А. Бестужевым, Ф. Н. Глинкой, П. А. Мухановым, К. Ф. Рылеевым, В. Д. Сухоруковым, нередко встречались с ними, влекомые чувствами взаимной симпатии. Члены кружка помогали декабристам в их исторических занятиях. Строев, например, даже составил исторические примечания к «Думам» Рылеева. Однако нет никаких оснований говорить о каком-либо идейном единстве даже этих сотрудников Румянцева с декабристами.

Открыто выраженным охранительным мировоззрением обладали В. Н. Берх, Е. Болховитинов, А. Ф. Малиновский, М. П. Погодин. Какие-либо суждения об остальных членах кружка высказать трудно. Это были люди с разными жизненными судьбами, интересами и характерами, для которых работа в кружке была лишь частью обычной человеческой жизни. В их поступках и убеждениях можно уловить разочарование и оптимизм, скепсис и активную деятельность, сочувствие угнетенным и восторг перед монархом-победителем, преклонение перед графом-меценатом и осознанное чувство собственного достоинства. В целом же, очевидно, будет справедливо сказать, что общественно-политические убеждения членов кружка не выходили за рамки дворянского мировоззрения, в пределах которого одни, испытав влияние просветительской идеологии, пытались обосновать необходимость реформ, в том числе ликвидацию или ослабление крепостничества, другие предпочитали изучать «мертвых друзей», оградившись от действительности барьером своих интересов.

Таким образом, кружок представлял собой неофициальное объединение исследователей, финансирование дея-

тельности которых Румянцевым создавало возможности для коллективного решения разнообразных научных проблем. В представлении современников и последующей историографии работа членов кружка именно в этом плане представляла диссонанс с работой Карамзина над «Историей государства Российского», который один «молча ворочал каменья» исторического материала в подмосковном Остафьеве.

Изыскания кружка частично совпали с подготовкой Карамзиным своего выдающегося труда, выход которого оказался самым крупным событием в русской историографии первых десятилетий XIX в. Многие сотрудники Румянцева — Калайдович, Малиновский, Строев — щедро снабжали историографа историческим материалом. Румянцев предоставил Карамзину возможность использовать ряд документов своего собрания, полученных из зарубежных архивов. Сохранилось свидетельство о том, что в период поиска историографом средств на издание «Истории» Румянцев предложил ему свои услуги, но Карамзин отказался принять деньги от «партикулярного человека». Соответственно в 1819 г. граф не принял предложения, обратившегося к нему по рекомендации А. И. Тургенева Сен-Тома финансировать перевод на французский язык труда Карамзина, аргументируя это тем, что «передать на чужестранный язык те важные выписки древних наших рукописей, коими Николай Михайлович обогатил свое сочинение, есть дело невозможное...» [31]

В разноголосице мнений, которыми сопровождалось появление «Истории государства Российского», восхвалявших и осуждавших ее автора, оценок членов кружка мы не услышим. Румянцев лишь однажды позволил себе заметить, что «Карамзин за свою отчизну самохвал». Трудно сказать, какой смысл вкладывал он в свои слова, насколько разделял монархическую концепцию Карамзина на прошлое России.

Румянцев внимательно следил за публикацией на страницах «Северного архива» критической рецензии Лелевеля на «Историю государства Российского», вызвавшей огромный общественный резонанс в России. Он полагал даже, что польский историк «слишком вежлив», «щадит» Карамзина, когда тот заслуживает «осуждения». И все же, несмотря на то что члены кружка, очевидно, не смогли подняться до степени общественно-политической оценки исторических представлений Карамзина,

в их отношении к труду историографа отчетливо прослеживается одна общая линия. Условно ее можно назвать источниковедческой. Смысл ее сводился к тому, что Карамзин не все рассказал в своей «Истории», многое домыслил и допустил фактические ошибки. Причину этого они видели в недостаточно широкой источниковой базе «Истории» и вообще современных исторических исследований. Отсюда вытекала основная программная установка кружка о необходимости как можно больше вводить в научный оборот разнообразные исторические источники. Подобная точка зрения сближала сотрудников Румянцева с декабристами-историками, также выступавшими за широкие разыскания и издание памятников прошлого.

Глава 2

«СОБИРАЕМ РАССЕЯННОЕ»

К началу XIX в. русская историческая наука использовала немало письменных, археологических и других источников. Изысканиями ученых XVIII в.— В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, И. Н. Болтина, В. В. Крестинина, М. М. Щербатова, Н. И. Новикова, А. И. Мусина-Пушкина — были открыты и частично изданы ценные документальные памятники: летописные списки, древнерусские законодательные источники, акты, публицистические сочинения. Были сделаны первые фольклорные записи, а со времен Петра I начался сбор этнографического и археологического материала. В 1791—1795 гг. по указу Екатерины II учреждениями духовного ведомства проводится специальное выявление и описание исторических рукописей в Синодальной, Типографской библиотеках в Москве, в библиотеках Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского монастырей и в других хранилищах. Часть рукописей из них направляется в Синод и становится известна исследователям, близким к тогдашнему обер-прокурору Синода А. И. Мусину-Пушкину. Почти одновременно Н. Н. Бантыш-Каменским, А. Ф. Малиновским, Г. Ф. Миллером и другими архивистами составляются первые тщательные описи документальных комплексов Московского архива Коллегии иностранных дел.

Конец XVIII — начало XIX в. ознаменовался и рядом уникальных находок. В руки екатерининского вельможи А. И. Мусина-Пушкина попадают список «Слова о полку Игореве» и пергаменный список Лаврентьевской летописи; Н. М. Карамзин находит пергаменную Троицкую летопись. В конце XVIII в. на Таманском городище обнаруживают знаменитый Тмутараканский камень с древнерусской надписью XII в. Спустя несколько лет впервые становится известна подборка фольклорных записей Кирши Данилова.

Эти и другие открытия будоражили воображение, давали основания для надежд на новые, еще более интересные находки. Особенно большую роль в появлении таких надежд сыграло открытие рукописи «Слова о полку Игореве». Разгоравшиеся споры о подлинности поэмы, естественно, ставили вопрос о других источниках, которые могли бы помочь объяснению «Слова». Их разыскание становится одной из важнейших задач. «Кто знает,— писал в 1815 г. неизвестный сотрудник Румянцева,— что в мрачных кладовых или пылью обремененных архивах не кроются [ли] подобные стихотворения? Пожелаем их появлению на свет» [1]. В 1828 г. Строев, отправляясь в Археографическую экспедицию, писал Кругу: «Не одна ли находка одного или двух списков Песни о походе Игоря в состоянии разогнать мрак, препятствующий вполне понимать сей драгоценный памятник нашей древней словесности» [2].

В настоящее время для исследователей — в первую очередь историков и филологов — сбор фактического материала прежде всего связан с хорошо поставленной и исчерпывающей информацией о нем в системе рукописных отделов библиотек, музеев и государственных архивов. Открытия вне этой системы, например в ходе археографических экспедиций, редки. Иное положение складывалось в XVIII—XIX вв., когда ученые встречали серьезные трудности в деле разыскания и сохранения памятников. Можно вспомнить, например, как Востоков, зная о существовании нескольких рукописей XIII—XIV вв., имевших исключительное значение для его построений, не мог получить их только лишь в силу того, что они находились в частных руках.

К началу XIX в. не существовало специального органа, который возглавлял бы работу по разысканию и упорядочению исторического материала. В большинстве слу-

чаев она проводилась пассивно либо основывалась на энтузиазме отдельных исследователей, коллекционеров и не имела сколько-нибудь единой методической основы. Например, пополнение рукописной и археологической коллекций Общества истории и древностей российских в первые два десятилетия его существования происходило не в результате специальных разысканий, а в процессе случайных пожертвований лиц, намеревавшихся стать «соревнователями» или членами Общества.

Архивы и библиотеки, особенно на местах, находились в жалком состоянии. Письменные памятники гнили в сырых подвалах присутственных мест, на колокольнях, в монастырских и церковных хранилищах, «никем не хранимых и никем не описанных, в архивах, кои нещадно опустошает время и нерадивое невежество, в кладовых и подвалах, недоступных лучам солнца, куда груды древних книг и свитков снесены для того, чтобы грызущие животные, черви, ржа и тля могли истреблять их удобнее и скорее» [3]. Это свидетельство Строева в его выступлении на заседании Общества истории и древностей российских было отнюдь не ораторским приемом расшевелить слушателей. Оно опиралось на знание состояния русских хранилищ. Бумажный «хлам» преспокойно жгли, топили в реках, древние изделия переплавляли на перстни, кресты, броши. Далеко не во всех хранилищах существовала строгая система учета исторического материала. При таком отношении к древностям неудивительно, например, что профессор Х. Ф. Маттеи, описывавший греческие рукописи Синодальной библиотеки, смог беспрепятственно изъять и увезти за границу части некоторых из них.

Московский пожар 1812 г. «осветил» и еще одну сторону проблемы сохранности документальных памятников. В его огне погибли, по крайней мере, тринадцать рукописных коллекций, находившихся в частном владении или вошедших в собрания ведомственных, учебных и научных учреждений, только в трех из которых насчитывалось свыше 640 рукописных книг. Среди погибших памятников оказались «Слово о полку Игореве» и Троицкая летопись. Эта утрата еще больше обострила озабоченность современников сохранностью национальных исторических и культурных памятников.

«В России много отечественных древностей,— писал в 1811 г. Калайдович.— Первое и важнейшее место занимают книги; в одном краю они гниют в углах монастыр-

ских, в другом невежество жжет их, употребляет на обвертки, кой-где попадают они в руки мелочных торгашей и продаются иногда за бесценок и очень, очень редко появляется знающий охотник, который с возможным тщанием хранит их и делает из них лучшее употребление...

Какой отчет дадим мы просвещению? У нас нет полного собрания древностей или хотя такого, который бы предвосхитил прочие: один имеет то, другой — другое, и все это рассеяно в руках частных, неверных»[4]. Осознание того, что исторические памятники являются необходимым средством патриотического просвещения и пропаганды отчественной культуры, особенно при условии их определенной концентрации и централизованного хранения, стало важным достижением научной мысли начала XIX в.

Вне рамок кружка определенные шаги в этом направлении предпринимались не раз. В 1812 г. член Общества истории и древностей российских Я. И. Бардовский предложил Обществу заняться «разведкой древних манускриптов по монастырям» Москвы. Частично это было осуществлено двумя годами позже Калайдовичем. В 1819 г. смоленский губернатор К. И. Аш разослал по уездам печатную прокламацию. В ней предлагалось разыскать, «нет ли где-либо у кого-нибудь исторических рукописей, грамот, рескриптов, подлинных или в копиях, древних записок, книг, повестей церковных, гражданских и других сведений», копировать или приобретать их, присылать «камни надгробные и другие памятники земляные и каменные», описать «места, которые любопытны по преданиям», древние церкви, монастыри, собрать сведения о подвигах местных жителей в 1812 г.[5]

Венцом всех этих и подобных замыслов в это время стал широко известный план археографического обследования России, предложенный Строевым Обществу истории и древностей российских в 1823 г. и начавший осуществляться пятью годами позже.

В 1817—1821 гг. сотрудники Н. П. Румянцева Б. Вихман и Ф. П. Аделунг выступили с проектами создания единого всероссийского музея древностей — культурно-просветительного учреждения, в патриотических целях пропагандирующего исторические знания[6].

Вихман предлагал сосредоточить в одном месте все письменные памятники, включая документы зарубежных

архивов, касающиеся истории России, с помощью их приобретения или копирования. Специальный отдел такого хранилища должен был заниматься «обращением» памятников, т. е. их использованием.

Еще более широким по замыслу был проект Аделунга. Он предусматривал «сколь возможно полное собрание всех предметов, относящихся к истории, состоянию и произведениям какой-либо земли и ее жителей». Аделунг предлагал составить «храм русской истории» в Москве из четырех отделов. Первый включал бы все когда-либо выходившие книги о России, карты, планы, рукописи из архивов и частных собраний, статуи, барельефы, картины, рисунки, гравюры. Во втором отделе предлагалось сосредоточить греческие и римские монеты, статуи, сосуды, оружие, найденные на территории Российской империи, а также русские монеты, медали, надписи. Третий отдел должны были составить этнографические материалы: одежда, орудия труда, утварь и другие вещи, а также словари народных говоров. Наконец, четвертый отдел, по замыслу Аделунга, мог представлять «произведения природы и искусства»: чучела животных и птиц, минералы, растения, модели машин. Создание такого музея Аделунг связывал с помощью со стороны правительства. Он был рассчитан на занятия ученых и посещение любого «порядочно одетого человека».

Среди членов кружка проекты Вихмана и Аделунга нашли горячий отклик, но вряд ли сам Румянцев связывал вначале их осуществление со своим именем. Приблизительно в 1814—1817 гг. силы кружка в основном были направлены на подготовку издания «Собрания государственных грамот и договоров». В процессе работы над этой публикацией постепенно становилось ясно, что оригинальные документы Московского архива Коллегии иностранных дел можно дополнить материалами других русских и зарубежных хранилищ. Экспедиция Калайдовича и Строева по Подмосковью в 1817 г. еще раз показала богатство русских монастырских, государственных и частных архивов. От сугубо практических целей архивных разысканий для «наполнения» той или иной публикации кружок около 1817 г. перешел к разносторонним поискам самых разнообразных памятников. С этого времени начинается активное пополнение рукописной, археологической, нумизматической и этнографической коллекций Румянцева.

Реестръ

рукописнымъ бумагамъ находящимся при библіотекѣ россійскихъ книгъ и расположеннымъ по №

№

1. Рукописаніе Даніила Епископа. fol.

2. Начало Кіевскаго Патерика. fol.

3. Выписка изъ Софійскаго Синодика о древнихъ Россійскихъ Князьяхъ. Спис. въ древн. 7040го года. fol.

4. Правая Грамота, данная по суду Московскаго Тіуна Гаврилы Андреева Михайлу и Зи... Колупаевымъ дѣтямъ Приклонскимъ, на возвращеніе имъ деревнихъ отъ нихъ Слуденокъ Чернавки и Селенки и на холопство крѣпостнаго человѣка Никиты, взятаго у Тимоѳея Волынскаго за то, что тотъ Никита женилъ на Чернавкѣ писана 1542. Декабря. fol.

Опись рукописной части коллекции Н. П. Румянцева (1814 г.)

Вначале это были отдельные и во многом случайные приобретения через сотрудников графа, а затем кружок приступил к организации специальных археографических, археологических и этнографических экспедиций. Так, уже в 1818 г. в инструкции, данной Румянцевым Мурзакевичу, предлагалось в районе Смоленска наряду с разведкой, «нет ли в чьих частных руках древних рукописей», разыскивать, «нет ли древних орудий или хозяйских ве-

щей... нет ли каких в церквах или около них надгробных очень древних надписей, предшествующих XVI веку, или иных монументов»[7]. Почти одновременно через Берха Румянцев рекомендовал учителю Пермской гимназии Калестинову, отправлявшемуся на его средства обследовать берега рек Тагила, Лобви и Чусовой, снять «точные и верные списки с разных насечек, кои на камнях по берегам их существуют», отыскивать, приобретать или копировать письменные документы, собирать «словари или некоторые речения разных народов, по берегам сих рек обитающих, и разведывать, нет ли у них древних богатырских песен или сказок, то и таковые в подлиннике или переводе мне доставить»[8].

Таким образом, в деятельности кружка по собиранию документальных памятников постепенно усиливалась универсальность разысканий. Его члены перешли от поисков документов в Московском архиве Коллегии иностранных дел к обследованию заграничных и русских архивов, к изучению археологических памятников и к сбору этнографического материала. В последние пять лет существования кружка поиски осуществлялись в ходе комплексных археографических, археологических, этнографических «полевых» экспедиций.

К концу своей жизни Румянцев мог с основанием считать в какой-то мере реализованными планы Вихмана и Аделунга. У него была крупнейшая библиотека в России, насчитывающая около 28,5 тысяч книг, среди которых почти полторы тысячи — русских, в том числе 213 старопечатных. Отдел истории включал более 12 тысяч томов[9]. Богатейшее собрание оригинальных славянских рукописей * и их копий насчитывало свыше 700 номеров. В нумизматическом кабинете только греческих и восточных монет оказалось около полутора тысяч экземпляров, а в этнографической коллекции находились предметы быта, оружие, одежда, украшения русских, алеутов, коряков, а также народностей, населявших Филиппинские, Сандвичевы и другие острова. Граф владел и богатым

---

* Под «оригинальными славянскими рукописями» в данном случае подразумеваются рукописи, создание которых не связано с инициативой и деятельностью кружка. В этом же смысле и архивные копии, изготовленные не сотрудниками Румянцева, также относятся к ним. Ниже речь идет преимущественно о русских и славянских рукописях из коллекции кружка.

собранием разных минералов. По универсальности подбора всевозможных памятников и их научной ценности все собрания Румянцева занимали одно из первых мест в России начала XIX в.

Свою библиотеку и коллекции Румянцев мечтал сделать всеобщим достоянием. Еще в 1813 г. на пожертвованные им средства в Великих Луках была открыта библиотека, ставшая одной из первых общедоступных библиотек в русской провинции. Составленные Румянцевым правила ее пользования предусматривали, чтобы по каталогу, «открытому для всякого», в определенные часы можно было свободно брать книги. «Отечеству на благое просвещение» — доска с такой надписью красовалась на доме Румянцева в Петербурге. Здесь в 1831 г. на основе библиотеки и собраний графа и был открыт Румянцевский музей, переведенный спустя три десятилетия в Москву.

К началу XIX в. документы заграничных архивов по истории России оставались практически неизвестными. Знакомство с ними в XVIII в. происходило не в результате систематических разысканий, а эпизодически, случайно. Непросто было получить и доступ к ним. Даже Карамзину с его связями в культурных кругах Европы с большим трудом удалось воспользоваться (не без помощи Румянцева) копиями Бременского, Кенигсбергского и Мекленбургского архивов, Ватиканской и некоторых римских библиотек. Лишь в начале XIX в. к копированию иностранных источников по истории России приступил А. И. Тургенев. Тогда же в России становятся широко известными архивные находки, сделанные во время ученой поездки по славянским странам, Австрии, Германии, Италии и Франции польского исследователя М. Бобровского, в результате которой было скопировано множество документов, касающихся славянской истории.

Обширные научные планы, которые вынашивал кружок, было невозможно осуществить лишь на документальной базе русских архивов. С этим сотрудники Румянцева столкнулись уже в процессе подготовки первых частей «Собрания государственных грамот и договоров», когда возникла необходимость знакомства с иностранными источниками хотя бы для комментирования издаваемых русских документов. По сравнению с современниками возможности для работы в зарубежных архивах у кружка были бóльшими: со времен своей дипломатической деятельности Румянцев сохранил связи со многими иностранными

политическими деятелями и учеными. Он даже признавал, что ему «легче домогаться по таковой статье в чужих государствах, нежели в отечественных пределах» [10].

Начало разысканий кружка в зарубежных хранилищах относится к 1812 г. Именно тогда сын эстляндского генерал-губернатора И. О. Штрандман, начинавший под руководством Румянцева свою дипломатическую карьеру, скопировал несколько документов в Королевской библиотеке в Стокгольме, а в библиотеке графа Бригге — погибшую позже Ревельскую хронику XIV в. и другие материалы. Копии были присланы в Россию (в настоящее время они, к сожалению, утрачены).

Двумя годами позже кружок попытался ознакомиться со славянскими рукописями Вестерозской гимназии в Швеции, о которых появилось сообщение И. Г. Шредера в «Шведских ученых ведомостях». Четыре больших сборника, составленных по инициативе шведского дипломата XVII в. Спервенфельда, содержали Книгу Большого Чертежа, Степенную книгу, Новый и Казанский летописцы и другие материалы. Через русского посланника в Стокгольме, барона Г. А. Строганова, от шведского правительства было получено разрешение на их копирование. Работу поручили священнику русской миссии в Стокгольме Ивансву. Однако вскоре возникли сложности с перевозкой рукописей из Вестероза в Стокгольм. Лишь в 1819—1820 гг. после «неусыпного и тщетного старания» Румянцев получил их описание, а затем и несколько копий, в частности «Истории», написанной в 1672 г. Феодосием Софоновичем [11].

В 1808 г. на средства прибалтийского дворянства под руководством ландрата В. Ф. Унгерн-Штернберга была организована археографическая экспедиция в архив гроссмейстера Немецкого ордена в Кенигсберге, где хранились интересные документы по средневековой истории европейских стран, в том числе материалы о Ливонской войне. В экспедиции принял участие доктор философии Э. Генниг, а после его смерти — прусский архивариус Фабер. Уже в 1811 г. экспедиция столкнулась с серьезными финансовыми трудностями. По ходатайству Карамзина и министра внутренних дел О. П. Козодавлева русское правительство выделило в 1812 г. на продолжение работы ежегодное пособие в 1 тысячу рублей. Часть копий после этого стала поступать к Козодавлеву и Карамзину. Работа по копированию документов Кенигсберского ар-

хива продолжалась до 1816 г. Всего к этому времени было скопировано свыше 3 тысяч документов.

Румянцев еще до своего ухода в отставку пытался получить копии и для себя, выражая желание принять участие в финансировании экспедиции. Через Фабера и Геннига ему удалось получить копии, в том числе и факсимильные, отдельных документов по истории взаимоотношений русских княжеств с Немецким орденом и прибалтийскими городами. Одновременно он начал вести переговоры о копировании материалов огромного личного собрания Унгерн-Штернберга, составленного тем в течение 40 лет на базе документов архивов Риги, Дерпта и других городов. В нем находились и скопированные материалы Кенигсбергского архива. Стремясь к положительному решению вопроса, Румянцев соглашался выделить средства на их специальное издание. Однако переговоры, которые велись с Унгерн-Штернбергом через Геннига, завершились лишь получением в марте 1814 г. «росписи уже списанных и отчасти примечаниями снабженных» материалов Кенигсбергского архива.

Все это заставило кружок искать иные пути получения документов из этого хранилища. По рекомендации Крузенштерна в начале 1814 г. в Кенигсберг для копирования материалов на средства Румянцева был направлен доктор философии Дерптского университета К. И. Шульц. В задачу Шульца входил также осмотр архивов Данцига. Общее руководство работой возлагалось на известного драматурга и романиста А. Коцебу, бывшего русским генеральным консулом в Пруссии и установившего к этому времени тесные связи с руководством Кенигсбергского архива. В течение марта — июля 1814 г. Шульцу удалось скопировать около 85 документов, среди которых оказалась переписка великого князя Василия III с маркграфом Бранденбургским Альбрехтом 1512—1520 гг. и ряд других материалов, ранее неизвестных в России [12].

Спустя пять лет кружок получил еще одну возможность знакомства с материалами Кенигсбергского архива. После смерти Коцебу Румянцев оказался обладателем рукописи его сочинения «Жизнеописание Свидригайлово», намереваясь издать ее в русском переводе. Автор «Жизнеописания», высоко оценивая литовского князя Свидригайло, который в своей деятельности опирался на Россию, критиковал известных историков Г. Кояловича и Г. Эверса, неправильно освещавших отдельные моменты

русско-литовских и русско-польских отношений. Опровергая их построения, Коцебу положил в основу своей работы свыше ста документов Кенигсбергского архива, которые не вошли даже в корпус скопированных материалов экспедиции прибалтийского дворянства. Наконец, в 1823 г. в Московский архив Коллегии иностранных дел поступили копии на русском и немецком языках тех материалов Кенигсбергского архива, которые в свое время направлялись Козодавлеву и Карамзину. Их реестр был внимательно изучен Румянцевым, и по его отметкам учитель Финкельман изготовил копии наиболее интересных документов на немецком языке. Часть их была переведена на русский язык, так как предполагалось, что они либо войдут в «Собрание государственных грамот и договоров», либо будут изданы отдельным томом [13].

Результативными оказались разыскания кружка и в Любекском городском архиве, богатом материалами по истории Ганзы и ее торговых связей с русским и прибалтийскими народами. Уже в 1814—1815 гг. Румянцев получил отсюда через генерала Адеркаса и профессора Германа копии 29 грамот по истории Риги, Ливонии и Эстонии. В дальнейшем (по крайней мере в 1821—1824 гг.) российский генеральный консул в Любеке Ф. Шлецер регулярно присылал ему копии материалов из этого архива. Они освещали историю Новгорода, царствование Алексея Михайловича и т. д.[14] В 1839 г. Шлецер вспоминал, что в архиве он специально занимался выявлением документов на русском языке, чтобы «заказать с них fac-simile для государственного канцлера графа Румянцева, который за двадцать пред сим лет получил чрез меня точные снимки множества документов и приказал издать оные в печати» [14а].

Используя связи Круга, Румянцев пытался получить материалы и из других германских архивов и библиотек. В 1815—1818 гг. в его коллекцию поступили копии свыше 200 документов XIII—XVIII в. из Мекленбургского архива в Шверине, изготовленные архивариусом Х. Г. Эверсом. Они касались истории русской торговли, дипломатических отношений России, Лифляндии, Дании, Курляндии, Швеции, Польши и внутренней русской истории XV—XVII вв. Среди них, в частности, находились материалы о Ливонской войне и русских посольствах. В 1817 г. Х. Г. Эверс представил Румянцеву и

краткий обзор документов этого хранилища. Почти одновременно через дипломатических представителей Г. Струве, Ю. Врангеля и, возможно, К. И. Шульца Румянцев получил несколько сотен копий документов из Гамбургского и Данцигского городских архивов, а также Гамбургской городской библиотеки (они освещали торговлю прибалтийских городов с Русью), а из Вольфенбюттельской библиотеки — копии сочинений Георгия Паерле о его путешествии в Россию в 1606—1608 гг. с интересными сведениями о восстании Болотникова, «Московскую хронику» Конрада Буссова и другие документы [15].

В 1814 г. Аделунг по просьбе Румянцева обратился к главному библиотекарю Дрезденской библиотеки Эберту с предложением сообщить сведения о всех рукописях, «к древней истории России относящихся». Среди известий Эберта члены кружка обратили внимание на почти неизвестное исследователям собрание 250 рисунков, сделанных во время путешествия в Россию австрийского дипломата XVII в. А. Мейерберга, оставившего ценные свидетельства о России этого времени, в том числе о Медном бунте 1662 г. Вскоре 128 из этих рисунков были скопированы художником Пецольдом и затем литографированы в Дрездене. Предполагалось включить их в русское издание материалов, относящихся к посольству Мейерберга, копии которых поступили в собрание Румянцева из той же библиотеки и Венского императорского тайного архива.

В 1823 г. по поручению Румянцева чрезвычайным посланником России при Саксонском дворе В. В. Ханыковым был подготовлен обзор материалов по русской истории, хранившихся в Дрезденской библиотеке [16].

В середине XVIII в. абоский советник Линдгейм, находившийся в русском плену, при возвращении в Финляндию вывез из России несколько десятков собранных им здесь рукописей. После его смерти они перешли к президенту Абоского университета Лагерфлюкту и были им подарены библиотеке университета. В начале XIX в. известие об этих рукописях было приведено в одной из работ финского историка Х. Г. Портана. Собрание Линдгейма живо заинтересовало Румянцева, и он обратился в Абоский университет с просьбой дать о нем более подробные сведения. Они были малоутешительными: бо́льшая часть коллекции оказалась утраченной. В 1814 г. профессор университета Г. Эстрем прислал графу подробное описание лишь трех сохранившихся

томов, содержавших фрагменты летописных записей, документы времени польско-шведской интервенции, материалы о фамилии Строгановых и т. д. Эстрем обещал Румянцеву «сделать сравнение здешних рукописей с теми, которые уже изданы в России», но не сохранилось сведений, была ли проведена такая работа [17].

Около 1816 г. с помощью Аделунга, Крузенштерна, Банкса и находившегося в Лондоне Штрандмана члены кружка получили возможность ознакомиться с материалами Британского музея. Отсюда, очевидно через хранителя музея А. Шлихтегроля, была получена «изготовленная со всевозможным тщанием и старанием» копия «Записок о России» немецкого естествоиспытателя, врача и путешественника XVII в. Э. Кэмпфера. Из Британского музея в распоряжение кружка поступило и описание путешествия в Россию англичанина Джона Стоу с интересными сведениями о походе на Москву Девлет-Гирея в 1571 г. Тогда же под руководством русского посла в Англии графа С. Р. Воронцова для Румянцева началось копирование документов английского Посольского архива и Коттонианской библиотеки, касавшихся истории и торговли России в XVI—XVIII вв. Здесь же в Англии из коллекции Филипса кружок получил копию летописи, оригинал которой в свое время побывал в руках В. Н. Татищева и в начале XIX в. считался утраченным [18].

В 1814 г. к поискам славянских рукописей в Парижской королевской библиотеке по заданию Румянцева приступил К. Б. Гаазе. Ему удалось обнаружить лишь материалы по древней истории Херсонеса.

В 1819 г. кружку удалось ознакомиться с каталогом рукописей Венской придворной библиотеки. Спустя три года отсюда с помощью слависта В. Копитара были получены и копии отдельных документов, связанных с пребыванием в России австрийских посольств. Многолетние поиски в голландских архивах завершились в 1822 г. открытием писателем Я. Схельтемом свыше 50 документов XV—XVI вв. о торговых связях России и Нидерландов, часть которых была скопирована для Румянцева.

В ходе путешествия по славянским странам в 1821—1824 гг. Кеппен проводил осмотр тамошних хранилищ, результаты которого по настоянию Румянцева затем опубликовал. Через Кеппена из Карловацкой митрополичьей библиотеки в 1824 г. члены кружка получили

список произведения древнесербской литературы XIV в.— так называемый Родослов архиепископа Даниила [19].

Отдельные документы, преимущественно дипломатические материалы, в собрание кружка поступали из Копенгагенского государственного и других датских архивов.

Таким образом, разыскания кружка становились с каждым годом все более многообещающими. Однако и самому Румянцеву, и его сотрудникам с каждой новой интересной находкой становилось ясно, что эффективность таких поисков зависела не только от их географии, но и от более четкой организации. Такую организационную четкость показал Бобровский, а затем Кеппен в своем путешествии, в ходе которого производился систематический и, по возможности, сплошной осмотр зарубежных хранилищ. Самого графа все более и более увлекала мысль проведения серии мобильных археографических экспедиций по хранилищам европейских и азиатских стран для поиска всего корпуса зарубежных источников по русской истории. Уже в 1814 г. Румянцев обсуждал с Э. Геннигом возможность обследования всех «австрийских провинций, в коих находятся архивы и древние ученые собрания». Тогда же аналогичный замысел появился у кружка относительно всех датских, шведских и норвежских архивов, азиатских хранилищ. В 1819 г. Румянцев предложил Караджичу и Бобровскому принять участие в разыскании и копировании «документов и летописей» славянских народов в архивах славянских и других стран. В дальнейшем осуществление такого обследования Румянцев предполагал поручить М. П. Погодину [20].

Членам кружка удалось лишь частично осуществить свой замысел. В 1820 г. в Италию для знакомства с библиотеками и архивами прибыл Штрандман, экспедиция которого продолжалась до 1824 г. По организованности и результатам она превзошла все аналогичные предприятия кружка за границей. Инструкция, составленная лично Румянцевым, требовала разыскания и копирования «всяких на славянском языке документы и летописцы», донесений папских легатов о России, материалов итальянских и русских посольств, актов католических соборов и т. д.[21]

С помощью русского посла в Италии А. Я. Италинского Штрандман получил возможность работы в архивах

и библиотеках Рима, Флоренции, Генуи, «с ревностью,— как писал Италинский,— занимаясь открытием письменных древностей, нашу историю пояснить могущих». Из библиотек знатных итальянских семей Валличели и Барберини Штрандманом были присланы копии ценнейших источников: сочинение неизвестного автора о России XVI в. («Известие об обширных землях, богатстве, могуществе, гражданском и военном устройстве сильной империи великого князя Московского»), «Описание России в историческом и топографическом отношении» Франческо Тьеполо, «Путешествия» Р. Барберини и И. Барбаро, «Путешествие» и донесения Джованни Луко XVII в. со сведениями о татарах, папские инструкции послам в России, посольские донесения.

Еще в 1820 г. один из сотрудников Румянцева обнаружил в архивах Флоренции древние карты средневековой Сарматии, Таврии, Крыма и берегов Каспийского моря. Надеясь с их помощью «собрать большую жатву географических о древней России сведений», граф распорядился скопировать найденные материалы. Штрандман продолжил эти разыскания. Во флорентийских архивах он скопировал документы, касающиеся торговли России в древности, а также письмо русского митрополита Исидора о взятии турками Царьграда [22].

Члены кружка пытались ознакомиться и с громадным Ватиканским архивом, хранившим донесения папских нунциев и легатов, в том числе о России и Польше. Еще в 1818 г. А. И. Тургенев показал Румянцеву собрание копий этого архива, составленное в XVIII в. аббатом Альбертранди. Почти одновременно в русской печати появилось известие о 19 славянских рукописях Ватиканского архива, с которыми смог ознакомиться Бобровский. К ним и получил доступ Штрандман, скопировавший здесь славянский перевод XIV в. греческой поэмы Константина Манассия.

Часть собранных Штрандманом в итальянских архивах материалов вошла в его работу «О самых ранних политических и религиозных сношениях между святым престолом и великими князьями русскими», посвященную Румянцеву [23].

Почти одновременно со Штрандманом в архивах Генуи, Милана и Венеции по заданию Румянцева выявлял византийские рукописи со сведениями по истории славян Гаазе. Его поездка оказалась менее успешной: были об-

наружены лишь две такие рукописи. Одна из них содержала описание посольства Андроника III Палеолога в Трапезунд в 1338 г. Отдельные документы из генуэзских библиотек сотрудники Румянцева получили через А. Гейдена.

В 1824 г. Румянцев предложил Гаазе «воспользоваться тем влиянием, которое ныне Франция имеет в Испании, дабы отправиться туда и как в Королевской библиотеке, так и в монастырских библиотеках стараться отыскивать древние и доныне еще неизвестные греческие рукописи» со сведениями по истории славян. По мнению некоторых биографов Румянцева, Гаазе предпринял такую поездку.

Не собираясь останавливаться на достигнутом, Кеппен по настоянию Румянцева опубликовал в 1825 г. «Записку о путешествии по славянским землям и архивам» — оригинальный проект путешествия фактически по всем европейским странам с целью осмотра их архивов для выявления документов по славянской истории. «Записка» основывалась на собственном опыте Кеппена, приобретенном им во время аналогичного путешествия в 1821—1824 гг., но примечательно, что она содержала указания на хранилища, уже в той или иной степени осмотренные кружком. Кеппен предлагал посетить Молдавию, Валахию, Буковину, Трансильванию, Венгрию, Галицию, Моравию, Саксонию, Баварию, Австрию, Кроацию, Италию, Швейцарию, Францию, Нидерланды, Германию и закончить путешествие в Польше. Среди архивов этих стран, могущих представить интерес для русского путешественника, он указывал на библиотеки графа Телеки в Германштадте, Дебрецена, Мункача, графа Тарновского — во Львове, князя Чарторижского — в Сеняве, Церрони — в Бринне, библиотеки и архивы Дрездена, Лейпцига, Галле, Эрфурта, Венского университета, Флоренции, Генуи, Турина, Тюбингена, Любека, Гамбурга и др. П. И. Кеппен рекомендовал и зарубежных ученых, к которым можно обратиться с просьбой о содействии на получение доступа к документам этих хранилищ. Можно полагать, что «Записка» должна была стать добротным путеводителем для намечавшейся кружком археографической экспедиции по зарубежным архивам [23а].

Таким образом, членами Румянцевского кружка впервые в истории русской науки были произведены широкие

и разносторонние разыскания в зарубежных хранилищах документов, касающихся прошлого России и соседних с ней стран. В более чем 40 архивах и библиотеках Польши, Швеции, Финляндии, Дании, Голландии, Пруссии, Австро-Венгрии, Франции, Англии, Италии были выявлены и скопированы тысячи неизвестных или малоизвестных источников. В работе по разысканию, описанию и копированию документов приняли участие свыше 30 человек — дипломатов, ученых, переводчиков, переписчиков. Копии зарубежных материалов, поступившие в Россию, стали важным дополнением корпуса русских источников.

Они не потеряли своего значения и в настоящее время. По следам разысканий Румянцевского кружка в зарубежных архивах нередко позже шли и другие русские археографы. Так, А. И. Тургенев в 1825—1826 гг., намереваясь осмотреть Британский музей, имел каталог рукописей, полученных отсюда Румянцевым, и при сравнении с удивлением обнаружил, что почти все материалы, касающиеся русской истории, были уже скопированы для графа раньше. Работая во французском архиве министерства иностранных дел, Тургенев мечтал переписать материалы о дипломатических сношениях России с Францией «так, как покойный канцлер граф Румянцев и граф Семен Романович Воронцов описали все подобные акты английского министерства иностранных дел» [24].

К началу XIX в. русские архивы, из-за трудности получения от гражданских и духовных властей разрешения на знакомство с ними, были мало доступны исследователям. К тому же и уровень организации хранения в них документов нередко не гарантировал отыскания нужных материалов (в частности, из-за отсутствия качественного научно-справочного аппарата).

По традиции, возникшей в XVIII в., наиболее интенсивно в начале XIX в. использовались документы Московского архива Коллегии иностранных дел и Синодальной библиотеки.

Трудами Миллера, Бантыш-Каменского, Малиновского и других архивистов историческая часть Московского архива Коллегии иностранных дел, включавшая документы различных правительственных учреждений, и постоянно пополнявшееся пожертвованиями собрание рукопис-

ных книг были приведены в образцовое для того времени состояние. Разыскания сотрудников Румянцева в архиве, поначалу сосредоточенные только на копировании и выявлении грамот для «Собрания государственных грамот и договоров», со временем распространились и на другие документальные комплексы. В Московском архиве Коллегии иностранных дел для членов кружка была организована своеобразная «мастерская» по копированию материалов, наведению по ним справок, касающихся дипломатической и внутренней истории, генеалогии. Здесь выявлялись документы о первопроходце С. И. Дежневе, еретике К. Кульмане, польско-шведской интервенции начала XVII в. В 1825 г. по заданию Румянцева к сбору источников в архиве для капитального труда по истории ремесел и мануфактур приступил известный изобретатель и путешественник И. Х. Гамель. Еще раньше, в 1819 г., Я. О. Ярцев, а в 1823 г. Х. Д. Френ выполнили поручение графа по изучению хранившихся в Московском архиве Коллегии иностранных дел документов на восточных языках. Составленные ими реестры восточных рукописей стали одним из первых в России опытов описания восточных памятников. Именно здесь в бумагах академика Кера Ярцев обнаружил список сочинения Абулгази, с которого в 1820 г. в Петербурге была изготовлена копия для издания.

В отличие от Московского архива Коллегии иностранных дел другое крупное московское хранилище — Синодальная библиотека — представляло собой преимущественно собрание историко-литературных памятников, создававшееся на протяжении нескольких столетий. Еще в XVIII в. ее документы широко использовали в своих исторических трудах Щербатов, Болтин и другие историки. Из членов кружка лучшим знатоком богатств Синодальной библиотеки очень скоро стал Калайдович. Он получил возможность работы здесь в 1811 г., когда по заданию Общества истории и древностей российских собирал материалы для исторического издания Общества «Русские достопамятности». За несколько лет этот исследователь впервые произвел сплошной просмотр нескольких сотен рукописей и был вознагражден за это рядом блестящих находок ранее неизвестных памятников. В их числе оказались древнейшие послания русских митрополитов, сочинения Кирилла Туровского, Иоанна экзарха Болгарского, несколько древнейших рукописей, важных

для изучения истории славянского языка. От внимательного взора ученого не ускользнула и знаменитая приписка на последнем листе Псковского Апостола 1307 г., содержащая фразу, сходную с одним из мест изданного, но уже утраченного к этому времени «Слова о полку Игореве», имеющая огромное значение в решении вопроса о подлинности поэмы.

По поручению Румянцева в Московском архиве Коллегии иностранных дел и Синодальной библиотеке Бантыш-Каменским, Малиновским, Строевым, Калайдовичем и другими членами кружка было предпринято сравнение списков Степенной книги (Румянцев надеялся найти списки, созданные митрополитами Киприаном и Макарием, о которых сообщил ранее Татищев), выявление летописей, житий святых и других памятников, а также осуществлено их копирование.

Уже в самом начале разысканий кружка в Синодальной библиотеке у Калайдовича возник грандиозный по тем временам замысел подготовки печатного описания этого хранилища. Предполагалось перевести на русский язык существовавший в библиотеке каталог греческих рукописей, составленный профессором Маттеи, а затем приступить к описанию славянских рукописей, число которых доходило до тысячи. В 1825 г. Калайдович заключил с Румянцевым договор на проведение такой работы и приступил к ее осуществлению. Из-за последовавшей вскоре смерти графа описание не было завершено. Часть составленного Калайдовичем каталога еще долгое время оставалась единственным составленным на научной основе справочником по этому хранилищу [25].

Много находок было сделано членами кружка и в Типографской библиотеке, созданной на базе рукописей и книг, издававшихся в Московском печатном дворе. Среди них оказались несколько старопечатных изданий, рукописное Евангелие 1147 г., первое русское библиографическое сочинение анонимного автора XVII в. «Оглавление книг, кто их сложил» и другие материалы.

В еще одно московское хранилище — Архив старых дел, созданный в 1782 г. для хранения дел московских учреждений, ликвидированных в ходе реформы 1775 г., и содержавший документы московских приказов и коллегий, членам кружка удалось проникнуть нелегально с помощью Малиновского через работавших там архивистов. Старый служака пошел на нарушение существовав-

ших в то время правил. В 1816 г. он получил от служащих архива три акта, которые не замедлил переслать Румянцеву. Заинтересовавшись ими, тот предложил Малиновскому продолжать контакты с архивистами (кстати, именно в переписке Румянцева с Малиновским впервые употребляется такое обозначение романтичной профессии работников архивов), «платя им для тех грамот, которые не позднее XIII в. и относятся к Пскову и Новгороду, Киеву и их окрестностям», по 25 рублей за копию. Граф рекомендовал выявить в архиве документы «о доходах и расходах государственных древних царствований или веков», о «производстве старинных тяжебных дел, которые событие свое имеют гораздо до появления Судебника...». Всего за 1816—1825 гг. в распоряжение кружка поступили копии свыше 50 актов из числа нескольких сотен, предложенных служащими архива. Эти копии изготовлялись «не только со всею точностью, но и с удержанием также ошибок» как самими архивистами, так и сотрудником Румянцева художником А. Ратшиным. Кружок намечал включить их в одну из своих публикаций.

«Не довольно Москвы для поприща нашей деятельности, пусть целая Россия превратится в одну библиотеку, нам доступную»,— говорил в своей речи на заседании Общества истории и древностей российских 14 июня 1823 г. Строев, выдвигая план археографического обследования русских хранилищ.

В другом центре сосредоточения архивов — Петербурге, «историческая жатва», по выражению Румянцева, оказалась менее значительной. Из Публичной библиотеки и библиотеки Академии наук кружок смог получить лишь описи грамот и летописей. Несколько копий, в том числе Псковской летописи, удалось изготовить в Эрмитажной библиотеке, а также в библиотеках Александро-Невской лавры и Петербургской духовной академии. В начале 20-х годов Х. Д. Френ, для того чтобы выявить сведения по истории народов, вошедших в состав Российской империи, начал работать с восточными рукописями библиотеки Академии наук, приобретенными у французского консула в Египте.

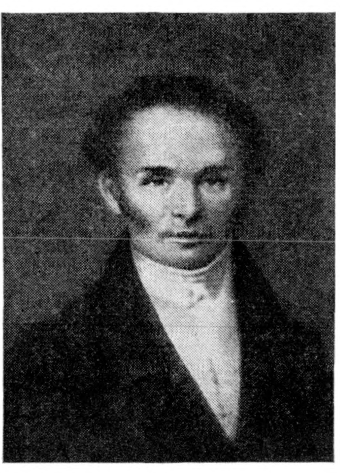
Тогда же у сотрудников Румянцева появилась возможность изучения документов Литовской Метрики — части государственного тайного архива Речи Посполитой, находившегося накануне польских разделов в Варшаве. Он содержал свыше тысячи книг на русском, польском,

Н. П. РУМЯНЦЕВ

А. Х. ВОСТОКОВ

К. Ф. КАЛАЙДОВИЧ

Н. Н. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ

П. И. КЕППЕН

И. Ф. КРУЗЕНШТЕРН

латинском, немецком и других языках, относящихся к государственному управлению и дипломатическим отношениям Польши, Литвы, Белоруссии. После разделов Польши документы архива оказались рассредоточенными между Прусским государственным архивом, архивами в Люблине, Петрикове, Вильно, Варшаве, Кракове и в других городах. В 1795 г. часть его была перевезена в Петербург и присоединена к третьему департаменту Сената. Узнав об этом из речи польского ученого Маевского в польском Королевском ученом обществе и по рассказам Лобойко, Румянцев добился разрешения на знакомство с документами петербургской части архива. Общее руководство работой было поручено Анастасевичу, а непосредственное копирование документов выполняли служащие архива титулярный советник Лапа и архивариус Уотко.

В 1822—1823 гг. отдельные копии из части Литовской Метрики, хранившейся в Варшаве, были получены кружком через Буссе. Среди них оказались материалы о дипломатических отношениях Литвы с Россией, по истории Литовского княжества XIV—XVI вв. и т. д.[26]

Румянцев любил путешествовать. Ежегодные переезды из гомельской усадьбы в петербургский или московский дом, как правило, каждый раз проходили по новым маршрутам. Эти поездки давали ему возможность знакомства с памятниками Киева, Чернигова, Новгорода, Владимира, Ярославля, Суздаля и других городов. Часто именно во время таких путешествий он устанавливал контакты с краеведами и договаривался об их сотрудничестве в кружке.

В 1814 г. он посетил Киев. Здесь священник Х. Шираевский предложил ему свои услуги по «описанию древностей» города. Румянцев быстро выхлопотал от церковного и гражданского начальства разрешение Шираевскому на занятия в киевских архивах и библиотеках, но по неизвестным причинам в дальнейшем тот не стал сотрудничать в кружке. Зато спустя год в лице М. Ф. Берлинского кружок приобрел одного из самых активных своих членов. В течение десяти лет Берлинский сообщал Румянцеву сведения о хранилищах Киева и его окрестностей. От него поступили выписки и копии документов из Печерского, Пустынно-Николаевского, Михайловского, Межигорского, Выдубицкого монастырей, Киевского Софийского собора, Китаевской пустыни, Вышегородской

церкви Бориса и Глеба, Киевской казенной палаты и других хранилищ.

По заданию Румянцева Берлинский приступил к копированию грамот Братского монастыря. Среди находок Берлинского оказались копии грамот Андрея Боголюбского и Романа Галицкого, хранившиеся в Печерском монастыре, Печерский Патерик, переписанный в 1551 г. дьяком Нестерцем, и другие материалы[27].

Летом 1816 г. Румянцев побывал в Ярославле — городе, с которым связано открытие «Слова о полку Игореве». Знал ли тогда он, что в конце XVIII в. этот памятник приобрел от ярославского архимандрита Иоиля Быковского его современник и коллега по изучению прошлого А. И. Мусин-Пушкин? На это трудно дать однозначный ответ: Калайдович, которому о своем приобретении сообщал ранее Мусин-Пушкин, был связан обещанием не разглашать этого. И все же заинтересованность Румянцева фигурой Иоиля дает основание предполагать, что он многое слышал о просвещенном архимандрите Спасского монастыря. В том же 1816 г. от литератора С. П. Соковнина он получил даже несколько копий документов, хранившихся в коллекции Иоиля, а также пространную характеристику его личности. Во время посещения Ярославля архиепископ Антоний Знаменский подарил Румянцеву копию одного из хронографов, принадлежащих Мусину-Пушкину. Не исключено, что его погибший оригинал происходил из Ярославля. Позже ряд ярославских хранилищ (Ильинской Тихоновской церкви, церкви Петра и Павла) по поручению Румянцева были обследованы местными священниками М. А. Ленивцевым и А. С. Михайловским. Копии некоторых документов из них были присланы затем графу.

Добросовестно и тщательно вели разыскания сотрудники Румянцева в Новгородской Софийской библиотеке, одном из древнейших и богатейших собраний исторических материалов России. Возглавил их хранитель библиотеки протоиерей З. Т. Скородумов. В 1816 г. он прислал Румянцеву ее подробное описание и затем по отметкам, сделанным в этом описании графом, сумел организовать копирование большого числа летописей, житий святых и других памятников.

Хранилища исторических центров Древней Руси привлекали членов кружка в первую очередь. Именно с ними сотрудники Румянцева долгое время связывали

возможность отыскания интересных памятников. В 1815 г. через бакалавра Феоктиста члены кружка получили возможность знакомства с библиотекой и архивом Троице-Сергиевой Лавры. Отсюда в последующее время в собрание Румянцева поступили копии летописей, житий святых. В 1816 г. игуменом Феофаном были скопированы документы муромского Благовещенского монастыря, городским головой Вороновым — угличской соборной церкви Преображения, нижегородским протоиереем Ермилом — Спасо-Преображенского, Благовещенского, Арзамасского монастырей и Покровской церкви Нижнего Новгорода, архимандритом Порфирием — сибирского Покровского монастыря. В этот и последующие годы от архимандрита Мельхиседека и протоиерея М. Троепольского кружок получил копии материалов суздальских монастырей: Спасо-Евфимиева, Покровского, Васильевского. В 1816—1817 гг. по заданию Румянцева под руководством рязанского епископа Феофилакта в местной духовной консистории было организовано выявление и копирование документов по истории Рязанского края. Подборка сведений из летописей, актов, родословных книг, синодиков, составив солидный том, фактически оказалась одной из первых исторических работ о Рязани и ее окрестностях [28].

В 1816 г. к разысканиям кружка был привлечен оренбургский генерал-губернатор князь Г. С. Волконский. По его предписанию, духовенством Казанской, Астраханской, Уфимской и Тобольской епархий было проведено обследование местных хранилищ с целью сбора «обстоятельных известий о всех древностях». Результаты его, однако, оказались незначительными скорее всего потому, что оно проводилось формально. Префект Казанской духовной академии сообщил, что все документы архива академии и казанских монастырей были еще в 1793 г. «отобраны бывшим тогда святейшего правительствующего Синода обер-прокурором графом Мусиным-Пушкиным», а то, что осталось, сгорело в 1815 г. Вслед за ним тобольский архиепископ Амвросий, ссылаясь на «жестокость бывших до него в его епархии пожаров», писал об отсутствии вообще церковных и монастырских архивов. По сообщению уфимского архиепископа, «ни в самой Уфе, ни в местных монастырях, старинных исторических церковных актов не оказалось». Исключением стал ответ астраханского архиепископа, представившего выписку из синодика и записку о библиотеке Астраханского собора [29].

В дальнейшем Румянцев не терял надежды на открытия интересных материалов в этих районах, но предпочитал действовать уже через гражданских лиц. В Казанской губернии он старался привлечь к разысканиям историка Н. С. Арцыбашева. По списку библиотеки Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете Арцыбашев организовал для Румянцева копирование «Истории» князя А. Курбского. В 20-х годах нижегородские архивы согласились обследовать купеческий сын Руднев и балахнинский купец Латухин (очевидно, тот самый Латухин, от которого еще в 1812 г. Карамзин получил интересный список Степенной книги, названной его именем).

Долгое время безрезультатными оставались разыскания кружка в Архангельской губернии. Попасть в здешние архивы Румянцев вначале пытался через архангельского гражданского губернатора А. Ф. Клокачева. От него в 1816 г. члены кружка получили известия о грамотах Архангельского монастыря и реестр грамот архангельского архиерейского дома. На предложение графа организовать копирование части их губернатор отвечал многолетним молчанием. В 1822 г. архангельским архиепископом стал Неофит, человек, серьезно интересовавшийся историей местного края. С ним у Румянцева появились более обнадеживающие перспективы сотрудничества. Неофит установил связи с местными коллекционерами и краеведами, в частности с владельцем богатейшего собрания исторических памятников по истории русского Севера важским мещанином М. Н. Мясниковым (с ним от имени Румянцева он вел переговоры о приобретении коллекции), организовал по просьбе графа осмотр архивов Холмогор, Сийского и Николаевского монастырей. В 1824 г. Неофит прислал в Москву подлинные грамоты из архива архангельского архиерейского дома, с которых в Московском архиве Коллегии иностранных дел были сделаны копии [30].

В 1818 г. Румянцев предложил Мурзакевичу «приступить к отысканию в архивах городских или по монастырям древних бумаг, документов и летописей» в районе Смоленска. Ходили слухи, что в этом городе еще жили потомки русского историка А. И. Лызлова. Разыскание его «Скифской истории», написанной на богатой документальной базе, и поручалось в первую очередь Мурзакевичу. Тогда же Мурзакевичем была задумана археогра-

фическая экспедиция по Смоленской губернии, не осуществленная из-за противодействия духовных властей.

Наконец, эффективными оказались поиски членов кружка в архивах Риги и Митавы, откуда поступили копии материалов по древней истории и торговле этих городов. Среди них оказались Лифляндская хроника, протоколы сеймов, магистратские постановления и другие.

Практика археографических разысканий уже к 1817 г. показала необходимость совершенствования их организационных форм. Наиболее распространенной для кружка организационной формой постепенно становилось сплошное обследование высококвалифицированными специалистами всего документального комплекса архивов и библиотек определенного региона в ходе специальных археографических экспедиций. Задачи такого обследования становились более всеобъемлющими. Они заключались не только в разыскании наиболее важных с точки зрения интересов членов кружка материалов, но и в описании всего корпуса письменных памятников конкретного хранилища. По мере подготовки эти описания должны были издаваться.

Уже первый опыт сотрудников Румянцева в этом направлении — Подмосковная археографическая экспедиция, осуществленная в 1817—1820 гг. Калайдовичем и Строевым, оказался удачным.

Хранилища подмосковных монастырей привлекли внимание исследователей еще в XVIII в., когда они были описаны по указам Синода. В 1791—1795 гг. эти описания вместе с частью рукописей были присланы в Синод из Троице-Сергиевой Лавры, Воскресенского Ново-Иерусалимского, Чудова монастырей и использованы тогдашним обер-прокурором Синода Мусиным-Пушкиным в его исторических сочинениях. Весной и летом 1804 г. библиотеки Симонова, Савво-Сторожевского и Троицкого монастырей бегло осмотрел Карамзин, надеявшийся найти здесь материалы для подготавливавшейся им «Истории». В целом он оказался разочарован своим обследованием, хотя в процессе его обнаружил Троицкую летопись и список «Хожения» Афанасия Никитина.

В 1817 г. описание хранилищ монастырей московской епархии Румянцев поручил Строеву. 9 июня 1817 г. Строев вместе с Калайдовичем выехали в Волоколамск. По дороге они посетили Ново-Иерусалимский монастырь, хотя им уже было известно, что рукописи большой биб-

лиотеки основателя этого монастыря патриарха Никона давно переданы в Синодальную и Типографскую библиотеки. Однако «при разборе небольшого числа оставшихся рукописей» исследователей ждала первая в этой экспедиции неожиданность: они обнаружили сборник, написанный в 1073 г. для князя Святослава Ярославича, и в настоящее время являющийся вторым по древности датированным памятником славяно-русской письменности и книжности. В дальнейшем здесь же Строев обнаружил и несколько рукописей из библиотеки Никона.

Продолжение экспедиции, осуществлявшейся уже без Калайдовича одним Строевым, принесло новые находки. В Иосифо-Волоколамском монастыре Строев обнаружил новый список одного из сочинений Иоанна экзарха Болгарского, дополнительные статьи к Судебнику 1550 г., неизвестное произведение русского писателя Кирилла Туровского, пергаменное евангелие XI—XII вв., список сочинения монаха XI в. Иакова «Память и похвала князю русскому Володимеру» (древнейший памятник агиографической литературы, сохранивший уникальные сведения летописного характера), единственный известный до сих пор список Судебника 1497 г. В Савво-Сторожевском монастыре он нашел соборное определение 1503 г. о священнослужителях, а при повторном осмотре Ново-Иерусалимского монастыря — летописный свод, доведенный до 1534 г., сочинения Максима Грека и другие уникальные материалы. В дальнейшем Строевым были осмотрены библиотеки Пафнутьева-Боровского, Серпуховского Высоцкого и Серпуховского Владычного монастырей [31].

Везение и случай лишь сопутствовали систематическому и кропотливому труду Калайдовича и Строева при сплошном и тщательном просмотре и «перетряхивании», как выражался Строев, всех документов хранилищ. Уже тогда Строевым было подготовлено описание свыше 600 рукописей Пафнутьева-Боровского, Савво-Сторожевского, Иосифо-Волоколамского и Ново-Иерусалимского монастырей, опубликованное много позже [32]. Оно рассматривалось членами кружка как часть задуманного общего печатного каталога материалов русских архивов и библиотек. Сотрудники Румянцева стали фактически пионерами в разработке методики подготовки таких справочников и основателями этого нового для России того времени вида археографической работы: в 1825 г. Калай-

дович и Строев издали образцовое описание рукописей библиотеки графа Ф. А. Толстого, тогда же Калайдович приступил к подготовке аналогичного справочника по рукописям Синодальной библиотеки, а Востоков — по материалам коллекции Румянцева.

Сенсационные открытия, сделанные в ходе Подмосковной археографической экспедиции, немало взволновали современников. Свои права на издание найденных памятников, кроме кружка, предъявили Синод и Общество истории и древностей российских. В конце концов спор был разрешен в пользу сотрудников Румянцева. Это дало членам кружка широкие возможности для научного творчества в новых направлениях. Среди них на первое место выдвинулась работа по публикации законодательных и литературных памятников.

Почти одновременно с Подмосковной экспедицией Берх, старший учитель Пермской гимназии Калестинов и чиновник Решетников в течение 1817—1822 гг. предприняли аналогичное обследование государственных, монастырских и частных хранилищ в районах Тобольска, Перми, Соликамска, Верхотурья и по берегам рек Тагила, Лобви и Чусовой. До них в местных архивах результативно поработали Миллер и Мясников. Еще в 1745 г. Миллер скопировал ряд документов сгоревшего затем Чердынского архива. Мясников стал обладателем копий документов по истории Верхотурья, Ваги и Шенкурска. Следуя по маршруту Миллера, Берх и его помощники осмотрели свыше 20 архивов и частных собраний. Особенно результативными оказались поиски в Соликамске. В архиве местного Истобинского монастыря Берх обнаружил материалы упраздненного Пыскорского монастыря, разобрав которые, нашел жалованную грамоту монастырю 1573 г., книгу записей актов 1579—1680 гг., указы Петра I и другие редкие документы. Интересные документы были найдены им и в архивах бывшей соликамской воеводской канцелярии и соликамского магистрата. Из частных коллекций и личных архивов соликамского именитого гражданина А. Т. Ливонова, секретаря соликамского уездного суда И. Н. Дубровина, надворного советника И. Рукавишникова, купца Д. А. Оболенского, секретаря пермского губернского правления П. Г. Сведомского и других жителей Соликамска и Перми Берху удалось получить копии и даже подлинники ряда ценных документов XVII—XVIII вв.

С помощью Берха кружок получил копии реестров многих хранилищ Перми. Он сумел организовать присылку из них подлинных материалов, с которых в Московском архиве Коллегии иностранных дел были сделаны копии нескольких сотен документов [33].

Экспедиция Берха носила ярко выраженный комплексный характер. В дальнейшем эта черта разысканий кружка стала проявляться все больше, а в ряде обследований археологические и этнографические мотивы нередко даже преобладали.

К числу таких относится экспедиция, предпринятая летом 1822 г. Калайдовичем по Рязанской губернии. Тогда этому исследователю наряду с чисто археологическими разысканиями удалось осмотреть, описать и частично скопировать документы архивов и библиотек рязанского архиерейского дома, местной семинарии, Спасского, Солотчинского, Богословского, Льгова монастырей, рязанской городищенской церкви, Аграфениной женской пустыни, Зарайского и Микулинского соборов. Результаты этого обследования оказались менее значительными по сравнению с другими, но экспедиция Калайдовича имела важные последствия в комплектовании коллекции Румянцева оригинальными рукописями: во время ее ученый установил контакты с рязанскими краеведами и коллекционерами, от которых впоследствии удалось приобрести несколько важных памятников.

Вершиной археографических разысканий членов Румянцевского кружка по масштабам и организации проведения стала серия экспедиций в западные и частично южные районы страны, в которых приняло участие несколько десятков исследователей. В 1824 г. Лобойко, характеризуя хранилища губерний, присоединенных к России после разделов Польши, сообщал Румянцеву, что «документами наполнены и поныне большая часть общественных и частных архивов... Невозможно, чтобы история и филология не извлекли из сего, доныне неприкосновенного, но богатого источника, ощутительной пользы» [34]. На местные архивы, ставшие доступнее после изгнания иезуитов, сотрудники Румянцева обратили внимание еще в 1818 г., когда Канкрин должен был «разведать забытые очень древние бумаги, документы или летописцы и хроники». Спустя год Кеппен сообщил Румянцеву о результатах беглого знакомства с хранилищами Нарвы, Гдова, Пскова, Полоцка, Витебска и Моги-

лева. От него, например, стало известно, что в могилевском магистратском архиве находятся «акты с 1577 года и разные на пергамине писанные грамоты».

Сообщение Кеппена совпало с переездом в Белоруссию Григоровича, согласившегося по предложению Румянцева провести здесь разыскания. К маю 1820 г. Григорович представил графу копии десяти актов могилевского архива и описание редких книг Оршанского кутеинского, Могилевского братского монастырей и нескольких церквей.

Одновременно с Григоровичем к осмотру архивов Минской губернии по поручению Румянцева приступили архимандрит полоцкого Борисоглебского монастыря И. Шулякевич и доверенные лица губернатора В. И. Гегевича. Возможно, что именно Шулякевич в Софийской церкви полоцкого Борисоглебского монастыря обнаружил одну из древнейших славянских рукописей — Добрилово евангелие 1164 г., которое было приобретено Румянцевым за денежный вклад в монастырь [35].

Тогда же с помощью Лобойко и Даниловича начались разыскания памятников в районе Вильно, одном из центров сосредоточения в то время всевозможных древностей. Виленские студенты, например, приносили Даниловичу «целые груды пергаменных и других рукописей из униатских церквей и монастырей». Правда, наиболее интересное открытие ждало Даниловича не здесь, а в Супрасле (тогдашняя Гродненская губерния), где в одном из местных монастырей ему (правда, по другой версии — М. Бобровскому) посчастливилось найти замечательный памятник русско-литовского летописания — так называемую Супрасльскую летопись. В Супрасле же с помощью Лобойко члены кружка напали на след архива Радзивиллов (старинного литовского княжеского рода). Часть его еще в конце XVIII в. была перевезена в Смоленск, а затем оказалась в Вильно (так называемый Несвижский архив Радзивиллов). В нем находились богатейшие источники по истории России, Польши, Литвы: жалованные грамоты и привилеи царей и польских королей, статуты, имущественно-хозяйственные, финансовые и другие документы. В 1812 г. архив сильно пострадал. Как удалось выяснить Лобойко, «солдаты резали пергаменные документы и подшивали их на подтяжки. Другие документы исторической важности похищены разными лицами. Печати, не только украшенные алмазами, но и

медные, какие только были и имели приятную наружность, тогда от документов оторваны»[36]. С помощью Лобойко в 1822 г. кружок получил реестр части сохранившихся материалов. По отметкам Румянцева учителем Глебовичем было скопировано свыше 250 документов из этого архива[37].

В конце 1822 — начале 1823 г. Григорович получил разрешение на осмотр гражданских и церковных архивов в окрестностях Могилева и Гомеля. Формально обследование, проводившееся на средства Румянцева, имело цель сбор документов для дополнения широко известной в то время работы Амвросия «История российской иерархии». Но уже первые находки Григоровича расширили первоначальный замысел: дали толчок сбору источников для подготовки публикации по истории Белоруссии. В архиерейском и магистратском архивах Могилева, библиотеках Мстиславского и Оршанского монастырей и других хранилищах Григорович описал и скопировал несколько десятков актов XVII—XVIII вв., ставших ядром будущего издания «Белорусского архива». Вскоре эти материалы были дополнены копиями грамот Виленского кафедрального собора, присланными Лобойко. Он же представил Румянцеву преподавателя Виленского университета ксендза Сосновского, имевшего доступ ко всем церковным архивам Вильно и окрестностей. Сосновский передал Григоровичу копии по крайней мере четырех грамот. В дальнейшем через него и Лобойко члены кружка получили вначале описание, а затем выписки из трех неизданных и считавшихся утраченными томов сочинения М. Догеля о польской дипломатической истории[38].

В июле 1824 г. Григорович побывал в архивах Мстиславля. Он сообщил, что хранившиеся здесь по слухам древние документы едва ли не XII в. не разобраны и гниют в «кулях». Правда, по распоряжению генерал-губернатора князя Хованского предполагалось описание этих хранилищ; но когда Румянцев попытался узнать об условиях получения копий с их реестров, выяснилось, что к описанию еще не приступили. Тогда Румянцев предложил Хованскому на свои средства провести такую работу, предварительно перевезя мстиславские архивы в Могилев. В конце концов в феврале 1825 г. в Мстиславль на средства Румянцева были направлены переводчик могилевского главного суда Н. Горатынский с двумя писцами, снабженные всем необходимым для работы: квар-

тирой, питанием, бумагой, калькой. В инструкции, составленной для них Румянцевым, предлагалось «кратко, но обстоятельно» описать документы, указав в реестрах их содержание, время, место, язык, материал, почерк.

Румянцев связывал большие надежды с мстиславскими архивами. Однако уже первое донесение Горатынского должно было их поколебать. В нем сообщалось о печальном состоянии документов архивов, «погнивших и объеденных крысами... коих настоящего количества» никто не знал. К тому же из собранных Горатынским сведений стало известно, что наиболее древние материалы, хранившиеся в Мстиславском замке, перед 1662 г. были вывезены в Смоленскую крепость, где и погибли в 1812 г. За несколько месяцев работы Горатынским было описано всего лишь около 80 документов XVII—XVIII вв., с половины которых тогда же изготовили копии. В мае 1825 г. дальнейшее описание по распоряжению Румянцева прекратили, поскольку стало ясно, что «слух, в Белоруссии находящийся о нахождении в Мстиславском поветовом архиве древних грамот и актов... оказался несправедливым» [39].

Но и после этой неудачи кружок не терял надежд на новые открытия в районе Мстиславля, где Горатынский по распоряжению Румянцева приступил к осмотру библиотек и архивов иезуитских кляшторов и униатских церквей. Ему удалось установить, что часть их документов (около девяти тысяч) находилась в архиве мстиславской Казенной палаты, а другая, наиболее древняя (Поезоитского, Пустынского, Онуфриевского, Бельнического кляшторов), пропала в 1662 г., а также «в недавнее время» раскуплена старообрядцами [40].

Разыскания документов в районе Полоцка возглавил смотритель уездных училищ Дорошкевич, бывший в 1820—1822 гг. членом комиссии по разбору местных иезуитских архивов. В 1823 г. он сообщил Румянцеву, что в полоцких городском и поветовом архивах «находится много от 400 лет разных грамот и любопытных бумаг». В марте 1824 г. Дорошкевич вместе с писарем Сыщанко и чиновником Голодковским приступили к осмотру архива полоцкой греко-униатской духовной консистории. Здесь работа по описанию и копированию материалов продолжалась до сентября 1824 г.

В октябре 1824 г. Дорошкевич получил распоряжение Румянцева «наведаться», «не хранятся ли какие древ-

ние документы или древние вещи в монастырях друйских и дисенских, равно в греко-российских, как и в католических и перешедших к унии». В январе 1825 г. туда из Полоцка был направлен Сыщанко. Проделав путь по маршруту Полоцк — Дриза — Друя — Форштадт — Полоцк, он осмотрел архивы друйской ратуши, монастыря ксендзов-бернардинцев, друйской Богоявленской церкви, а также несколько фамильных архивов (маршалка Мирского в Каменополье, Волосовского в Белиоцах и др.), в которых скопировал несколько документов. После возвращения в Полоцк Сыщанко отправился к почетному смотрителю училищ Полоцкого повета Щиту, чтобы «пересмотреть запечатанный у него архив и притом, ежели подлинно правда, что в нем находится старинный план того пути, которым Витовт шел в Россию», снять с него копию. Наконец, в апреле 1825 г. Сыщанко предпринял третью двухнедельную поездку для осмотра архивов Лепельского повета [41].

Еще в июне 1824 г. членам кружка стало известно от Дорошкевича о «древних времен документах» местных магдебургских городских и земских судов, перевезенных во время последней русско-польской войны в Смоленск, Витебск и Великие Луки. Тогда Румянцев не решился организовать разыскания (всего за месяц до этого закончились неудачей поиски в мстиславских архивах), ибо, по его признанию, «уже не раз обманут был подобными разглашениями, которые при посылке от меня на место, оказывались несправедливыми». Однако результаты обследований Дорошкевича и Сыщанко поколебали его скептицизм. Получив разрешение на осмотр архивов Витебской губернии, Дорошкевич и Сыщанко в августе 1825 г. побывали в витебских магистратском и поветовом архивах, где обнаружили и скопировали дело об убийстве епископа Иосафата Кунцевича 1623 г., жестокими мерами насаждавшего церковную унию в Белоруссии, и другие столь же интересные документы.

От приора местного доминиканского монастыря ксендза Бугена Дорошкевич узнал о хранящемся в местечке Доречино Гродненской губернии огромном архиве князей Сапег с документами «от 900-го года по рождении Христа на латинском, греческом, немецком, славянском и польском языках». Из-за последовавшей вскоре смерти Румянцева дело дальше сбора более подробных сведений об этом архиве не пошло. Однако не исключено, что в

августе 1825 г. члены кружка смогли получить от библиотекаря владельцев архива четыре грамоты великого князя Свидригайло, копии документов псковского посольства 1450 г. к польскому королю и копии мирных договоров Пскова, Новгорода и других городов с Польшей [42].

Около 1824 г. Румянцев получил согласие волынского епископа Стефана организовать обследование хранилищ его епархии. Впоследствии от него были получены и несколько копий исторических документов. Вместе с тем Стефан сообщал, что, «хотя в архивах здешних, большей частью от православия отобранных монастырей, и имеются самые важные древние памятники, но как в числе оных многие служат в пользу благочестивого духовенства, то и стараются... всячески скрывать их пред православными» [43].

Одновременно со Стефаном в районе Полтавы «разведывал в здешних во всех монастырях, нет ли русских на пергамене писанных рукописей, какого времени, содержания и прочего», чиновник В. М. Москаленко. Первоначально его разыскания не были обнадеживающими, но затем он узнал о существовании в местечке Решетиловке у наследников помещика В. С. Попова огромной библиотеки. Осмотрев ее, Москаленко сообщил Румянцеву, что здесь «есть древние книги и рукописи на пергамене в числе 20 тысяч разных книг, из коих некоторые достались ему от светлейшего князя Потемкина» [44].

Нанятые Румянцевым служащий канцелярии полтавского губернатора Д. В. Блаватский и несколько писцов в апреле 1825 г. по договоренности с владельцами библиотеки приступили к ее разбору и описанию. К концу 1825 г. они описали 93 рукописи.

Параллельно с описанием библиотеки Попова Блаватский от имени Румянцева вел переговоры с местным духовным начальством о приобретении рукописей из полтавских церковных хранилищ [45].

По самым приблизительным подсчетам, члены кружка осмотрели свыше 130 государственных, церковных (включая монастырские), частных архивов, библиотек, коллекций. Впервые в истории русской исторической науки было проведено столь широкое обследование хранилищ страны, имевшее четко выраженные научные задачи и изобиловавшее рядом замечательных открытий письменных памятников. Несколько тысяч копий документов поступили в собрание Румянцева, в Московский архив Кол-

легии иностранных дел, были включены в исследования и публикации членов кружка.

В собрании Румянцева, хранящемся ныне в Отделе рукописей библиотеки имени В. И. Ленина в Москве, еще большее место по сравнению с копиями документов занимают оригинальные рукописи. В основном это рукописные книги XII—XVIII вв. Они оказались здесь в результате иного вида археографической деятельности кружка — изъятия памятников из непосредственной «среды» их бытования.

В конце XVIII — начале XIX в. в кругу обычного чтения рукописная книга постепенно вытесняется печатной, одновременно становясь предметом коллекционирования и объектом научного изучения. В это время коллекционирование оригинальных рукописей получает в России широкое распространение, особенно в среде высокопоставленных чиновников, аристократов и ученых. Наиболее крупными из таких коллекций стали собрания А. И. Мусина-Пушкина, Ф. А. Толстого, Ф. Г. Баузе.

Известна самая ранняя из сохранившихся описей библиотеки Румянцева (возможно, только ее русско-славянской части), относящаяся к 1814 г. Согласно ей, все книги графа распределялись по четырем шкафам по следующим разделам: русская история (77 названий), путешествия, иностранная история, законы (122 названия), хозяйственная, военная, религиозная литература, книги по навигации (125 названий), художественная литература (74 названия). Отражая в общем гуманитарные интересы владельца библиотеки, этот каталог интересен кратким перечислением 33 «рукописных предметов или манускриптов». Такое количество рукописей было обычным для библиотеки сановника тех лет. У многих представителей знати их было даже гораздо больше. Сколько-нибудь целенаправленным сбором оригинальных рукописей граф в это время еще не занимался.

Начало комплектования ими собрания относится к 1815—1816 гг., а наиболее интенсивное пополнение приходится на последние пять лет деятельности кружка. В приобретении оригинальных рукописей отчетливо прослеживаются постепенно расширявшиеся интересы и самого Румянцева и его сотрудников. От случайных покупок «раритетов» (пергаменных рукописей, рукописей, оригинальных по своему содержанию, художественным особенностям, с приписками или владельческими запися-

ми исторических лиц) члены кружка со временем перешли к систематическому разысканию и приобретению более разнообразного круга рукописных памятников. Сам граф, сохраняя всегда особое и вполне понятное для коллекционера и библиофила пристрастие к «раритетам» и постоянно ориентируя своих сотрудников на разыскания прежде всего их, пришел к такому, без сомнения, более верному пониманию в тех условиях коллекционирования в первую очередь под влиянием Калайдовича и Малиновского. С 1822 г. граф целиком положился на своих компетентных сотрудников в приобретении рукописей, по крайней мере, в Москве, разрешив Малиновскому и Калайдовичу покупать их на сумму до 200 рублей без его предварительного согласия. Для комплектования собрания это имело огромное значение.

В последние годы деятельности кружка Румянцев обратил внимание и на целые, уже сложившиеся коллекции современников. В 1819 г. через Сальватори и Берха он пытался приобрести в г. Кургане библиотеку, оставшуюся после смерти местного лекаря, где находились и рукописи, а в 1823 г. при посредничестве Востокова — большую коллекцию петербургского собирателя А. И. Сулакадзева. Граф заинтересовался коллекциями украинского историка Г. А. Полетики, историка Китая Н. Я. Бичурина. Длительные переговоры вел он через Калайдовича с владельцем, пожалуй, самой крупной в России коллекции рукописных книг, графом Ф. А. Толстым. Для приобретения коллекции Румянцев был готов пожертвовать одной из своих подмосковных дач. Можно только сожалеть, что эти, как и многие другие, попытки приобретения оказались незавершенными в связи со смертью Румянцева: по иронии судьбы коллекции А. И. Сулакадзева, Г. А. Полетики, М. Н. Мясникова, частично Ф. А. Толстого в дальнейшем распылились, а многие рукописи из них погибли.

Уже одно из первых поступлений в собрание Румянцева оказалось уникальным. В 1815 г. через И. И. Нестеровича он получил согласие А. Ф. Якубовича, владельца и первого издателя замечательного памятника русского фольклора Сборника Кирши Данилова, на его приобретение и повторное издание. В сентябре 1816 г. рукопись Сборника, очевидно, вместе с еще четырьмя другими была передана писателем А. П. Степановым Калайдовичу, который и занялся его подготовкой к печати [46],

Москва, Гомель, Ржев-Владимиров, Зарайск, Макарьевская ярмарка оказались в 10-х — 20-х годах XIX в. основными центрами поступления в коллекцию Румянцева оригинальных рукописей. В это время основная масса рукописных книг находилась в среде низшего и среднего слоев русского общества. Вместе с тем к ним повысился интерес как к предмету собирания у высшего привилегированного класса. Рукописные книги наряду со старопечатными стали ценным товаром, выгодная продажа которого приносила немалую прибыль. На новую рыночную конъюнктуру живо отреагировало прежде всего купечество, оказавшись основным поставщиком рукописных книг, своеобразным посредником — скупщиком между собирателями и широким слоем владельцев. Строев замечал, что «с тех пор, как вельможи и частные любители древностей стали покупать рукописи, монеты и прочее, ценность сих вещей весьма возвысилась, и московские торговцы, приобретая их часто из третьих и более рук, помышляют о барыше неимоверном» [47–48]. В Москве, например, рукопись продавалась по цене, иногда значительно превышающей ту, за которую она приобреталась где-нибудь в провинции.

Разница в ценах на рукописные и старопечатные книги в центрах собирательства и провинции отразила стихийное регулирование удовлетворения потребностей в чтении. Читатели на периферии, если бы там существовали, например, московские цены на рукописные книги, равные иногда целому состоянию (Румянцев иногда платил за рукопись до 1000 рублей, а однажды за Кормчую, принадлежавшую патриарху Никону, отпустил на волю сына своего крестьянина — владельца ее), были бы просто не в состоянии их покупать. Эта разница в ценах приводила к появлению предприимчивых купцов-перекупщиков, о которых писал Строев, стимулировала их собственные полупрофессиональные археографические разыскания. Не случайно многие тогдашние купеческие коллекции (К. И. Аверина, Д. В. Пискарева, И. И. Царского, А. С. Шульгина и других) постоянно меняли свой состав; имевшиеся в них рукописи являлись выгодным способом помещения капитала. Большая часть таких купцов-коллекционеров преследовала цель максимального получения прибыли от перепродажи собранных ими памятников.

Среди этих купцов-собирателей были и подлинные

энтузиасты и знатоки. География их разысканий и результаты нередко оказывались значительными. Зарайский купец Аверин регулярно ездил на Макарьевскую ярмарку, где торговля древностями была особенно оживленной. В 1820 г. здесь старых книг, рукописей и вещей было продано на 475 тысяч рублей — пять процентов суммы, вырученной от продажи мехов. Московские коллекционеры, и прежде всего Н. П. Румянцев, всегда с нетерпением ожидали приезда из Ростова, Молдавии и других мест купца Пискарева. В 1823 г. Румянцев даже предупреждал Малиновского «стеречь его возвращения, дабы он не успел кому-либо сказать или продать» привезенные рукописи. Тот же Пискарев после одной из таких поездок в 1820 г. предложил Румянцеву 20 рукописей и старопечатных книг на сумму около 3 тысяч рублей.

Поступления оригинальных рукописей из купеческих собраний и составили наиболее значительную часть коллекции Румянцева. Среди них — приобретения от А. С. Шульгина, К. И. Аверина, С. Д. Крупенникова, В. М. Пискарева, Д. И. Грачева, И. П. Денисова, С. Ф. Карташова, Н. А. Мильгунова и других. Часто по поручению Румянцева Калайдович и Малиновский заглядывали в книжную лавку И. Ф. Ферапонтова, находившуюся на Спасском мосту в Московском Кремле и являвшуюся вместе с ее владельцем, известным букинистом, одной из достопримечательностей города. Нередко московский дом Румянцева посещала «книжная торговка» Иванова, у которой покупались рукописи из «больших связок».

Интерес к рукописной книге как предмету собирания, особенно в Москве, не только повышал на них цены, но нередко приводил к острой конкуренции среди коллекционеров. Тот же Пискарев ловко пользовался этим, поочередно предлагая памятники то Толстому, то Румянцеву. Чтобы заинтересовать продавцов, Румянцев часто приобретал «неважные», по его убеждению, рукописи.

В последние годы своей деятельности члены кружка все чаще стали прибегать к самостоятельным разысканиям оригинальных рукописей в провинции. Сам граф не раз бывал на Макарьевской и Роменской ярмарках, скупал рукописи во время своих путешествий по стране. Весьма результативной оказалась, например, поездка Румянцева вместе с Калайдовичем летом 1822 г. в Мику-

лино городище и Ржев-Владимиров. За два дня у местных жителей им удалось приобрести 8 рукописных книг XV—XVIII вв.: хронограф, летопись, интересные жития святых и т. д. В 1825 г. Калайдович, посетив старообрядческие центры Подмосковья, купил для Румянцева 13 рукописей, среди которых было несколько пергаменных [49].

Фактически везде, где сотрудники Румянцева вели архивные разыскания, они старались покупать и рукописные книги. К этому был привлечен широкий круг лиц в Вильно (К. Незабитаускас), Нежине (Я. И. Говоров, И. С. Орлай), Олонце, Архангельске, Устюге, Вологде (Я. И. Говоров), Тобольске (А. М. Тургенев), Одессе (С. Могилевский, П. Н. Пизани), Николаеве (В. Румянцев), Старице (С. П. Соковнин), Полтаве и Переяславле (Я. И. Благодаров). «Моя страсть к приобретению древних книг,— писал в 1823 г. Румянцев Лобойко,— понудила меня посылать даже в Браилов на Дунай». Отсюда ему был доставлен пергаменный Октоих [50]. Во Владимире Волынском граф с помощью своих сотрудников «гонялся» за списком Кормчей, как оказалось, сгоревшим в 1821—1822 гг. в Островской консистории. На Украине по поручению Румянцева разыскивали выкопанный из земли горшок с древними восточными текстами. По совету Калайдовича Румянцев всерьез подумывал об организации поездки в Галицию, Молдавию и Болгарию с целью приобретения рукописных и старопечатных книг.

Далеко не всегда такие поиски оказывались успешными. Лица, которым граф поручал разыскания, нередко проводили их без особого энтузиазма, пользовались непроверенными слухами и т. д. Очень характерно в этом смысле признание Румянцева своему бывшему подчиненному по министерству иностранных дел Пизани, имевшему от графа поручение скупать рукописные книги в Одессе. «Получив на днях доказательства, что в Одессе выходцы из Молдавии и даже греки, покинувшие Царьград, продают рукописи,— писал он,— признаюсь я, что много опечалился, увидя, что мои неоднократные о том домогательства у разных особ не были уважены и продажами таковыми я не воспользовался, как того желал» [51]. Сам Пизани более ответственно отнесся к поручению графа: через него Румянцев приобрел, по крайней мере, две древние рукописи.

Еще одним источником пополнения коллекции круж-

Книги, пріобрѣтенныя во Ржевѣ-Владимировѣ
2 и 3 Сентября 1822 года.

Рукописи въ листъ.

1. Книга глаголемая Кормчія, рекше правила закону, Греческимъ же языкомъ Номоканонъ. Скорописная рукопись начала XVII вѣка, нѣкогда принадлежавшая старцу Боголѣпу Львову, которымъ куплена за 5 р. 5 алтынъ; на 390 листахъ. Изъ статей, къ нашей словесности относящихся въ ней содержатся, слѣдующія:

1, л. 178. Іоанна Митрополита Руськаго, нареченнаго Пророкомъ, написавшаго правило церковное отъ святыхъ книгъ вкратцѣ Іакову черноризцу.

2, л. 181. Вопрошаніе Кириловѣ (Кириково), еже вопраша Епископа Новгородьскаго Нифонта и иныхъ.

3, л. 190. Правило Кирила Митрополита, и сшедшихся Епископъ Далмата Ноугородскаго, Игнатія Ростовскаго, Феогноста Переяславскаго, Симеона Полотьскаго на поставленіе Епископа Серапіона Володимерьскаго.

4, л. 193. Правило Максима Митрополита Руськаго.

5, л. 207. Илья Архіепископъ Ноугородскій исправилъ съ Бѣлогородскимъ Епископомъ.

6, л. 215. О книгахъ ветхаго закона и новаго.

7, л. 260. Іоанна Митрополита Руськаго ко Архіепископу Римскому, о опрѣсноцѣхъ.

Реестр рукописных книг, приобретенных во Ржеве-Владимирове во время путешествия К. Ф. Калайдовича и Н. П. Румянцева (1822 г.)

ка рукописными книгами стали монастырские, церковные и даже государственные хранилища. Румянцев запрещал своим сотрудникам прибегать к способу, практиковавшемуся его современником-коллекционером Мусиным-Пушкиным,— изъятию памятников неофициальным

путем, даже тогда, когда предоставлялись такие возможности. Граф придерживался в этом смысле твердых этических норм. Кроме того, случай с Мусиным-Пушкиным, которого незадолго до этого Синод обвинил в незаконном присвоении монастырских рукописей, был еще свеж в памяти современников. Вот почему, например, догадываясь о нелегальном приобретении Строевым из Иосифо-Волоколамского монастыря Судебника 1497 г., он отказался принять его в качестве дара в свое собрание, как предлагал тот, а Калестинову за подобное предложение даже сделал через Берха строгое внушение.

Поступления оригинальных рукописей из таких хранилищ происходили официальным путем через местное гражданское и духовное начальство за денежные и другие виды пожертвований. Таким способом были приобретены рукописи из московского Покровского монастыря, монастыря близ местечка Вербилово под Полтавой, Старицкого, Слуцкого монастырей, из Полтавской духовной семинарии, витебской Благовещенской церкви и др.[52]

Около полутысячи оригинальных рукописей составляли собрание Румянцева. Трудно представить, какая судьба ожидала все эти памятники, но совершенно ясно, что для многих из них она не была бы счастливой. К этому же следует добавить и еще одно важное обстоятельство: сам подбор оригинальных рукописей в собрании оказался очень удачным. Коллекция представляет собой гармоничное сочетание исторических, лингвистических, литературных, художественных памятников русской и славянской книжности XII—XVIII вв., многие из которых оказались в древнейших из сохранившихся списков. В подобном подборе рукописных книг решающую роль сыграли Востоков, Григорович, Калайдович, Строев, Малиновский и другие сотрудники Румянцева, не только разыскивавшие и покупавшие их, но и дававшие им всестороннюю научную оценку.

Уже в петровское время в России происходил перелом в отношении к вещественным памятникам прошлого: осуществлялись первые археологические раскопки, появлялись собрания древних предметов, монет, предпринимались их регистрация и описание[53]. Историки XVIII в. не раз использовали археологические памятники для подтверждения своих исторических заключений, но прошло еще немало времени, прежде чем все такие материалы были признаны полноправными историческими источни-

ками, по отношению к которым стали применяться специальные методы изучения. Историко-источниковедческое и даже искусствоведческое отношение к вещественным памятникам пробивало себе дорогу сквозь понимание их исключительно как драгоценностей, редкостей, имевших немалую денежную стоимость. Золотые вещи, находимые в Сибири, классические древности недавно присоединенного Причерноморья долгое время заслоняли древнерусские археологические и вещественные источники.

И вдруг роем посыпавшиеся в конце XVIII — начале XIX в. находки. Да какие! Мусин-Пушкин приобретает древнерусскую монету — сребреник князя Ярослава, найденный среди церковных привесок на иконе в Киеве; в коллекцию собирателя Бунге попадает еще одна древнерусская монета — златник Владимира, затем становятся известны другие экземпляры этих монет. Проносится слух о находке в крепостных стенах Серпухова «кожаных денег», глухие сведения о существовании которых в Древней Руси были известны из письменных источников. Под Черниговом выкапывают великолепно изготовленный золотой амулет с русской надписью, а в районе Рязани — целый клад золотых вещей. Открываются курганы, камни с надписями, кресты, фундаменты древних строений. Предприимчивые торговцы привозят на ярмарки из разных мест целые мешки монет — русских, татарских, византийских.

Попытки осмысления этих находок все чаще давали возможность объяснять многие неясные вопросы древнерусской истории. «Появление черниговской золотой вещи,— писал Калайдович,— произвело сильное влияние на умы наших археологов. Знак благоприятный! Любовь к исследованиям сего рода, столь давно знакомая просвещенным иностранцам, и благородна и похвальна! На усилия наших почтенных ученых мы смотрим с должным уважением и из самих ошибок извлекаем соответствующую пользу» [54].

В начале XIX в. польский историк З. Я. Доленга-Ходаковский, живший в России, призывая к изучению дохристианской истории славян, заявил о необходимости расширения традиционного круга памятников за счет археологического материала, данных топонимики, фольклора, языка и других источников. «Сбережем,— писал он в 1818 г.,— случайные, но довольно нередкие открытия, какие делаются в земле,— эти разные небольшие

статуэтки, изображения, металлические орудия, посуду, горшки с пеплом. Сосчитаем и точно измерим все большие могилы... Охраним от уничтожения надписи, начертанные на подземных скалах... Снимем планы с местностей, пользующихся давней известностью. Узнаем все названия, какие деревенский люд или его лекарки в разных краях дают растениям, соберем сколько возможно песни и старые гербы. Опишем главнейшие обряды»[55].

Фейерверк планов и энтузиазм, с которыми выступил Доленга-Ходаковский, встретили горячую поддержку в рядах сотрудников Румянцева. Предложенная им программа археологических, этнографических и фольклорных разысканий в ходе специальной экспедиции, серьезно заинтересовала и графа, но «в возбуждении охоты канцлера», как выразился Евгений Болховитинов, на финансирование ее осуществления Доленга-Ходаковский не преуспел. Причиной этого явилось, скорее всего, недоверие Румянцева не к замыслу польского археолога, а к авторитету его исполнителя, несправедливо считавшегося многими современниками смешным чудаком. К тому же, после того как Доленга-Ходаковский на средства, выделенные русским правительством, все-таки приступил к осуществлению своего плана, выяснилось, что, например, Калайдович и Кеппен, мнениями которых граф дорожил, не согласны с некоторыми гипотезами польского ученого.

Речь шла об отношении к так называемым городищам — остаткам древних укрепленных поселений или городов. Доленга-Ходаковский считал эти археологические памятники, повсеместно встречающиеся в России и других странах, местами славянского языческого культа. По его мнению, составив карту городищ, можно было установить территорию расселения славян в дохристианское время. Взгляды Доленги-Ходаковского получили широкую известность в России и вызвали большой интерес к городищам. Регистрацией, описанием и даже раскопками их занялись и члены кружка: Калайдович — в Подмосковье, Рязанской и Владимирской губерниях, Кеппен — во время своего путешествия по славянским странам, а Румянцев через Арцыбашева и местную администрацию — в Казанской, Смоленской, Гомельской, Витебской и других губерниях. В результате к 1822 г. кружок имел в своем распоряжении сведения о нескольких десятках этих памятников. Обобщил эти данные в своей книге о рязанских древностях Калайдович[56].

Возражая Доленге-Ходаковскому, Калайдович отмечал, что установить какую-либо закономерность в характере городищ трудно: они разной величины, вида, древности. Оспорил он и назначение городищ, видя в них прежде всего места древних поселений, а не языческого культа. Гипотеза Доленги-Ходаковского при всей своей оригинальности не находит обоснования археологическими данными — таким был основной вывод книги Калайдовича.

Книга К. Ф. Калайдовича, вышедшая в тяжелый для Доленги-Ходаковского период жизни (правительство только что прекратило финансирование его грандиозного плана археологического и этнографического обследования России), вызвала возражения со стороны польского исследователя. Лишь намного позже его гипотеза нашла частичное подтверждение.

Замысел Доленги-Ходаковского предусматривал первоочередное изучение в археологическом и этнографическом отношениях территории славянских народов. Планы же членов кружка носили более широкий характер. Их интересовали наряду со славянскими древностями и традиционно изучавшиеся еще с XVIII в. античные и сибирские древности. Обращали они внимание и на археологические памятники азиатских народов, вошедших в состав Российской империи.

Болховитинов и Берлинский стали участниками первых раскопок фундамента по всей площади киевской Десятинной церкви, в результате которых были обнаружены остатки древних фресок. Описание раскопок здесь, а также в Вышегородской и Ирининской церквах вместе с рисунками найденных предметов посылались Румянцеву [57].

Раскопки в Новгороде-Северском, осуществленные Лобойко, привели к открытию камней с записями о построении в 1086 г. Николаевской церкви и в XII в.— церкви Спасского монастыря. Лобойко после переезда в Вильно провел обследование так называемых рыцарских могил, встречающихся в Самогитии. Анализируя находимые в них предметы, он поставил вопрос о сходстве самогитских захоронений с захоронениями, встречающимися в скандинавских странах и относящимися к дописьменным временам [58].

Причерноморье — «неисчерпаемое дно самых редких древностей», по выражению Румянцева, также стало одним из районов археологических разысканий кружка.

Раскопки местных курганов возглавил здесь директор керченской таможни П. Дюбрюкс. Энтузиаст-археолог, он вел их вначале на свои средства, а затем, как утверждают его биографы, получал на это от Румянцева по тысяче рублей в год. Выдающееся значение приобрели разыскания Дюбрюкса на горе Митридат, где были найдены остатки древних захоронений. Для того чтобы продолжить раскопки в этом районе, Румянцев предложил генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии графу А. Ф. Ланжерону продать ему часть побережья у горы Митридата и Золотой горы [59].

Сам Румянцев не раз с помощью местной администрации и краеведов производил раскопки курганов и осмотр древних памятников в районе Кавказских Минеральных вод. Это были одни из первых археологических обследований Кавказа.

Еще в XVIII в. историк П. И. Рычков, обратив внимание на древние укрепления в районе Чердыни и в верховьях реки Камы, соотнес их с остатками сказочной страны Биармии, известной из скандинавских саг и русских преданий. С тех пор одни исследователи полагали, что Биармия — это Пермь Великая, а другие связывали расположение этой страны с берегами Белого моря. В 1818—1820 гг. по просьбе Румянцева в районе Чердыни и в верховьях Камы провел разыскания Берх. Их результаты серьезно подорвали гипотезу Рычкова и его последователей. С помощью местных жителей Берх раскопал Урольское, Искорское и Чердынское городища, обнаружив лишь остатки плавильного производства. Здесь же он разыскал крест, поставленный учениками деятеля русской православной церкви и автора алфавита для языка коми Стефана Пермского, и приобрел для графа несколько старинных предметов. По просьбе Румянцева Берх не раз собирал местных жителей, которые исполняли для него старинные песни, рассказывали предания и сказки. Он внимательно сравнивал все услышанное от них с записями Кирши Данилова, специально присланными Румянцевым [60].

Большое значение имели разыскания Берха и Калестинова наскальных изображений по берегам рек Тагила, Лобви и Чусовой. Позже на средства Румянцева некоторые наскальные памятники, собранные ранее в Сибири Г. И. Спасским, были опубликованы с комментариями на латинском языке [61].

В 1824 г. Румянцев обратился к генерал-губернатору Западной Сибири П. М. Капцевичу с просьбой помочь в

организации разысканий древностей. Тот дал соответствующие распоряжения тобольскому и томскому гражданским губернаторам и управляющему Омской областью, будущему генерал-губернатору и командующему войсками Восточной Сибири С. Б. Броневскому.

Это совпало с военной экспедицией С. Б. Броневского по Баян-Аульским и Каркаралинским степям. По пути от Омска до Аягуза тот тщательно описал исторические достопримечательности, попадавшиеся во время похода, в частности на реках Конге и Нуре, приобрел для графа несколько древних вещей. В письмах к Румянцеву Броневский впервые описал знаменитый Кзылкенчский замок, а также памятники, в настоящее время не сохранившиеся. По поручению Румянцева он проводил раскопки в Кентских горах и в других местах. В 1825 г. Броневский вместе со своими солдатами вскрыл курган «от гор Каркаменских в северо-западную сторону, примерно в 150-ти верстах расстояния между сопкой, именуемой Чечен — горы и речки Малой Нуры, от первой на восточную сторону в 3-х верстах, а последней на левом берегу в 100 саженях на открытом, имеющем малую плоскую возвышенность месте, под именем бугра». Присланное Румянцеву описание раскопок свидетельствует об их тщательности и квалифицированности: замерены и зарисованы высота холма, окружность, внутренность раскопа, предметы и их расположение. Найденные здесь «каменное подножие, золотое украшение и серьги малахитовые» были отправлены Румянцеву. В ответ тот предложил Броневскому составить смету расходов, приобрести необходимый инструмент и нанять людей для дальнейших раскопок в этом районе. Их осуществление, однако, встретило запрет со стороны Капцевича, сославшегося на «еще не совершенно утвердившееся управление российское в здешнем крае». С помощью казаков Броневский произвел лишь несколько раскопок в тех местах, «кои скрыты от взоров киргизцев» [62].

Со временем археологические разыскания кружка все более подчинялись решению определенных исторических проблем, причем в процессе изучения, например, вещественных памятников совершенствовались специальные методы их анализа. Это был неизбежный процесс развития исторической науки, и в деятельности кружка он находил отражение независимо от того, какие цели первоначально ставили по отношению к этим памятникам сотрудники графа.

Характерен в этом смысле такой пример. Из сочинения Т. С. Мальгина «Зерцало российских государей» Румянцев узнал о существовании в районе Орши камня с загадочной надписью о молитвенной помощи некому Василию Рогволоду (1171 г.). Имя Рогволода издавна существовало в роду полоцких князей. Об его основателе летопись сообщает как о князе варяжского происхождения. Было естественным предположить, что под камнем захоронен один из потомков варяжского князя. Через Канкрина и местных жителей Румянцев предпринял разыскания этого камня. «Многолетние, часто повторительные домогательства» завершились, наконец, находкой и копированием надписи. Сделал это ректор оршанской иезуитской коллегии Дезидерий Ришардот. В процессе поисков в районе рек Двины и Дисны были обнаружены еще четыре камня, находившиеся почти на равном расстоянии друг от друга и с подобными, но более древними заклинательными надписями. Порядок расположения и явная символика камней сразу же поставили под сомнение существовавшее до этого представление о них как об обычных надгробиях. Члены кружка первыми поставили вопрос о назначении этих археологических памятников.

Уже Канкрин был уверен в том, что они служили в древности «знаком или владения или для истребления языческого суеверия». В дальнейшем с этим согласились и другие члены кружка. Камни неожиданно осветили важную историческую проблему, показав живучесть еще в XII—XIII вв. (именно к этому времени они относились) языческих верований. В настоящее время признано, что их создание связано с языческими молениями во время страшных голодов, постигших Полоцкое княжество в XII в.[63]

По ходатайству Румянцева правительство приняло решение об их сохранении — в это время шли работы по улучшению судоходства в руслах рек, где находились памятники, и им грозило уничтожение.

С открытием оршанских камней в научный оборот вводился один из древнейших русских эпиграфических источников. Изучение их и подобных памятников продолжило изыскания, положенные в XVIII в. открытием и исследованием Тмутараканского камня с русской надписью XI в. Поиски древнейших русских надписей для кружка становятся самостоятельной задачей. Некоторые из сотрудников Румянцева полагали, что их скорее всего

можно обнаружить в местах древнерусских погребений. Правда, Карамзин решительно заявил об отсутствии на Руси, по крайней мере до XVI в., самого обычая захоронения с надгробными надписями, но Румянцев упорно давал задания своим сотрудникам разыскивать «надгробные камни с точным означением какого-либо древнего года, именно который бы предшествовал самому началу XVI века». Такие поиски были проведены по всему течению Дисны, Двины, Альбы, Шосны (Шлиссельбургский уезд), в районах Полоцка, Орши, Переяславля, Смоленска, Новгорода и в других местах.

В 1820 г. Румянцев просил новгородского губернатора Д. С. Жеребцова организовать обследование берегов Тесовского озера, где, по сведениям Канкрина, находили множество «крестов каменных, даже сотнями древнего изображения...». Созданная по распоряжению губернатора комиссия не обнаружила древних крестов с надписями. Зато она обследовала и описала местные достопримечательности. В пещере в Старой Руссе был обнаружен шишак и панцирь, переданные Румянцеву в обмен на земледельческие орудия. В 1821 г. земский исправник Нармоцкий произвел «обыск» древностей у жителей деревни Горки Должинской вотчины, а затем здесь же раскопал подземные ходы, оказавшиеся «жилищами хищных зверей» [64].

В ходе этих и других поисков было собрано несколько десятков описаний, оттисков и прорисей надписей на надгробиях, крестах, камнях, которые имеют исключительное значение и теперь, особенно в тех случаях, когда сами подлинники погибли.

В XVIII — начале XIX в. в научной печати не раз поднимался вопрос о древних торговых путях Востока и Запада. П. И. Рычков и А. Л. Шлецер вслед за Ф.-И. Страленбергом, например, считали невозможным существование древней торговли восточных и западных стран через Россию. Противоположного мнения придерживался немецкий исследователь О. Г. Тихсен, к которому Румянцев обратился по этому поводу в 1815 г. Авторитетное заявление Тихсена воодушевило графа, и он приступил к организации разысканий, которые могли бы подтвердить посредничество народов, населявших в древности Россию, в тогдашней торговле Востока и Запада.

Решить этот вопрос члены кружка пытались с помощью археологических данных. В 1819 г. через Мали-

новского Румянцев приобрел монету, найденную в Тверской губернии. Френ отнес ее к куфическим. Как могла она оказаться в России? Одну такую находку еще можно было считать случайной, но уже спустя три года в районе Гомеля был вырыт и приобретен Румянцевым целый клад куфических монет из 28 серебряных экземпляров, что уже подтверждало справедливость мнения Тихсена. Вскоре членам кружка становится известно об открытых кладах куфических монет в районе Полоцка и Орши, попавших в нумизматические коллекции местных собирателей. Румянцев предпринимает попытки их разыскания и приобретения.

В 1825 г. Горатынский, Дорошкевич и Сыщанко по его заданию знакомятся с нумизматическими коллекциями в районах Полоцка и Орши (Игнатовича, Румяновского, Обрампольского, Шаумана, Лисовского, Климовича и других). Они приобретают из них для Румянцева, по крайней мере, еще 12 экземпляров куфических монет, а также сотни монет татарских, польских, шведских и греческих. Несколько десятков куфических монет были куплены Румянцевым в других местах, в частности на Макарьевской ярмарке. И хотя большинство таких приобретений куфических монет оказывалось случайным, без фиксации топографии находок, их сбор кружком положил начало положительному решению важного исторического вопроса.

Собирание, описание и частичная систематизация археологического материала не случайно заняли большое место в деятельности членов кружка. Сами по себе отдельные, пусть даже интересные, находки не всегда могли раскрыть свои тайны или помочь объяснить конкретные исторические проблемы. Н. А. Полевой, касаясь однажды Черниговской гривны, заметил, что «недостаток данных может сбивать археологов с прямого пути и заводить их в область догадок, не составляющих уже принадлежностей науки» [65]. Так, уже тогда стало ясно, что от признания сребреника Ярослава как платежного средства, знака отличия или талисмана в Древней Руси зависели и сами выводы о ее политической, экономической и культурной жизни. Но для доказательства его роли как денежного средства потребовалось еще около пятидесяти лет, когда открытие Нежинского клада доказало существование в древности подобных денежных единиц — в нем их оказалось несколько десятков.

К пониманию необходимости целенаправленного си-

стематического собирания вещественных памятников Румянцев и его сотрудники пришли не сразу. Именно поэтому в археологическом собрании кружка оказалась масса случайных вещей. Здесь и «костяная медаль», найденная у гомельского моста, и мансийский идол, кольца, замки и ключи, приобретенные в Перми через Берха, и «древнее вооружение бурятского народа», поступившее из Тобольска от А. М. Тургенева, и золотая медаль боспорского царя Спартока. Несколько десятков крестов и печатей было куплено во время путешествия Румянцева и Калайдовича по Подмосковью в 1822 г. На Макарьевской ярмарке приобретены иконы, от Д. Пошки поступили ритуальные вещи из курганов Самогитии.

И лишь в последние годы жизни Румянцев стал ориентировать своих сотрудников на разыскания определенных комплексов древностей, прежде всего связанных с русской историей. Наиболее характерный пример — нумизматическое собрание кружка. В 1825 г. Румянцев писал Горатынскому: «Я никогда никаких заграничных монет не ищу и не собираю, а очень стараюсь приобрести одни русские старинные монеты и арабские, кои почасту находят зарытыми в двух белорусских губерниях» [66].

Уже в 1814 г. Румянцев через Лангеля попытался приобрести богатейшее нумизматическое собрание асессора Коллегии древностей в Стокгольме Н. Кедера, где, по слухам, находились русские монеты, несколько позже с помощью харьковского губернатора В. М. Муранова — нумизматическую коллекцию профессора Харьковского университета Г. П. Успенского. Из открытых в начале XIX в. кладов серебряных слитков, поставивших проблему определения их в системе денежного обращения Древней Руси, в коллекцию графа поступает несколько экземпляров: пять через Малиновского, очевидно, из Серпуховского клада 1819 г., и четыре — из Новгородского 1821 г. У профессора М. А. Кроткого (Рязань) через Калайдовича были приобретены найденные под Касимовом татарские монеты. Сотни татарских и русских монет были куплены комиссионерами графа в Москве и на Макарьевской ярмарке, в Троках, Микулине городище и т. д.

В ходе таких разысканий и приобретений члены кружка не однажды получали возможность знакомиться с известными в то время нумизматическими собраниями, позже оказавшимися распыленными. Большая часть таких коллекций, очевидно, была создана на базе крупных мо-

нетных и других кладов. Так, по сведениям, собранным для Румянцева архимандритом Тимофеем, мешок монет, проданный на рынке наследниками исправника Ольшанского, представлял собой остатки части попавшего к нему клада татарских монет, обнаруженного в Харькове. Часть нумизматического собрания В. Щита также составили монеты, найденные в Дризинском повете (район Орши) при рытье колодца. Остатками такого клада могли быть и 1228 монет, привезенные купцом Надуевым с Макарьевской ярмарки. Из них Румянцев купил «небольшое число серебряных копеечек» [67].

Научно-историческая ценность вещественных памятников у сотрудников Румянцева не вызывала сомнений. Постепенно они начали выходить за рамки традиционного собирания, ставя перед собой задачу источниковедческой интерпретации обнаруженных находок. Одним из наиболее ярких примеров такого подхода к вещественным памятникам была попытка изучить Черниговскую гривну.

Золотая круглая медаль, представляющая собой амулет-«змеевик» с русской колончатой именной надписью и круговой греческой по сторонам изображения архангела Михаила на одной стороне и с изображением медузы и русской и греческой надписями — на другой, привлекла внимание современников сразу же после ее открытия в 1821 г. Назначение, изображения и надписи этого памятника получили противоречивые объяснения. В ней видели монету или украшение русского происхождения, амулет, византийский талисман, древний знак отличия и т. д.

От Калайдовича сотрудники Румянцева узнали о находке Черниговской гривны, с ним Румянцев связывал и объяснение этого памятника. Как и многие его современники, Калайдович колебался в определении назначения змеевика, считая его то гривной, русского или византийского происхождения, то наградным знаком, полученным от византийского императора Владимиром Мономахом, то, наконец, иконой, предназначенной для ношения на груди. В частных коллекциях ученый обнаружил еще несколько «змеевиков», разновременных по происхождению и отличавшихся деталями изображений и надписей. Верно определив имевшиеся на них изображения архангела Михаила и великомученика Никиты, Калайдович понял, что именно с ними и следует связывать назначение Черниговской гривны и подобных ей памятников. Поздней-

шие исследования показали, что в апокрифических сочинениях архангелу Михаилу и великомученику Никите приписывается особая роль победителей многоименного беса, а сами змеевики с их изображениями выступают как амулеты, целители от болезней.

Более определенно Калайдович высказался о времени создания памятника. Аналогию изображения архангела Михаила он находит на шишаке великого князя Федора Ярославича, на печатях новгородских и тверских грамот конца XIII — начала XIV в. Другую особенность исследователь увидел в «призывании на помощь имени божия или его угодников», также встречавшееся в древнейших памятниках. Наконец, в качестве важного датирующего признака Калайдович указывал на эпиграфические особенности славянских надписей змеевика: «Славянские буквы, изображенные на золотой гривне, по древнейшему своему начертанию и сравнению с другими могут принадлежать к XI или XII веку». Он отдал явное предпочтение палеографическому анализу памятника перед историческим, хотя тогда уже получило распространение мнение, что присутствие на гривне имени Василия могло быть связано с христианским именем Владимира Мономаха. Теперь считается доказанным, что амулеты типа черниговского относятся к XI—XII вв., а находка Черниговской гривны в местах, где охотился Владимир Мономах, дает основания связывать ее с именем этого князя [68].

Таким образом, основные выводы ученого о Черниговской гривне оказались слишком неопределенными и осторожными. Может быть, именно поэтому и сам Калайдович, чувствуя их недоказанность, отказался от издания своего исследования, хотя по указанию Румянцева был произведен уже расчет денежных средств на печатание. И все же попытка рассмотрения Черниговской гривны в комплексе с другими источниками показывает, как постепенно сотрудники Румянцева нащупывали способы научного анализа вещественных памятников, критически относясь к своим заключениям.

«История народа тесно связана с историей языка»,— заявили в 1823 г. молодые ученые М. П. Погодин и А. М. Кубарев, предлагая ОИДР издать свой перевод исследования Й. Добровского о славянской грамматике. К началу XIX в. исследователей все больше и больше занимали языковедческие проблемы. Данные языка становились важным доказательством разнообразных исто-

рических построений. На их основе предпринимались попытки определения взаимосвязи исторической жизни и культуры народов, решались вопросы их древнейшей дописьменной истории. Сравнительное изучение языков, поиски в них общих черт, элементов давали богатую пищу и для политических ассоциаций: Российская империя не должна была выглядеть искусственным созданием, в языке искали подтверждения исторических связей русского народа с недавно присоединенными народами Польши, Грузии, Финляндии и других стран. Не случайно Шегрен в отчете об экспедиции к финно-угорским племенам подчеркивал, что собранный им языковый материал в Карелии яснее любых исторических памятников неопровержимо указывает на «обладание россиян» Карелией в древности [69].

В начале XIX в. исследователями не раз ставился вопрос о создании языкового атласа, который бы указывал области распространения языков и наречий народов, вошедших в состав Российской империи. Он должен был являться своеобразным наглядным пособием при изучении их исторических взаимосвязей. О картах с «лингвистическими полосами», па которые можно было бы разделить всю территорию Российской империи, с воодушевлением писали Лобойко и Кеппен, сбору материала для них посвящали свое время и другие сотрудники Румянцева.

В наиболее концентрированном виде эти замыслы отразились в попытках кружка организовать изучение польского, белорусского, литовского, финского и грузинского языков. Еще в 1812 г. Калайдович начал сбор белорусских слов, позже этим же занялся Григорович. В 1823 г. по поручению Румянцева изучением литовского языка занялся Лобойко, а два года спустя граф обратился к евангелическому пастору в Гданьске Х. К. Мронговиусу с предложением начать на его средства исследование оригинального кашубского наречия, которое Мронговиус ошибочно считал более близким к русскому, чем польскому языку.

Сбор языкового материала входил и в число задач экспедиций Шегрена и Берха. В 1823 г. для сочинения о литовском языке и народе по желанию Румянцева собирали материалы во время своего путешествия по Литве Лобойко и Лелевель. Их разыскания даже вышли за рамки изучения языка. Они составили анкету, содержав-

шую широкий круг вопросов не только о языке, но и по этнографии, истории и топографии Литвы, Белоруссии и Польши. Анкета была разослана в Митавской, Виленской и Гродненской губерниях. Результаты этого анкетирования Лобойко предполагал послать Румянцеву и Доленге-Ходаковскому [70].

По замыслу Румянцева весь собранный в результате таких обследований языковый материал мог оказаться основой серии словарей, преимущественно толковых, с параллельным переводом на русский, латинский и один из западноевропейских языков. В 1824 г. при его финансовой поддержке финский ученый Г. Рейнваль опубликовал на латинском языке «Финский лексикон», включавший несколько тысяч слов [71], а за несколько лет до этого Шегрен — свое исследование о финском языке, где был затронут вопрос и о финских словах русского происхождения [72]. В труде Рейнваля Румянцев надеялся найти «истолкования многих древних слов, которые вкрались в наш язык». В 1825 г. через Румянцева Лобойко вел переговоры об издании двух словарей жмудского языка, составленных К. Незабитаускасом и Д. Пошкой: первый включал слова современного разговорного языка с их переводом на польский, а второй представлял собой перевод жмудских слов на русский, польский и латинский языки. Тогда же с помощью Малиновского граф согласился издать словарь грузинского языка с его переводом на русский и латинский языки. Он готовился в течение 12 лет коллежским асессором Н. Д. Чубиковым по образцу известного латинско-русского лексикона Розанова [73].

Языковые интересы самого Румянцева оказались чрезвычайно широкими. Его увлекала зародившаяся в России еще в XVIII в. идея сравнительного изучения языков, в том числе и древних. В 1816 г., например, граф приобрел за 1200 руб. рукопись словаря сирийского языка, составленного профессором Иенского университета Г. В. Лорсбахом. Словарь содержал и объяснения правописания слов, включая географические названия, упоминавшиеся в арабских источниках средневековья.

Вел переговоры Румянцев и с известным русским индологом Г. С. Лебедевым об издании подготовленных им словарей санскритского языка. Наконец, несколько лет по заданию графа Дестунис и Сферин готовили русско-греческий лексикон. По неизвестной причине этот словарь не увидел света; в настоящее время отсутствуют

сведения и о месте хранения его рукописи. Однако сохранился отзыв А. К. Разумовского на этот труд. Из него следует, что Дестунис и Сферин подготовили наиболее полный из существовавших до этого русско-греческих словарей, взяв за образец лексикон Эрнестия, привлекая и другие немецкие, французские, латинские словари. Слова в нем везде пояснялись примерами из греческих авторов [74].

Успехи членов кружка в сборе археологического, языкового и других материалов по сравнению с археографическими разысканиями оказались более скромными. Эти новые направления научных поисков в начале XIX в. еще только завоевывали право на существование. Деятельность кружка здесь в большей степени проявилась в постановке задач, решить которые удалось тогда лишь частично. Но именно в этом заключалось новаторство сотрудников Румянцева, сумевших увидеть большие возможности для изучения прошлого в нетрадиционных для начала XIX в. исторических источниках.

Характеризуя в целом разыскания кружка, следует отметить, что в организационном плане по своим масштабам и результатам они намного превзошли все, что было в России до этого, создав тот фундамент исторического материала, на основании которого стало возможно уже тогда и позже подготовить целый ряд документальных публикаций исторических сочинений и исследований в области специальных исторических дисциплин, существенно «освежить» традиционную источниковую базу. Сосредоточив преимущественное внимание на разыскании и сборе нарративного, актового, археологического материала, сотрудники Румянцева не обошли своим вниманием и памятники, возникшие в народной среде (фольклор, устные предания). Вместе с тем совершенно очевидна и ограниченность разысканий кружка, связанная, видимо, с ограниченностью исторических представлений его членов. В их поле зрения находились прежде всего памятники политической истории и истории культуры (в том числе народной). Источники же по истории классовой борьбы находились вне интересов сотрудников Румянцева. Исключением является только Бантыш-Каменский, который еще в XVIII в. собрал интересную коллекцию документов о восстании Е. И. Пугачева. Точно так же не интересовали кружок и материалы по истории России после XVII в.: для сотрудников графа рус-

ская история оканчивалась этим временем. XVIII столетие с его великими преобразованиями, классовыми битвами, мрачными политическими коллизиями самодержавия оставалось запретным временем. В этом смысле в своих разысканиях члены кружка были даже далеко позади русских историков XVIII в., не говоря уже о декабристах и А. С. Пушкине.

Глава 3

«ЧТОБ ВНУКАМ ОЖИВИТЬ ДЕЯНЬЯ И МЕЧТЫ ИХ ПРЕДКОВ»

В своей знаменитой речи на заседании Общества истории и древностей российских в 1823 г. Строев, говоря об успехах русской исторической науки, отмечал, что члены Румянцевского кружка за время своей деятельности издали «не менее рукописей, сколько их было выдано с 1767 года». В этой безусловно преувеличенной оценке справедливо выделено одно из главных направлений научного творчества кружка — публикация исторических источников. Круг изданий кружка оказался очень разнообразным. Продолжая традиции своих предшественников — ученых XVIII в.,— сотрудники Румянцева занимались публикацией актового материала, летописей, законодательных памятников, памятников фольклора, языка, литературы, дипломатических документов, иностранных источников. «И древность юную мы видим пред собою»,— так писал поэт П. И. Шаликов, имея в виду эти издания кружка.

Среди таких публикаций по масштабу и научному значению на первом месте стоит серия изданий актового материала, и прежде всего «Собрание государственных грамот и договоров» [1]. Актовые источники стали широко известны исследователям еще в XVIII в., когда сначала Н. И. Новиковым в «Древней российской Вивлиофике», а затем М. М. Щербатовым в «Российской истории» были впервые изданы древнерусские грамоты. С тех пор в исторических исследованиях они заняли место одного из самых важных источников.

В 1811 г. Румянцев, предлагая Бантыш-Каменскому возродить замысел Миллера опубликовать собрание документов о дипломатических сношениях России с иностран-

ными государствами по образцу французской публикации Ж. Дюмона, получил в ответ тщательно разработанный план такого издания. Бантыш-Каменский полагал напечатать договоры России сначала с европейскими, а затем с азиатскими государствами. Он считал также необходимым издать до этого еще и «внутренние акты» — новгородские грамоты, грамоты великих московских и удельных князей, духовные, договорные и т. д. Они хранились в Московском архиве Коллегии иностранных дел, и уже в XVIII в. Бантыш-Каменский подготовил с них тщательные копии для издания, намеченного Миллером. Копии были использованы также Новиковым в «Древней российской Вивлиофике» и Щербатовым.

Эти «внутренние акты», по мысли Бантыш-Каменского, должны были стать лишь введением к изданию собственно дипломатических документов; целесообразность их вторичной публикации после Новикова и Щербатова объяснялась условным пониманием таких актов как документов, характеризующих дипломатические взаимоотношения между древнерусскими княжествами[2]. Этим достигался историзм в подборе документов для издания.

С этим замыслом кружок и приступил к подготовке первой части «Собрания». Но все последующие четыре части (последняя, пятая часть полностью не была подготовлена и вышла в свет только в 1894 г.) оказались продолжением первой, включая в свой состав все те же «внутренние акты» более широких хронологических рамок, и лишь отдельные дипломатические документы. Причина отхода от первоначального плана скрывалась в изменении взгляда членов кружка на роль «Собрания». В 1811 г. в докладе Александру I, отмечая, что в «Собрание» войдут прежде всего дипломатические документы, Румянцев подчеркивал значение этой публикации для «образования будущих дипломатов» и для изучения прошлого России, прежде всего ее «славы». В процессе же подготовки второй и следующих частей «Собрания» еще по плану Бантыш-Каменского в Московском архиве Коллегии иностранных дел и других хранилищах были выявлены новые интересные документы по внутриполитической истории России: грамоты об учреждении в России патриаршего престола, следственное дело об убийстве царевича Дмитрия и т. д.

Перспектива их публикации увлекла сотрудников Румянцева. «Собрание» целиком приобретает научно-

историческое назначение. Вот почему уже подготовленные для второй и последующих частей издания 730 документов, представлявших в основном договоры России с европейскими и азиатскими государствами 1431—1724 гг., были отложены и вместо них кружок продолжил публикацию всех тех же «внутренних актов». Из 730 выявленных дипломатических документов в «Собрание» вошло лишь 47 [3].

Изменение взглядов членов Румянцевского кружка на цели «Собрания» повлекло за собой и иные принципы его пополнения. Если вначале сюда предполагалось включить исключительно материалы Московского архива Коллегии иностранных дел (на это красноречиво указывало само название издания— «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел»), то затем в издании все большее место стали занимать документы других русских и иностранных хранилищ. Противоречие же между названием «Собрания» и фактическим его наполнением было устранено остроумным решением Румянцева оставлять в Московском архиве Коллегии иностранных дел копии с публикуемых документов, которые присылались из других архивов.

В ходе подготовки «Собрания» разрабатывались и совершенствовались приемы издания актов. В равной мере свой вклад в это внесли и Бантыш-Каменский, и Калайдович, и Малиновский, и Строев. Как руководитель всего предприятия, Румянцев имел больше прав при решении любого вопроса, связанного с изданием «Собрания». Все документы, выявленные для публикации, предварительно посылались ему, и он мог потребовать исключения любого из них, переделки предисловий к каждой части и т. д. Однако в большинстве случаев такое вмешательство было не только и даже не столько личным мнением самого Румянцева, сколько результатом своеобразного «внутреннего рецензирования» со стороны других членов кружка. Так, например, однажды Румянцев потребовал еще раз проверить точность воспроизведения текстов документов на польском языке, помещаемых во вторую часть «Собрания». Было это не случайно, так как он имел перед собой соответствующие замечания Анастасевича, для опровержения которых Калайдовичу и Китовичу, готовившим материалы к печати, пришлось писать специальное обоснование [4].

В первой части «Собрания» целиком подготовленной Бантыш-Каменским, тексты издавались с сохранением их языковых, орфографических особенностей, славянской буквенной цифири. Раскрывались титла, в строку вносились выносные буквы, явно пропущенные слова восстанавливались в скобках с оговорками в текстуальных примечаниях. После смерти Бантыш-Каменского эти же правила были взяты за основу и при подготовке второй части «Собрания». С более половины предназначенных для нее документов уже изготовили копии, когда в феврале 1816 г. Румянцев потребовал «выдавать следующие части со всею буквальною точностию текстов». Работу пришлось проделывать заново с учетом его пожеланий [5].

Категорическое требование Румянцева не было его личным мнением. Еще за четыре года до этого ему стали известны строгие замечания Калайдовича, изложенные в письме к Бантыш-Каменскому, по поводу первой части «Собрания». Они касались широкого круга исторических и палеографических вопросов. Поэтому Румянцев принял решение издать письмо Калайдовича в виде отдельной брошюры [6]. В нем Калайдович предлагал, чтобы «собрание государственных грамот, которые несравненно важнее летописей по своей достоверности, и потому, что переписчик их не есть уединяющийся переписчик летописей, было издано со всею палеографическою точностью». Таким образом, вторая часть «Собрания» в вопросе воспроизведения текстов грамот и «старинных с них списков» отразила позицию не только Румянцева, но еще и Калайдовича. Исключение здесь было сделано только для древних документов, представленных копиями XVIII в. из так называемых «портфелей Миллера». Они публиковались согласно правописанию начала XIX в.

В процессе подготовки «Собрания» вырабатывались принципы издания исторических источников одного вида и широких хронологических рамок. Естественно поэтому, что члены кружка искали ту хронологическую грань, после которой было возможно без ущерба для науки упрощать передачу текстов документов: раскрывать титла, исправлять ошибки и т. д. В 1819 г. Калайдович, ссылаясь на приобретенный опыт, отказывался от «некоторых положений» своего письма к Бантыш-Каменскому, «особливо в точном соблюдении правописания грамот новейших времен» при их публикации. Новые правила

издания более поздних актов, вошедших в третью и последующие части публикации, предложенные Калайдовичем в 1821 г. и принятые Комиссией печатания государственных грамот и договоров, предусматривали иные принципы воспроизведения текстов. Смысл их сводился к максимальному облегчению передачи текстов документов за счет исключения всех сокращений, вышедших из употребления букв, но с сохранением «слов и речений неприкосновенными касательно старинной грамматической их перемены», написаний имен собственных, славянской буквенной цифири.

При сложившихся со временем принципах пополнения «Собрания», когда источники издавались и по копиям, изготовленным разными лицами, из других хранилищ, было бы трудно ожидать в этом издании полного единообразия передачи текстов, отсутствия ошибок и неверно прочитанных мест подлинников даже в пределах отдельных частей. В тех случаях, когда издатели имели перед собой подлинники источников, их тексты воспроизводились в соответствии с выработанными правилами. Если же в распоряжении ученых находились лишь копии, приходилось целиком полагаться на их точность. В некоторых случаях Комиссия, имея несколько списков одного документа, пыталась исправлять на их основе ошибки в основном публикуемом списке.

Все это отнюдь не снизило научного значения «Собрания», куда вошло более 1000 документов XIII—XVII вв., касающихся практически всех наиболее интересных событий русской истории этого периода. Среди них — чины царского венчания, крестоцеловальные, жалованные, уставные, таможенные грамоты, документы земских соборов. Особенно обильно представлены документами периоды царствований Ивана Грозного, Лжедмитриев и начало царствования Романовых. Династическая борьба, войны, колонизация Сибири, проникновение в Прибалтику, борьба против золотоордынского ига, развитие торговли и многие другие вопросы с выходом «Собрания» получали солидное документальное освещение.

Подавляющая часть всех этих материалов издана впервые. В «Собрании» тщательно воспроизведены печати подлинников, подписи на них, приведены сведения о материале грамот, приложены географический и именной указатели (только к четырем частям) и палеографические таблицы почерков разного времени. Иностранные

тексты печатались на языках подлинников с переводом на русский язык (использовались либо современные документам переводы, либо переводы, сделанные позже по указанию Коллегии иностранных дел). Обоснованными оказались и поиски правил воспроизведения текстов документов, а также хронологический принцип их систематизации (исключением стала вторая часть, включавшая и более ранние документы по сравнению с изданными в первой части). Несмотря на недостатки (отсутствие в легендах каких-либо исторических примечаний, указаний на места хранения документов, не имевшихся в Московском архиве Коллегии иностранных дел, на предшествующие публикации), издание «Собрания» стало выдающимся событием в истории русской исторической науки начала XIX в. Своего научного значения оно не потеряло и до настоящего времени.

Хронологический принцип систематизации документов «Собрания» оказал существенное влияние на полноту издания: придерживаясь его, издатели были лишены возможности включать сюда новые выявленные документы, более ранние по сравнению с уже опубликованными. С этим члены Румянцевского кружка столкнулись уже после выхода первой части, когда получили материалы Кенигсбергского архива.

Учитывая это, Румянцев принял решение готовить отдельные публикации таких вновь открываемых документов. После того как, например, выяснилось, что в «Собрание» не могут войти обнаруженные в Московском архиве Коллегии иностранных дел материалы о русских арктических путешествиях начала XVII в., он поручил осуществить их специальное издание Крузенштерну [7].

В 1822 г. Румянцев согласился финансировать такую же публикацию материалов, найденных Берхом в архивах Соликамска и Верхотурья. Подготовленное Берхом издание включало 45 актов 1606—1700 гг., связанных с историей Сибири, организацией управления, почтовой службы в России, развитием торговли [8]. Некоторые из них были уже известны по публикациям в «Древней российской Вивлиофике» и «Собрании государственных грамот и договоров», однако теперь Берх сумел издать их по более полным и точным спискам. Так, грамота Василия Шуйского князю С. Ю. Вяземскому от 2 июня 1606 г. в списке Берха имела иное, ближе к подлиннику чтение, грамота ярославского ополчения в Казань 1611 г. в пуб-

ликации Берха содержала тоже новые данные: роспись воевод, отправленных против поляков и т. д. Хотя правила издания источников Берхом не были изложены, нетрудно заметить, что в воспроизведении текстов он следовал принципам, положенным в основу публикации последних частей «Собрания».

Поиски грамот для «Собрания государственных грамот и договоров» в западных районах страны привели к открытию интересных материалов, в большей части носивших региональный характер. Мысль об их отдельном издании под названием «Белорусский архив» в равной мере принадлежала и Григоровичу, и Румянцеву, и другим членам кружка. Такая публикация могла носить к тому же и идеологический характер, обнаруживая, по мнению Григоровича, «дух папизма» и те притеснения от него, которые пришлось вынести в Белоруссии православным. С этим соглашался и Румянцев, полагавший, впрочем, прокомментировать и подобрать документы «без всякой желчи и той ненависти, которую часто являли наши духовные особы к католической религии» [9].

«Белорусский архив» предполагалось издать в трех частях. Но вышла только первая часть, вторая осталась в рукописи, а третья, очевидно, полностью не была подготовлена [10–11]. Попытки Григоровича уже после смерти Румянцева заинтересовать изданием второй части Е. Болховитинова, занявшего к этому времени одно из высших мест в церковной иерархии, С. П. Румянцева, Академию наук, продать право ее публикации или же собрать средства на издание по подписке, успехом не увенчались. Частично подготовленные для книги материалы были изданы Григоровичем позже в публикациях Археографической комиссии.

Первые две части «Белорусского архива» включили 123 акта XIII—XVIII вв. по истории России, Польши, Литвы. Среди них оказались фундушевые грамоты о пожертвованиях в разные монастыри и церкви, уставы о вольностях, акты о введении нового календаря, привилеи, грамоты русских, польских, литовских правителей и т. д. В «Архив» вошли документы на польском, белорусском, русском и латинском языках. Польские и латинские источники издавались с параллельным переводом на русский, а некоторые белорусские — с переводом и на польский язык. После выхода первой части Григорович с удовлетворением писал брату, что теперь «и наша Бело-

руссия не совсем исчезнет с лица земли, но да ведает свет, что были времена, когда она была славнее и добродетельнее, нежели ныне»[12].

Источники публиковались по копиям, не только изготовленным самим Григоровичем, но и полученным от других членов кружка. Единых правил копирования достигнуто не было. Так, с оригиналов грамот первой части (№ 16, 23, 33) Григорович получил копии от Румянцева. С них же имелись и копии в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Расхождения между ними оказались столь значительными, что при издании для двух из них (№ 23, 33) пришлось воспользоваться также и копиями архива. По предложению Болховитинова и Востокова некоторые грамоты, предназначенные для «Белорусского архива» и списанные Дорошкевичем в Полоцке, из-за многочисленных ошибок были скопированы заново. Поэтому, несмотря на стремление Григоровича точно воспроизводить тексты оригиналов, применяя вышедшие из употребления буквы, надстрочные и другие знаки, встречается и упрощенная передача текстов документов.

Определенную роль в решении вопросов воспроизведения текстов «Белорусского архива» сыграла и редакторская работа над рукописью, присланной для издания в Москву, проделанная Калайдовичем. Он изменил также датировку нескольких грамот, исправил комментарии к части их. Объясняя свои исправления «как предмет скучный, но между тем необходимый в таком издании», Калайдович писал, что их можно было бы избежать, «имея подлинники перед глазами»[13].

После многократных корректур (Калайдович, Прилуцкий, Малиновский и на последнем этапе Григорович) удалось добиться в целом высокого научного уровня передачи текстов.

В археографическом отношении «Белорусский архив» в ряде моментов даже превзошел «Собрание государственных грамот и договоров». В нем, как и в «Собрании», отмечены не только подлинность или копийность издаваемых документов, почерк, которым они написаны, приведены описания печатей и воспроизведены подписи и «образцы почерков», но и указаны места хранения оригиналов, предшествующие публикации, даны подробные исторические комментарии. Во второй части помещена родословная таблица князей Мстиславских. По предложению Лобойко к одной из последующих частей должен

был быть присоединен «Словарь неудопонятных белорусских слов».

Вторым направлением деятельности членов Румянцевского кружка по публикации документов явилось издание летописных памятников. Еще в XVIII в. русская историческая наука получила в свое распоряжение опубликованный корпус отдельных летописей и их сводных изданий по нескольким спискам. Практика их подготовки уже тогда натолкнулась на ряд нерешенных проблем. Огромное число летописных списков разной древности, сходных в своей начальной части — так называемой Летописи Нестора — и затем разделяющихся на изложение истории отдельных земель, изобилующих массой разночтений и описок, подчас весьма существенных, давали основания самым разнообразным принципам их издания. По воле издателей из текстов летописей нередко исключались отдельные места, якобы не имевшие отношения к историческому повествованию, и, наоборот, летописные тексты пополнялись, исправлялись с оговорками или без них по другим спискам, часто представлявшим разные редакции памятников.

В конце XVIII — начале XIX в. в России широкую известность получили принципы издания летописей, сформулированные А. Л. Шлецером, немецким исследователем, долгое время жившим в России и увлеченно занимавшимся ее историей. Шлецер призвал перейти от традиционных приемов издания Летописи Нестора к подготовке, условно говоря, источниковедческой публикации. Для этого он предлагал собрать сотни списков, сравнить их и на основе такого сравнения издать уже «очищенный» от переработки и искажений в процессе переписки в позднейшее время первоначальный текст древнерусского летописца. Эта важная источниковедческая задача, решить которую пытался сам Шлецер, была с энтузиазмом встречена частью русских ученых. Возможно, что именно такое издание намеревалось подготовить в начале своей деятельности Общество истории и древностей российских.

Согласно протоколу первого заседания Общества, сохранившемуся у Болховитинова (1804 г.), было решено, «приняв в помощь критические замечания славного историографа г. Шлецера», путем сравнения «самых древних и верных» летописных списков определить «самый лучший и вернейший текст с необходимыми выносками разностей в чтении, некоторых объяснений и прочее...».

Некоторые формулировки в протоколе неясны. Например, под «самым лучшим и вернейшим текстом» можно понимать и текст одного из выбранных списков, и текст, искусственно созданный «по суду всех» членов Общества [14]. Ясно одно: сложность и трудоемкость работы и в том и другом случае почти сразу заставили отказаться от первоначального замысла. Вместо этого Общество поручило профессору Х. А. Чеботареву издать уже найденную к этому времени Лаврентьевскую летопись с разночтениями по двум спискам (Кенигсбергскому и Троицкому). Новый план был более реален, он не преследовал цели издания ни гипотетической «очищенной Летописи Нестора», ни громадного свода разночтений по многим спискам, и в случае осуществления мог дать действительную картину разночтений только трех летописных списков разных редакций. Однако из-за организационных неурядиц и это издание не было завершено: владелец Лаврентьевской летописи Мусин-Пушкин забрал ее из Общества, а сам Чеботарев, на которого свалилась основная тяжесть работы, вскоре вообще отказался от ее продолжения.

В дальнейшем профессор Московского университета Р. Ф. Тимковский, под руководством которого начинали свой научный путь Калайдович и Строев, предпринял попытку подготовки публикации все той же Лаврентьевской летописи с привлечением других списков, но уже только для поправок ее текста. Отечественная война 1812 г. прервала работу и над этим изданием. Незавершенная публикация Тимковского смогла увидеть свет только в 1822 г.[15]

Оленин и Ермолаев отнеслись отрицательно к принципам публикации, предложенным в этом издании Тимковским. «Много времени утрачено, а труд понапрасну употреблен»,— писали они, предлагая издавать отдельно каждый летописный список «с самою строжайшею точностью не только в правописании, но и в препинаниях» [16]. Иного мнения придерживался одно время Калайдович. Решительно выступая против предложения Оленина и Ермолаева, он доказывал, что реализация его приведет лишь к простому размножению сотен летописных списков с сохранением всех их неточностей и всевозможных описок. С ним соглашался и Строев. «Нет ничего труднее, а притом бесполезнее,— писал он,— как издавать летописи и вообще древние сочинения по одному, двум или немно-

гим спискам: они, как известно, всегда неисправны от нерадения, невежества и затейливости переписчиков» [17].

Как мы помним, к 1817 г. взгляды Калайдовича на принципы публикации источников претерпели существенную трансформацию. Они касались и летописей. В частности, теперь он предложил издать древний Синодальный список Новгородской первой летописи «как один из важнейших памятников славянской русской письменности», с максимально возможным приближением к оригиналу и с параллельной публикацией перевода на современный русский язык. Более же поздний Устюжский летописный свод, «писанный языком не совсем древним», ученый считал возможным издать обычным гражданским шрифтом и с упрощенной передачей текста [18].

Таким образом, уже в первой четверти XIX в. археографы пытались решить актуальную и по сей день проблему возможного совмещения в издании древнейших источников интересов историков и лингвистов. Если Оленин, Ермолаев и Калайдович по отношению к самым древним памятникам выступали от имени последних, то Строев и некоторые другие ученые отстаивали интересы прежде всего историков.

Полевой в рецензии на издание Лаврентьевской летописи, подготовленное Тимковским, напоминая шлецеровский план, замечал, что Тимковский «мог бы, не нарушая условий критики исторической, быть смелее в исправлении ошибок. Это увеличило бы число замечаний его, но очистило бы текст и представило его в лучшем виде» [19]. Позиция Полевого была позицией историка, заинтересованного в источниковедческом осмыслении издаваемого текста источника.

Еще дальше, чем Полевой, шли в своих теоретических взглядах Болховитинов и Круг. Ратуя за «сводного Нестора», Болховитинов подразумевал под ним издание шлецеровского «очищенного Нестора», а не какого-либо летописного списка с вариантами по другим. «Мы, богословы,— категорически заявлял он Анастасевичу,— ругаем Курцеля за огромные варианты на Новый, а Кенникота — на Ветхий Завет, больше сбивающие и больше подающие повод к спорам и заблуждениям, нежели к определению точного смысла... Бурлит за такие многовариантные издания римских авторов награжден забвением уже и у критиков и у филологов» [20]. Круг полагал, что издание летописей с вариантами является только предвари-

тельной частью работы; за текстом, сравненным «механически», должен был последовать текст критический с объяснениями [21].

Противоречивые мнения исследователей отражали нелегкие поиски оптимальных принципов издания летописей. Но примечательно, что каждая попытка воплощения плана Шлецера неизменно оказывалась в то время неудачной. Сотрудники Румянцева не могли не учитывать этого.

В первые тома будущего многотомного издания летописей по замыслу членов Румянцевского кружка должны были войти в первую очередь Радзивилловская и Ипатьевская летописи. Радзивилловскую готовил к публикации Оленин. О его работе практически ничего не известно: она не была завершена. Сохранились сведения лишь о том, что Оленин не следовал плану, предложенному им вместе с Ермолаевым в 1814 г., а использовал для вариантов другие летописи.

В 1818 г. к подготовке издания Ипатьевской летописи по списку Библиотеки Академии наук приступил Анастасевич. К ее копии он начал подводить все варианты по Хлебниковскому и Ермолаевскому спискам. Современников поражало огромное количество этих вариантов. Свою работу Анастасевич продолжил и после смерти Румянцева. В 1837 г. Круг передал рукопись Анастасевича в Академию наук, где впоследствии ее использовали при издании «Полного собрания русских летописей» [22].

В 1824 г. Румянцев задумал издать найденную Супрасльскую летопись, ранее опубликованную Даниловичем польской графикой. К работе предполагалось привлечь Даниловича, Лелевеля, Бобровского, Григоровича и Лобойко. Выдвигалось несколько проектов этой публикации, но ни один из них не был воплощен в связи со смертью графа.

Важным событием в истории русской исторической науки первой четверти XIX в. стало издание Софийской Новгородской летописи, осуществленное по поручению Румянцева Строевым [23]. Исследователи получили ценный источник по древнерусской, прежде всего новгородской, истории. Самостоятельное значение имели опубликованные здесь же Русская Правда Карамзинской редакции, «Хожение» Афанасия Никитина, ранее известное лишь по выпискам в «Истории» Карамзина, и другие исторические памятники.

Готовя эту публикацию, Строев имел в своем распоряжении четыре неизданные списка летописи (обнаруженный им в библиотеке Воскресенского монастыря, из коллекции графа Ф. А. Толстого и два Московского архива Коллегии иностранных дел). В основу первой части издания был положен список Ф. А. Толстого, в основу второй части — списки Московского архива Коллегии иностранных дел и библиотеки Воскресенского монастыря. Такое соединение разных списков носило оттенок искусственности, поскольку нет оснований полагать, что именно в этом виде мог быть недошедший первоначальный текст. Фактически издавался не отдельный памятник, а куски разновременных списков. «Невразумительные чтения» списков Строев решительно исправлял на основании их сравнения, предлагая свою интерпретацию текста. В стремлении к «очищению» памятника Строев отдавал дань археографическим традициям XVIII в. Их усовершенствование с его стороны заключалось в том, что в примечаниях к основному списку были приведены все разночтения списков, в том числе и тогда, когда в основном издаваемом списке содержались «восстановленные» им чтения. Читатель, таким образом, мог сравнить чтения всех списков и вариант самого Строева. Такой метод издания был вполне обоснован, хотя он и затруднял изучение памятника, а об основном списке давал неверное представление. Целесообразнее было бы давать «восстановленное» чтение вместе с вариантами в подстрочных примечаниях.

В предисловии к публикации Строев четко сформулировал мысль о предпочтении «возможной точности» издания текстов исторических источников — «буквальной», когда сохранялись все ошибки подлинника, вышедшие из употребления буквы и т. д. Не в этом, а в правильном «словоразделении» состоит «истинная точность» научной публикации, отмечал он.

Издание оказалось совершенным по археографическому оформлению. Помимо примечаний по тексту, оно включало факсимильное воспроизведение образцов почерков трех рукописей, восьми филиграней, а также раздельные указатели имен собственных, географических наименований, монастырей и церквей, дополнения и поправки. В составлении указателей, требующих огромного внимания и терпения, Строев в то время был непревзойденным мастером.

Самостоятельное научное значение имело и предисловие Строева, где дано тщательное описание использованных рукописей, изложены правила издания и впервые высказаны новые взгляды на историю русского летописания. Сформулированная здесь им мысль о характере русских летописей как компиляциях, сводах предшествующих памятников разных авторов открывала новые пути изучения летописей на основе выделения в них целых слоев разнородных источников и их самостоятельного использования.

Вместе с Калайдовичем Строеву при подготовке издания Софийской летописи удалось установить византийский источник летописца Нестора — «Временник» Георгия Амартола.

В общем русле строевского подхода к принципам издания летописных памятников осуществлена и публикация Спасским найденного им списка XVIII в. Строгановской летописи [24]. В научный оборот была полностью введена одна из ранних сибирских летописей, сведения которой содержали новые данные о начальном этапе присоединения Сибири к России. Спасский счел возможным «исправить недостаток правописания в подлиннике и другие очевидные писцовые ошибки, переменить знаки препинания, снабдить его некоторыми историческими примечаниями и пояснениями». Критически подойдя к тексту памятника, Спасский тем не менее отказался от указаний на случаи, когда он делал такие исправления.

В этом смысле еще более произвольно с текстом источников поступил Берх при издании на средства Румянцева так называемого Соликамского летописца, фактически составив из летописцев XVIII в., написанных С. и Н. Арефиными и В. Лучниковым, свод «всего любопытного» [25].

С планом издания летописных памятников связана и огромная работа, проведенная в 1814—1815 гг. по поручению Румянцева сотрудниками Комиссии печатания государственных грамот и договоров с целью подготовить публикацию Степенной книги. В основу ее было положено издание памятника, осуществленное еще в XVIII в. Г. Ф. Миллером. Варианты к нему подводились по спискам Московского архива Коллегии иностранных дел, Синодальной библиотеки и библиотеки графа Ф. А. Толстого. По неизвестной причине публикация не увидела света [26].

В русской историографии XVIII — начала XIX в. широкое распространение получили идеи монархической власти как определяющего фактора исторического развития. Эти идеи, разделявшиеся и большинством членов кружка, находили свое отражение в особом интересе к законодательству как связующему элементу «государственного тела», результату деятельности «мудрых государей», предопределявшей историю страны. Законодательные памятники становились одним из важнейших пособий изучения прошлого. К тому же некоторые сотрудники Румянцева были связаны с Комиссией составления законов, участвуя в работе над подготовкой «Систематического свода существующих законов Российской империи с основанием прав, из оных извлеченных», в процессе которой сталкивались и с памятниками древнерусского права.

Уже из изданной Строевым Софийской летописи впервые в полном объеме стала известна карамзинская редакция Русской Правды, а также «Закон судный людям» — памятник славянского права, широко распространенный в Древней Руси. Публикация их, осуществленная в соответствии с правилами, изложенными Строевым в предисловии к «Софийскому временнику», по мнению Н. В. Калачева и С. Н. Валка, не во всех случаях оказалась удачной: наряду с верными правками издателя основного списка есть исправления, основанные на болтинском издании Русской Правды, представлявшем, в свою очередь, компиляцию нескольких списков. Часть их произвольно толковала текст, нарочито архаизировала его и т. д.[27]

Разработка методов издания Русской Правды имела в России длительную историю. Одни мечтали о «сводном», т. е. «очищенном», издании памятника, другие стремились к публикации одного списка с вариантами по другим или вообще без вариантов. Попытку научного издания Русской Правды вне рамок кружка осуществил в начале XIX в. Калайдович. В основном, впервые опубликованном им Синодальном списке Русской Правды он стремился «ничего не прибавлять и не убавлять», а его неисправности «поправлять вне текста с возможною осмотрительностью, помощью вариантов»[28]. Значение этой публикации снизилось из-за того, что варианты Калайдович приводил по изданиям XVIII в. без непосредственного обращения к самим рукописям. Тем самым ученый невольно перенес ошибки предшественников и в свою публикацию.

По поручению Румянцева подготовкой нового издания Русской Правды занялся В. Ф. Вельяминов-Зернов. Замысел Вельяминова-Зернова сводится к тому, чтобы, собрав, «сколько возможно более списков» памятника, положить в основу «самый полный и исправный» и привести варианты к нему по всем остальным спискам. Публикацию предполагалось снабдить переводом Русской Правды на современный русский язык, а также историческими и юридическими комментариями. Эта работа кружка была не завершена. Она остановилась на стадии сбора и копирования списков в хранилищах Москвы, Новгорода и Пскова. Судя по всему, план Вельяминова-Зернова в случае его реализации мог стать важным рубежом в критическом издании древнейшего русского законодательного памятника, хотя он и ограничивался публикацией только Пространной редакции (более поздней по времени своего возникновения в сравнении с Краткой редакцией) Русской Правды: Вельяминов-Зернов, как и его современники (исключая Калайдовича), в известных ему списках Краткой редакции видел все еще результат порчи текста, а не самостоятельную редакцию [29].

Почти одновременно с началом работы Вельяминова-Зернова Калайдович и Строев осуществили публикацию Судебников 1497 и 1550 гг. [30] Первый из них был до этого известен лишь по выпискам из «Путешествия» Сигизмунда Герберштейна, а список второго имел значительные отличия от ранее изданных С. С. Башиловым и Г. Ф. Миллером. В публикацию вошли и дополнительные, ранее неизвестные указы к Судебнику 1550 г. Таким образом, издание Калайдовича и Строева вводило в научный оборот несколько ценнейших древнерусских законодательных памятников.

Публикация заполняла пробел в изучении правовых основ русского феодального государства, открывала возможности установления многих ранее неизвестных сторон жизни русского общества, связанных с имущественными, земельными отношениями, организацией управления, центрального и местного суда. Она представляла в распоряжение исследователей и новый материал относительно процесса оформления крепостного права в России: в Судебнике 1497 г. была, например, специальная статья, закреплявшая право крестьянского выхода только в Юрьев день осенний.

Издатели отказались от каких-либо попыток «восста-

новления» подлинных текстов Судебников. По отношению к Судебнику 1497 г. такой подход был единственно возможным (сохранился лишь один его список), чего нельзя сказать о Судебнике 1550 г., известном Калайдовичу и Строеву во многих списках. Было ли это результатом стремления к единообразию публикации двух памятников или же объяснялось отсутствием времени, необходимого для сравнения списков, сказать трудно. Подчеркивая «возможную точность» издания, Калайдович и Строев ручались, что «не только одно слово или речение, но ниже самая буква не пропущены против подлинников». Сохранялась славянская цифирь (в том числе знак тысячи); буквы, вышедшие из употребления, надстрочные знаки и т. д. Ошибки же оригиналов исправлялись издателями не в тексте, как делал Строев с Софийской летописью, а в примечаниях («Погрешностях подлинного списка»), где указывалось правильное чтение. Калайдович и Строев отказались и от попыток разделения текста Судебника 1497 г. на статьи. Публикация, выделяя киноварные заголовки, имевшиеся в рукописи, не отмечала наличия в тексте инициалов, указывающих, по мнению Л. В. Черепнина, на постатейное деление [31]. Отсутствие даже упоминания о их существовании в предисловии свидетельствует о том, что инициалам Калайдович и Строев не придавали никакого значения. К публикации были приложены факсимильные изображения почерков памятников и филигрань бумаги Судебника 1497 г.

Предисловие к изданию содержало сжатое изложение истории русского законодательства. Здесь Строев и Калайдович в духе дворянской историографии высказали мнение о характере древнерусского права. Касаясь, например, Русской Правды, они отметили сильное влияние на нее скандинавских и германских законов, признавая у славянских племен до Рюрика существование только «некоторых обычаев, преданий предков».

Подобные взгляды уже не могли удовлетворить многих членов кружка, знакомых с работами славянских ученых, в частности польского историка Я. Б. Раковецкого, в это время рассматривавшего ту же Русскую Правду как памятник, возникший на общеславянской основе. Идеи общеславянского единства культуры и истории, горячими пропагандистами которых выступали сотрудники Румянцева, распространялись ими и на древнее политическое устройство славянских государств. Приобретая по-

литический характер в связи с борьбой славян за национальную независимость в начале XIX в., эти идеи в противовес норманнской теории утверждали представление о самостоятельности и высоком уровне политической организации славянских народов в прошлом. Неизвестный сотрудник Румянцева, подготовивший в 1815 г. для издания перевод извлечения из «Хеймскрингла» — свода саг о норвежских королях исландского историка XIII в. С. Снорра (Стурлусона), не случайно в предисловии подчеркивал существование не только скандинавских сеймов, но и древнерусских вечевых собраний, которые, по его мнению, издревле, вплоть до царствования Ивана Грозного, ограничивали «самодержавную власть» [32].

Именно эти мотивы побудили сотрудников Румянцева приступить к переводу труда Раковецкого. К этой работе поочередно привлекались В. Г. Анастасевич, И. И. Григорович, а также Е. Болховитинов. Перевод не был завершен: Румянцев вскоре получил отрицательный отзыв В. Ф. Вельяминова-Зернова о недостатках «синкретического свода» (смешения разных списков) изданного Раковецким текста Русской Правды. Возможно, что членов кружка не могли удовлетворить и лингвистические рассуждения Раковецкого в духе этимологических построений Шишкова.

Кружок готовил и публикацию кодексов феодального права Великого княжества Литовского — Литовские статуты 1529, 1566, 1588 гг. Их издание, порученное Даниловичу, предполагалось осуществить на языках оригиналов выбранных основных списков с параллельным переводом на русский язык и с обширными историческими примечаниями. К 1823 г. Данилович имел сведения о пяти списках первого, двадцати двух — второго и одном — третьего Литовских статутов. С помощью максимального сбора списков он надеялся «собрать занимательнейшие разности», т. е. варианты, и «восстановить» первоначальные тексты [33]. Однако работа, требовавшая огромного труда и немалых средств хотя бы только на копирование списков, не была завершена. Дело ограничилось копированием одного из списков Статутов в Публичной библиотеке и переговорами с бароном Г. А. Розенкампфом о получении списков, имевшихся у него.

В 1817 г. Анастасевич обнаружил в Новгородской Софийской библиотеке славяно-русский список первого дошедшего до нас памятника законодательства Великого

княжества Литовского, действовавшего до издания первого Литовского статута — Судебник Казимира 1468 г., и предложил Румянцеву издать его. Спустя год в собрание кружка поступил еще один славяно-русский список этого памятника. Подготовка публикации на языке оригинала и в переводе на латинский была поручена Даниловичу.

В Новгородской Софийской библиотеке была подготовлена копия Судебника, которую после просмотра Болховитиновым и Востоковым сверили и поправили с подлинником и затем переписали набело. Данилович еще раз переписал ее латинскими буквами и передал Лобойко, к которому, в свою очередь, Григорович переслал копию Судебника по рукописи собрания кружка.

Таким образом, работа над изданием перешла к Лобойко, в результате чего изменился и ее первоначальный план. Публикация, осуществленная уже после смерти Румянцева Л. Рогальским, содержала русский текст списка Новгородской Софийской библиотеки и его польский перевод. Варианты приведены по копии Григоровича с рукописи собрания Румянцева [34]. Текст памятника был издан впервые, но оказался искаженным в результате как его многократных переписок, так и вследствие того, что Рогальский произвольно и без оговорок исправлял основной список (Новгородской Софийской библиотеки) по копии собрания Румянцева [35].

К началу XIX в. в России было опубликовано всего несколько древнерусских путешествий (митрополита Пимена, С. Толбузина, Трифона Коробейникова и других). Путешествия древних россиян, богатые историческими свидетельствами о посещенных ими странах, в глазах сотрудников Румянцева являлись важным историческим доказательством приоритета России в ряде географических открытий, свидетельством ее давних дипломатических и культурных связей с другими странами. Их издание, задуманное членами кружка, должно было состоять из двух-трех частей. Разработка его плана была поручена Малиновскому, а непосредственное осуществление возлагалось на Строева.

Малиновский предложил включить в будущую публикацию 36 путешествий (в процессе подготовки их число увеличилось по крайней мере до 40), в том числе и «дипломатические статьи» — отрывки из посольских книг Московского архива Коллегии иностранных дел. Каждое та-

кое путешествие должно было сопровождаться «кратким известием о цели онаго, о времени и лицах путешественников», а первая часть содержать еще и «характеристическое обозрение всех сих путешествий с означением духа тех времен, сделанных наблюдений, достоверности и пользы оных тогда и ныне» [36].

О научном уровне предполагавшегося издания свидетельствует то, что члены кружка намеревались выявить максимальное количество списков каждого памятника для использования их в качестве вариантов. Так, путешествие Даниила Паломника, первый дошедший до нас памятник русского паломничества XII в., намечалось опубликовать по трем спискам с использованием еще и сводного списка, подготовленного Болховитиновым; путешествие митрополита Пимена — опубликовать с привлечением ранее изданного списка, «Хождение» митрополита Исидора па Флорентийский собор 1437 г.— по двум спискам, «Повесть» Симеона Суздальского 1437 г.— по трем, «Хожение» Афанасия Никитина — по двум и т. д. К сожалению, подготовка широко задуманного издания в связи с уходом из Комиссии печатания государственных грамот и договоров Строева ограничилась сбором и копированием списков памятников.

Нетрудно заметить, что сотрудники Румянцева первоочередное внимание обращали на издание традиционно использовавшихся с XVIII в. в исторических исследованиях письменных источников. Для источниковедения того времени было вообще характерно решительное предпочтение источников официального происхождения, имевших в древности определенное юридическое значение и касающихся «дела государственного» (акты, законы, материалы посольств и т. д.), перед другими видами письменных документов. Исключение составляли летописи. Но и в них видели труды беспристрастных монахов, искаженных лишь позднейшими переписчиками. Вспомним пушкинского Пимена, который, «добру и злу внимая равнодушно», описывал современные ему происшествия. В таких источниках исследователи видели определенную гарантию достоверности извлекавшихся из них исторических фактов, располагавшихся затем по заранее составленной схеме. Комплекс литературных, публицистических, фольклорных памятников в лучшем случае привлекал внимание своими художественными, стилистическими особенностями, выразительностью языка или древностью.

Однако уже издание в 1800 г. «Слова о полку Игореве», осуществленное Мусиным-Пушкиным и другими учеными, представило в распоряжение исследователей памятник, в котором исторические события были изложены в высокохудожественной поэтической форме. Традиционный круг исторических источников оказался разорванным — отныне каждый исследователь, писавший о древнерусской истории, не мог пройти мимо «Слова о полку Игореве». На литературные, публицистические памятники в начале XIX в. обратил пристальное внимание уже Карамзин. В своей «Истории», например, при описании событий конца XVI — начала XVII в. он широко использовал древнерусские повести и сказания, пытаясь выделить в них реальные исторические факты и охотно цитируя из них наиболее яркие места.

В одном ряду с изданием «Слова о полку Игореве» можно поставить и публикацию Сборника Кирши Данилова, осуществленную в 1804 г. Якубовичем. Памятник, представлявший замечательное соединение былинных, балладных сюжетов, созданный безвестным деятелем народной культуры XVIII в., вызвал широкий отклик среди современников, попытавшихся осмыслить его историко-культурное значение.

После того как рукопись Сборника Кирши Данилова оказалась в распоряжении членов Румянцевского кружка и стало ясно, что первое издание далеко не полно, с ошибками и поправками передало текст памятника, Калайдович по поручению Румянцева начал подготовку его новой публикации. Вышедшая в свет в 1818 г.[37], она значительно расширила по сравнению с изданием Якубовича число записей, входивших в Сборник Кирши Данилова. Вместо 26 стихотворений, опубликованных Якубовичем, Калайдович включил в издание 61, точно передал их расположение в рукописи, а также впервые воспроизвел ноты. По «соображениям общественной благопристойности» и из-за цензурных препятствий было исключено 9 стихотворений, названия которых приведены в предисловии. Опущенные места обозначены отточиями с оговорками в примечаниях. Таким образом, кружок опубликовал почти полностью ценнейший памятник русского былевого эпоса, в результате чего впервые стали известны фольклорные сюжеты о Садко, Щелкане, о взятии Казани и другие. На долгие годы издание превратилось в первоисточник из-за последовавшей вскоре утери самой рукописи Сбор-

ника Кирши Данилова, вновь найденной лишь в конце XIX в.

В истории русской фольклористики труд Калайдовича стал первой публикацией, выполненной на научной основе. Излагая правила издания, он писал, что «некоторые погрешности в языке, свойственные времени, к коему стихотворения принадлежат, остались неприкосновенными; в другом случае, при явных ошибках писца, осмелились мы сделать небольшие поправки». Заново, и более правильно, чем Якубович, прочитав тексты памятника, Калайдович сохранил и ряд особенностей их орфографии. Вместе с тем «поправки» издателя коснулись и звуковых, диалектических черт, особенностей народного говора и в общем отразили стремление Калайдовича (а возможно, и Малиновского как редактора) приблизить чтение Сборника Кирши Данилова к современному языку. Они коснулись даже правописания собственных имен, хотя в предисловии Калайдович заверял в их точной передаче. С точки зрения исторического подхода к памятнику такие исправления вполне допустимы. Однако они требовали умения и осторожности, не говоря уже о том, что и в этом случае необходимо было приведение исправляемых мест хотя бы в примечаниях.

Предисловие Калайдовича оказалось крупным событием в изучении русского фольклора. Он выступил здесь прежде всего как историк. По его мнению, Сборник Кирши Данилова представляет собой не сочинение одного автора, а лишь запись и переделку древних народных песен. Отсюда и поиски исследователем в этих переделанных песнях реальных фактов прошлого Киева, Новгорода, Сибири, а в героях — прототипов реальных исторических лиц. Сравнение Сборника Кирши Данилова с летописями, актами и другими древними источниками позволило Калайдовичу говорить о сложном соединении в памятнике поэтического вымысла и исторической действительности и поставить задачу их разграничения.

Из предисловия Калайдовича впервые стали известны сведения о происхождении Сборника Кирши Данилова и его собирателе, роль которого в создании памятника в интерпретации Калайдовича разделяется и современными исследователями.

Как патриотический подвиг рассматривали современники издание неизвестных до этого древнерусских литературно-публицистических сочинений (Кирилла Туров-

ского, Даниила Заточника, митрополита Никифора, Кирика Новгородца), осуществленное все тем же Калайдовичем. Публикация была названа «Памятники российской словесности XII в.» [38]. Этим изданием в научный оборот вводились новые источники, которые открывали широкие возможности изучения истории, культуры и быта Киевской Руси. Кирилл Туровский, Даниил Заточник и другие писатели XII в. с этого времени заняли прочное место в ряду со своим выдающимся современником Нестором. Легенда гласит, что «Памятники российской словесности» были в руках умирающего Пушкина.

При подготовке этой публикации была проведена большая археографическая работа. Особенно тщательно ученый издал сочинения Кирилла Туровского. Они находились в нескольких рукописных сборниках разной древности и в ряде старопечатных книг. В основу их публикации Калайдович положил древнейшие списки, приводя варианты по всем остальным или печатным изданиям (в том случае, если последние содержали новые чтения). Девять произведений древнерусского писателя опубликованы по рукописи XIII в. из библиотеки графа Толстого с вариантами по рукописям XIV в. Волоколамского монастыря и старопечатным изданиям 1595 и 1606 гг.; одно — по древнему списку Кормчей книги XIII в. Синодальной библиотеки с вариантами по рукописям XVI в. библиотеки графа Толстого. Отсутствовавшие в двух древнейших списках (Толстовском и Синодальном) сочинения Кирилла Туровского издавались по более поздним спискам XVI в. библиотек Толстого и Румянцева. Аналогичным образом поступил Калайдович, при публикации произведений других писателей XII в.: в основу их издания были положены древнейшие списки, а варианты приводились по всем остальным, более поздним.

Таким образом, в распоряжении ученого оказалось несколько памятников в очень древних списках — XIII в. Можно было бы ожидать, что Калайдович при их публикации поступит так, как предлагал в свое время напечатать Синодальный список Новгородской первой летописи, т. е. максимально точно передавая текст. Но исходя из характера памятников и рассчитывая на широкий круг читателей, Калайдович сформулировал новые принципы воспроизведения текстов исторических источников. По его мнению, публикация подобного рода материалов «с сохранением разнообразного и неутвержденного правописания

служит только палеографическим приметам, затмевающим достоинство и красоту чтения». Поэтому для большей доступности в чтении произведения древнерусских писателей изданы обычным шрифтом, с раскрытием титл, расстановкой знаков препинания. Сохранялись без изменения, как и в большинстве других изданий кружка, лишь славянская буквенная цифирь и написания имен собственных.

В предисловиях, сопровождавших публикацию памятников, Калайдович на основе тщательного анализа определял время их создания и авторов. Особенно много внимания он уделил характеристике сочинений Кирилла Туровского. В их авторе ученый увидел не одного из столпов русской церкви, а интересную самобытную личность, творчество которой с высоким художественным мастерством («красотой слова») отразило русскую жизнь XII в.

Оценка Кирилла Туровского как крупного древнерусского писателя и мыслителя вызвала полемику Калайдовича с М. Т. Каченовским, его постоянным и авторитетным оппонентом и бывшим учителем по Московскому университету. Этот яркий и оригинальный в историографии первых десятилетий XIX в. ученый попытался перенести достижения западноевропейской исторической критики (сначала А. Л. Шлецера и затем Б. Г. Нибура) на древнерусские источники. Исходя из признания существования «баснословного периода» в истории каждого народа, когда отсутствовала письменная фиксация происходивших событий, Каченовский вслед за Нибуром утверждал, что об этих событиях исследователи получают представление лишь из устных преданий, зафиксированных в позднейших памятниках письменности. Естественно поэтому, на его взгляд, такие источники не заслуживают доверия, повествуя о более раннем времени. К их числу он относил Русскую Правду, летописи.

В период деятельности кружка эти взгляды только оформлялись и в рецензии на изданные Калайдовичем памятники XII в. они впервые были изложены Каченовским в еще далеком от завершения виде. Члены кружка, и прежде всего сам Румянцев, относились с большим уважением к Каченовскому, хотя уже после его дискуссии с Калайдовичем о творчестве Кирилла Туровского стало особенно ясно, насколько далеко расходились их взгляды на древний период русской, а позднее и вообще славянской истории. Вся деятельность кружка опровергала

скептические построения Каченовского. И в то же время для некоторых его членов, а Калайдовича в особенности, они явились одним из стимулов научных разысканий.

Парадоксальные для современников суждения Каченовского содержали и рациональные моменты. Они разрушали традиционные представления, заставляли взглянуть на любой памятник древности строгим взглядом критика, а не потребителя любых (достоверных и недостоверных) известий; справедливо требовали сравнения этих известий со временем, к которому они относились. Верные в сущности теоретические посылки Каченовский в большинстве случаев слишком прямолинейно переносил на древнерусские источники. Именно так произошло и в его споре с Калайдовичем о творчестве Кирилла Туровского, а спустя несколько лет — о литературном наследии Иоанна экзарха Болгарского.

В Кирилле Туровском Каченовский увидел лишь переводчика и даже простого переписчика сочинений древних византийских мастеров красноречия, ссылаясь на то, что, по его мнению, в XII в. на Руси не существовало того уровня духовного развития, который обычно предопределяет появление подобных писателей [39]. Аргументация Калайдовича в ответе на рецензию Каченовского, основанная на конкретных исторических фактах истории Руси XII в. и знании разнообразного рукописного материала, прозвучала солиднее и убедительнее и его защита Кирилла Туровского сыграла свою роль в позднейшем признании этого древнерусского писателя [40].

Для сотрудников Румянцева дискуссия с Каченовским имела принципиальное значение. Указывая на самостоятельность и высокие художественные достоинства творчества Кирилла Туровского, Калайдович отстаивал одного из замечательных современников летописца Нестора и автора «Слова о полку Игореве». В последнем случае как бы подтверждалась и подлинность поэмы. На это же была направлена и новая, третья по счету после изданий Мусина-Пушкина и Шишкова, публикация «Слова о полку Игореве». Она была осуществлена по поручению Румянцева Я. О. Пожарским [41]. При ее подготовке Пожарский ставил перед собой задачу сравнения языка поэмы с языком изданной В. В. Ганкой Краледворской рукописи. «Древние» чешские песни, входившие в нее, чрезвычайно заинтересовали сотрудников Румянцева сходством своего языка с языком «Слова о полку Игореве». Только

много позже выяснилось, что эти песни представляют собой искусный подлог начала XIX в.

В публикации нового переложения «Слова о полку Игореве» Пожарский развил выводы, высказанные ранее Калайдовичем о наличии в языке поэмы западнорусских, польских, чешских и сербских элементов. Пожарский предложил новые толкования 56 слов и выражений поэмы, которые в ряде случаев оказались удачнее, нежели в двух предшествующих переложениях Мусина-Пушкина и Шишкова. О переложении Шишкова, отождествлявшего язык «Слова» с языком церковных книг, Пожарский высказал критические замечания.

Современники с интересом следили за реакцией Шишкова на это издание. «Я гадаю,— писал Болховитинов Анастасевичу,— что генерал словесности высечет линьками сего мичмана, часто повирающего по руководству богемских книг, сообщенных ему от канцлера»[42]. Несмотря на столь строгий суд маститого ученого, книга Пожарского сыграла положительную роль в борьбе с архаистами, показав важность сопоставления языка поэмы со славянскими языками.

Члены Румянцевского кружка хорошо понимали значение открытия Изборника Святослава 1073 г.— своеобразной «первой русской энциклопедии», включавшей статьи по математике, астрономии, грамматике, истории, богословию и отразившей развитие славянской и древнерусской письменности. «Порадовать любителей древности» изданием этого памятника должен был по замыслу Румянцева Калайдович.

В августе 1818 г. Изборник 1073 г. после хлопот Румянцева был передан в Московский архив Коллегии иностранных дел, где художник Ратшин приступил к его копированию. Работа Ратшина продолжалась в течение года. Одновременно Калайдович собирал материал для комментирования памятника. Ему удалось установить, что еще в XVII в. Изборник 1073 г. использовали старообрядцы, авторы знаменитых «Поморских ответов» на подложное «Деяние соборное на еретика Мартина арменина на мниха». В декабре 1819 г. с московским типографщиком Селивановским была достигнута договоренность об издании книги в его типографии. Однако дальнейшая работа по не совсем ясным причинам прекратилась. В 1824 г. Румянцев связывал ее продолжение с Востоковым, но и тому не удалось подготовить публикацию.

Впервые Изборник 1073 г. был издан фотолитографическим способом лишь в 1880 г.

О том, как мыслилась публикация одной из самых древних славянских рукописей, можно получить представление по копии, изготовленной Ратшиным. При издании этого памятника члены кружка исходили из филологических и палеографических интересов. В точном соответствии с оригиналом должен был воспроизводиться не только текст, но и начертания букв, надстрочные и другие знаки, имевшиеся в рукописи, выносные буквы, их цвет (исключая номера глав, которые в подлиннике написаны золотом, а в копии воспроизведены тушью). С максимальной точностью воспроизведены и рисунки памятника. Угасший текст обозначался отточиями. Фактически намечалось факсимильное, или, как называли археографы начала XIX в., «дипломатическое», издание памятника, единственным отходом от принципов которого явилось лишь разделение текста Изборника 1073 г. на слова [43].

Частичным воплощением такого метода издания стала работа, осуществленная Кеппеном. Еще во время путешествия по европейским странам в 1821—1824 гг. он задумал издание славянских памятников, обнаруженных им в тамошних архивах. Первую часть публикации должны были составить славянские источники хранилищ Германии, вторую — Польши, Венгрии, Славонии, третью — Италии, Голландии, Англии, Дании и Швеции.

Вышла только первая часть этого издания [44]. Она содержала отрывки из Остромирова Евангелия и знаменитые отрывки так называемой Фрейзингенской рукописи — древнейшие дошедшие до нас памятники славянской письменности, написанные латинскими буквами. Последние до этого безуспешно пытался опубликовать В. Копитар. При издании 12 отрывков Остромирова Евангелия для передачи их лингвистических и палеографических особенностей членами кружка впервые вместо включения в церковно-славянский и гражданский шрифты вышедших из употребления букв использовался новый прием: тексты набирались специально изготовленным шрифтом, буквы которого по формам были близки к буквам подлинника. В результате набора, а не гравировки текста (как делалось часто в это время в России) удалось приблизиться к факсимильной передаче текста древнего памятника. Это предоставило в распоряжение исследова-

телей важный лингвистический и палеографический материал.

Фрейзингенские отрывки даны в книге в русской и старославянской транскрипции. В истории славянской филологии выдающееся значение имели и объяснения Фрейзингенских отрывков, вошедших в публикацию Кеппена. Их по просьбе Румянцева дал Востоков. Ученый рассмотрел грамматический строй памятников, палеографические и орфографические особенности, определил время написания (X в.) и близость их языка к чешскому. Тем самым Востоков существенно поколебал те представления о происхождении славянского языка, которые выделяли в нем германские элементы.

Вершиной археографического мастерства членов Румянцевского кружка оказалась публикация древнейших письменных памятников славянской литературы, сохранившихся в древнерусской книжной традиции. Они были помещены Калайдовичем в качестве приложения к его выдающемуся исследованию о жизни и творчестве болгарского писателя IX—X вв. Иоанна экзарха. Это издание стало первой публикацией источников литературы и языка целой исторической эпохи, открыв широкие возможности для ее изучения. Среди 15 впервые опубликованных Калайдовичем памятников оказались переводы Иоанна экзарха Болгарского на славянский язык греческих литургических книг, отрывки из славянской версии сказаний о Троянской войне — «Повести о разорении Трои», список запрещенных в России XVII в. книг — «О книгах истинных и ложных», сочинение монаха Храбра, повествующее о составлении славянского алфавита (последнее было известно до этого), и другие[45].

Рассматривая все эти материалы как «богатый запас для филологов», Калайдович отмечал, что он «никогда не решился бы сохранить такой точности или, что все равно, гравировать подвижными литерами (тексты.— *В. К.*), если бы предмет самого сочинения того не требовал»[46]. Именно здесь Калайдович впервые в истории русской археографии четко сформулировал мысль о необходимости применения различных принципов передачи текстов славянских и русских письменных памятников в зависимости от древности их списков. Источники, имевшиеся в его распоряжении в списках по XV в. включительно, он издал с сохранением не только правописания, но и титл, надстрочных и других знаков, а также букв, вышедших

из употребления. Памятники в списках после XV в. публиковались уже более упрощенно: раскрывались сокращения, исправлялись писцовые ошибки и т. д.

Таким образом, Калайдовичу, как и Кеппену, удалось, хотя и в менее последовательной форме, создать своей публикацией источниковую базу не только для исторических, но и для лингвистических и палеографических изысканий. Этому же служили и факсимильные изображения образцов почерков различных рукописей, помещенные в качестве приложения к исследованию. Книга Калайдовича широко использовалась учеными позднейшего времени.

Калайдович в своем исследовании рассмотрел начало славянской письменности и деятельность Кирилла и Мефодия. Исходя из признания народной основы письменного языка славянских народов — церковно-славянского языка, он связывал его происхождение с языком моравов, хотя тогда же Каченовский обосновывал древнесербское, а Востоков — древнеболгарское происхождение церковно-славянского языка. Собрав все известные в то время факты о возникновении славянской письменности, Калайдович на их основе доказывал процесс перехода славянской культуры из Моравии в Болгарию, где преемником «всего доброго, учиненного Мефодием», стал современник болгарского царя — книголюба Симеона писатель и ученый Иоанн экзарх.

Разбирая основные труды Иоанна экзарха, Калайдович охарактеризовал его как одного из замечательных славянских ученых древности, видного преобразователя славянского языка в язык литературный. Русская письменность, в которой сохранились труды Иоанна экзарха, по мнению Калайдовича, восприняла лучшие традиции древнейшей славянской культуры.

Соединив в себе исторические, лингвистические, палеографические сюжеты и одновременно описание и издание десятков русско-славянских памятников письменности, книга Калайдовича стала выдающимся явлением. У нее и в научном плане счастливая судьба. Г. С. Виноградов, подробно проследивший историографию вопросов, поставленных и решенных в этой работе Калайдовичем, отметил, что в литературе с тех пор речь идет «обычно не об антитезисах, которые бы выставлялись последующими исследователями прежних вопросов, а лишь о дополнении к исследованию автора (Калайдовича.— *В. К.*) и о продолжении» [47].

Работу Калайдовича об Иоанне экзархе Болгарском удачно дополнил вышедший в 1825 г. русский перевод книги И. Добровского о Кирилле и Мефодии, осуществленный в Румянцевском кружке Погодиным [48]. К исследованию чешского ученого были присоединены публикации сводных житий Кирилла и Мефодия по спискам Публичной библиотеки и собрания Румянцева и отрывки о Кирилле из рукописного хронографа. Перевод книги Добровского сопровождался критическими замечаниями Погодина, Кеппена и Востокова на целый ряд выводов чешского ученого. Здесь же были помещены выписки из Остромирова Евангелия, оказавшиеся наиболее точными из всех известных до этого публикаций отрывков памятника.

К этим двум работам примыкало и задуманное членами кружка издание славянского перевода греческой поэмы Константина Манассия, содержавшей сведения о болгарах и интересной как источник по истории славянского языка. Публикацию поэмы намечалось осуществить с максимальным приближением к оригиналу. По предложению Востокова копирование памятника Штрандманом в Ватиканской библиотеке должно было производиться полностью без каких-либо исправлений «ни в одной букве», ибо «места нелюбопытные (по-видимому) для историка, могут быть весьма любопытны и поучительны для грамматика и для антиквария». Как вскоре выяснилось, копия Штрандмана не удовлетворяла этим требованиям [49].

Очевидно, таким же способом члены кружка намеревались осуществить и издание произведения древнесербской литературы XIV в.— Родослова архиепископа Данила, повествующего о деяниях сербских королей и церковных деятелей, подготовка которого связывалась с именем сербского ученого В. С. Караджича [50].

К началу XIX в. было всего несколько отечественных публикаций иностранных известий о России. Наиболее популярными среди них являлись выписки И. Г. Стриттера из византийских историков и «Историческое описание иностранных источников, в которых находятся сведения о России» И. Ф. Булле. Подобные издания представляли собой извлечения или пересказы иностранных материалов, часто публиковавшиеся к тому же без перевода на русский язык.

План издания корпуса иностранных известий о Рос-

сии Румянцев разрабатывал вместе с Кругом, Френом и Аделунгом. Он должен был включать не случайную выборку извлечений из иностранных документов, а многотомное издание памятников, состоящее из нескольких серий под общим названием «Российская дипломатика. Иностранные источники».

Одна из серий намечалась под названием «Кодекс дипломатический ливонский» (по другим данным название иное: «Российская дипломатика. Польский и литовский источники»). В 1814 г. неизвестное доверенное лицо от имени Румянцева вело переговоры с бароном Унгерн-Штернбергом об издании собранных им документов по истории Прибалтики (в том числе из Кенигсбергского архива). Такая публикация материалов на языках оригиналов по предварительным расчетам могла составить 8—9 томов. При тираже в 500 экземпляров требовалось около 60 тысяч рублей (включая факсимильное воспроизведение частей текстов наиболее интересных документов, но без гравировки печатей). Окончательной договоренности достигнуто не было. Унгерн-Штернберг потребовал украсить титульный лист издания «изображениями рыцарства лифляндского, эстляндского и курляндского», а также русского и прусского монархов. К тому же одновременно с переговорами с Румянцевым Унгерн-Штернберг через министра внутренних дел Козодавлева настойчиво добивался выделения денег на издание также и от русского правительства [51]. Вряд ли это могло устраивать Румянцева, мечтавшего о своем гербе на будущей публикации.

По новому плану, задуманному после этого, кружок намеревался издать материалы Кенигсбергского архива, копии которых частично поступили в Московский архив Коллегии иностранных дел в 1815 г., а также документы Литовской Метрики и рукописную часть сочинения М. Догеля. Однако подготовка и этой серии ограничилась частичным копированием соответствующих материалов.

Другая серия должна была включать публикацию сочинений иностранцев — военных, дипломатов, представителей науки, церкви, купцов, авантюристов, побывавших в России и оставивших дневники, мемуары, хроники, дипломатические донесения с ценными сведениями по географии, этнографии и истории страны.

По просьбе Румянцева Аделунг составил проект издания 57 таких сочинений XV—XVII вв. В 1818 г. на сред-

ства графа он переиздал на немецком языке «Записки о Московии» немецкого дипломата и путешественника XVI в. Сигизмунда Герберштейна [52]. По обилию и точности географических, исторических и бытовых описаний «Записки» занимают одно из первых мест среди сочинений о России иностранных авторов. Работа Аделунга фактически вышла за рамки простого переиздания «Записок», оказавшись ценным сводом фактического материала об их авторе и библиографии изданий его «Записок». Правда, она была опубликована на немецком языке, что затрудняло ее использование, но уже вскоре в Москве по распоряжению Румянцева Ф. Фовицкий осуществил русский перевод «Записок» с их базельского издания 1571 г. Очевидно, из-за цензурных препятствий перевод остался в рукописи [53].

После открытия в Дрезденской королевской библиотеке рисунков, созданных во время посольства А. Мейерберга в Россию в 1663 г., Румянцев поручил все тому же Аделунгу издать их «посредством литографии вместе с нужным к ним для пояснения описанием». В результате разысканий в Венском императорском тайном архиве кружок получил копии дипломатических донесений Мейерберга. К началу 1820 г. все эти материалы поступили в Московский архив Коллегии иностранных дел, сотрудники которого приступили к их переводу на русский язык. Работа шла медленно, а перевод в конце концов оказался неточным. Тогда новый перевод был поручен Кругу. К нему же направили и копии всех документов, касающихся посольства Мейерберга, которые выявили в архиве.

Но и Круг при жизни Румянцева не успел закончить подготовку публикации. Лишь в 1827 г. Аделунг использовал все собранные материалы в качестве комментариев к изданию 128 рисунков, сделанных во время посольства Мейерберга и относящихся к Курляндии, Лифляндии и России [54]. Из этой публикации, осуществленной на средства Румянцева, выделенные им ранее, впервые стали известны целая портретная галерея царя Алексея Михайловича и его приближенных, виды Москвы, Пскова, Новгорода и других русских городов, одежды придворных чинов, духовенства, купечества XVII в. На основании критического сравнения донесений Мейерберга и русских дипломатических документов Аделунгу удалось нарисовать красочную картину пребывания Мейерберга в Рос-

сии, впервые дать подробные сведения о самом австрийском дипломате, цели его посольства и ходе переговоров в Москве.

Самостоятельную ценность в этой книге представляла и первая публикация части «Путешествия» Э. Кэмпфера, побывавшего в Москве проездом в Персию спустя несколько десятилетий после Мейерберга.

Подготовка кружком изданий сочинений других иностранцев, писавших о России, не была доведена до конца. Работа над ними ограничилась копированием этих источников в зарубежных хранилищах и частичным переводом их на русский язык. Из всех их наиболее близка к публикации была «Московская хроника» Конрада Буссова, одно из наиболее интересных повествований о России конца XVI — начала XVII в., в том числе о событиях так называемого «Смутного времени» (восстании И. Болотникова и польско-шведской интервенции).

К 1821 г. сотрудники Румянцева уже имели в своем распоряжении копию «Хроники», представлявшую ее Беровскую редакцию (Вольфенбюттельский I список). Вместе с русским переводом Румянцев прислал ее Малиновскому «для сличения и поверки» с документами Московского архива Коллегии иностранных дел и последующего издания. Предполагавшаяся публикация встретила, однако, цензурные препятствия. В 1822 г. о существовании списка сочинения Конрада Буссова узнал Карамзин, к которому Малиновский переслал этот список, положившись на заверение Карамзина «не огласить, что знаю и видел эту летопись, пока граф Николай Петрович сам не даст ее мне». Вскоре и сам Румянцев передал ее русский перевод историографу, широко использовавшему этот источник в своей «Истории» [55].

Записки других иностранных авторов, посвященные историческому и географическому описанию России, копии которых были получены членами Румянцевского кружка, впоследствии легли в основу известного труда Аделунга, представлявшего собой первый сводный обзор и характеристику сочинений иностранных путешественников и дипломатов о России с библиографией их изданий [56].

Еще одну серию задумали друзья Румянцева в виде издания свода древнейших византийских и восточных источников по истории славян и народов, вошедших в состав Российской империи. Они надеялись ввести в науч-

ный оборот новые данные, связанные с проблемой происхождения Древнерусского государства. Согласно идеалистической методологии исторического процесса, господствовавшей в XVIII—XIX вв., возникновение Древнерусского государства связывалось с воздействием внешней силы; именно в этом контексте говорилось о народе «руси», завоевавшем славянские племена, принесшем им цивилизацию, государственное устройство и давшем свое название покоренной стране. Поиски этнической принадлежности «руссов», их места обитания до «завоевания» славян занимали умы ученых еще в XVIII в. Тогда же в работах Г. З. Байера, Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлецера была выдвинута ошибочная гипотеза о норманнском (скандинавском или финском) происхождении «руси» (варягов), а в работах М. В. Ломоносова — о «руси» — славянах Восточной Пруссии. Проблема приобретала особый характер. Ученые, настроенные патриотически, боролись с теми, кто отстаивал основы норманнской концепции происхождения Древнерусского государства.

Уже в XVIII в. система доказательств норманистов и антинорманистов встала на почву источниковедческого осмысления неясных и противоречивых данных различных источников. Эту же задачу поставили перед собой и члены кружка, стремясь не столько к позитивному решению проблемы происхождения Древнерусского государства, сколько к тому, чтобы очертить пути ее решения. Поэтому столь неоднозначными оказались точки зрения разных членов кружка в этом вопросе, поэтому и сам Румянцев, вполне определенно высказываясь за норманнскую теорию, внимательно прислушивался и к ее противникам.

Румянцеву была известна гипотеза Г. Эверса о черноморском происхождении «руси». Некоторые исследователи полагают даже, что учебник Г. Эверса «История России», в котором эта гипотеза еще раз повторялась [57], был издан на средства Румянцева. Как бы то ни было, но кружок развернул научные разыскания первоначально именно в этом направлении. Григорович, например, по заданию Румянцева попытался выяснить местоположение города Сурож (Судак). Замысел был достаточно определенным: в житии Стефана Сурожского сообщалось о доваряжском походе новгородского князя Бравина от Корсуня до Керчи и захвате Сурожа. Но уже в 1819 г. членами кружка был опубликован труд Голлмана «Руст-

рингия», где «руссы» связываются с жителями фризской области Рустринген, т. е. доказывается одна из разновидностей норманнской теории происхождения «руси» [58]. Более того, из предисловия к этой книге и из переписки Румянцева с Болховитиновым недвусмысленно следует, что Голлман развивал в своей книге гипотезу Румянцева. Однако спустя несколько лет Погодин издал на средства Румянцева перевод книги И. Е. Неймана, из которой стали известны новые обоснования гипотезы Эверса (книга была снабжена критическими примечаниями Погодина, написанными с позиции теории норманизма) [59–60]. В этой кажущейся непоследовательности есть все основания видеть стремление членов кружка к объективному решению проблемы, что отразилось и в их намерении издать как можно больший круг древнейших византийских, восточных и западноевропейских источников, в той или иной степени связанных с вопросами истории Древнерусского государства.

В первый том этой серии вошло полностью сочинение византийского историка X в. Льва Диакона, включавшее ценные известия по древнеславянской истории (в частности, повествование о войне Иоанна Цимисхия со Святославом, где дан красочный портрет русского князя). Книга была опубликована в 1819 г. византологом К. Б. Гаазе. В нее включены и другие интересные отрывки из рукописей Парижской королевской библиотеки [61]. Среди них — запись греческого градоначальника (топарха) в Тавриде об осаде города неизвестным варварским народом, в котором Гаазе видел представителей «руси». Тем самым вводились в научный оборот новые факты к гипотезе о черноморском происхождении «руси».

Тексты памятников, рассматривавшиеся издателем как подготовительный материал «для критических изысканий», изданы на языке оригиналов с максимальной точностью, но без каких-либо комментариев. Спустя год под «надзором» Круга сотрудниками Румянцева был опубликован «излишне вольный», по отзыву академика А. Куника, русский перевод этой книги [62].

Румянцев согласился финансировать работу Гаазе по подготовке и других изданий: хронографа византийского историка Михаила Пселла со сведениями по внутренней истории Византии, сочинений византийского ученого XIII—XIV вв. Никифора Грегоры, греческой хроники первой половины XIV в., известной под названием Ле-

топись Мореи. Все они должны были составить дополнительные тома к луврскому изданию византийцев. В качестве единственного условия выделения денежных средств граф предложил в первую очередь опубликовать хронику византийского историка IX в. Георгия Амартола, охватывающую всемирную историю от сотворения мира до IX в. н. э., которая, как установили Калайдович и Строев, являлась одним из источников Летописи Нестора.

Почти одновременно с Гаазе во Франции разрабатывал план многотомного издания восточных источников, содержавших сведения о славянах, хазарах и других народах, другой византолог — Вивиен де Сен-Мартен. В 1820 г. такой план был им представлен Румянцеву. После его одобрения Кругом граф выслал Сен-Мартену необходимую сумму денег. После смерти Сен-Мартена, эти средства поступили в распоряжение Гаазе [63].

В России работой над аналогичной публикацией по поручению Румянцева занялся Френ. Издание было задумано в виде извлечений соответствующих сведений из рукописей, поступивших из Египта в Азиатский музей, по образцу известных выписок И. Г. Стриттера. В 1823 г. по одной из этих рукописей Френ подготовил публикацию сведений о волжских булгарах путешественника X в. Ибн Фадлана, содержавшихся в сочинении ученого конца XII — начала XIII в. Йакута. Труд Фадлана, отличающийся богатством фактического материала, содержит, в частности, яркий эпизод описания похорон русса, послужившее спустя несколько десятилетий основой для картины Г. И. Семирадского «Похороны русса». В том же году Френ опубликовал полный арабский текст и перевод на немецкий язык всех заметок Фадлана, содержащихся в труде Йакута. Для их комментирования он привлек отрывки и из сочинений других арабских и персидских географов средневековья. Книга издана с посвящением Румянцеву [64]. Упоминавшихся в этих источниках «руссов» издатель связывал со скандинавами-норманнами, осевшими в Ладоге.

Уже после смерти Румянцева на выделенные им ранее средства под редакцией Френа были опубликованы извлечения из арабских, турецких и персидских средневековых источников (сочинений аль-Масуди, Ибн Халдуна, Наджиба Хамадани, Низами, Мирхонда и других авторов, всего 18) в виде писем к Румянцеву И. Хам-

мера-Пургшталя. Тексты изданы на языках подлинников с переводами и комментариями на французском языке [65]. Эта книга стала первой сводной хрестоматией известий восточных писателей, касающихся истории народов Восточной Европы, хотя большая часть текстов представляла поздние варианты подлинников и в ряде случаев при переводе к тому же оказалась искаженной. Исходя из идеи тесной связи Древней Руси с восточными народами, Хаммер-Пургшталь выдвинул здесь гипотезу о среднеазиатском происхождении «руси».

Интересные сведения по истории туркмен, узбеков, казахов и других народов, вошедших в состав Российской империи, были введены в научный оборот кружком изданием сочинения хорезмского историка XVII в. Абулгази «Родословное древо тюрков» [66].

Публикацию подготовили Хальфин и Френ. Поскольку издателям было известно о неточностях предшествующих изданий Абулгази, вначале предполагалось опубликовать только один, обнаруженный в Московском архиве Коллегии иностранных дел, список. Однако, уже после того как в типографии Казанского университета текст памятника был набран арабскими буквами, в распоряжении Хальфина и Френа оказался новый список татарского подлинника, изготовленный Ниметтулой бен Максудом, имамом Уфимского округа. Его разночтения с основным списком были поэтому помещены в конце публикации вместе с географическим и именным указателями. Перевод сочинения Абулгази на русский язык, филологические, исторические и географические комментарии по образцу изданных ранее Френом заметок Ибн Фадлана издатели, судя по их переписке с Румянцевым, предполагали включить во второй и третий тома публикации, не вышедшие из-за препятствий цензуры [67].

После возвращения из путешествия по Египту Сенковский, как утверждают биографы Румянцева, готовил по поручению графа издание так называемой Дербентской летописи, памятника, содержавшего сведения по истории Северо-Восточного Азербайджана и Дагестана V—XI вв., сохранившегося в списках на азербайджанском, армянском и персидском языках. Существует указание на то, что в типографии был напечатан даже один лист этого источника [68].

В 1824 г. на средства Румянцева ориенталист Шмидт опубликовал факсимиле и французский перевод грамот

персидских правителей Аргуна и Элджета к французскому королю Филиппу Красивому [69].

Ранее они были изданы известным французским ученым-востоковедом Абель-Ремюзом. Шмидт исправил французский перевод грамот и приложил к нему тщательные филологические примечания. Это была одна из первых в России публикаций иностранных источников по истории других стран. Однако целесообразность подобных изданий еще вызывала у некоторых современников Румянцева определенные сомнения. Евгений Болховитинов, например, осторожно писал ему в 1825 г.: «Подступы ориенталистов к вашему сиятельству с такими книгами, какие бесполезны России, мне кажутся уже навязчивы. Всех книг их трудно перепечатать на счет нашего мецената, а благотворительность его нужнее нашей словесности, коей много любопытнейших памятников и в его библиотеке» [70]. Сам Румянцев относительно этого был иного мнения: увлеченность отечественной историей сочеталась у него с интересом к источникам и истории многих других стран, в том числе и тех, которые еще только начинали привлекать внимание ученых. Пожалуй, наиболее ярко об этом свидетельствует его серьезное намерение добиться согласия Н. Я. Бичурина принять участие в работе кружка (в области изучения китайской истории). Очевидно, лишь смерть Румянцева помешала этому [71].

Приведенные примеры показывают, что члены кружка пытались поставить на практическую основу реализацию уже высказывавшейся тогда мысли о необходимости сравнительно-исторического изучения истории народов. Не случайно в 1818 г. Румянцев, предлагая Каченовскому опубликовать рецензию на книгу немецкого востоковеда Г. Л. Козегартена, посвященную сочинению Магомета Ибн-Батута, выражал желание, «чтобы в самую рецензию помещены были русским переводом все те строки или малые статьи, относящиеся до Капчатской и Золотой Орды, коих история с российской так соплетена» [72].

К публикации Я. И. Шмидта примыкает и издание большого отрывка сочинения арабского историка X в. Табари «История пророков и царей», посвященного событиям в Аравии в VII в. и содержавшего упоминание о «руссах» в 643 г. Оно подготовлено по заданию Румянцева Козегартеном и вышло спустя несколько лет после смерти графа [73]. Именно после этого Табари стал широко известен в Европе.

Кружок готовил к публикации и русский перевод извлечения из «Истории норвежских королей» исландского историка С. Снорра. В этом памятнике при описании царствования короля Олафа встречаются известия по истории Древней Руси времени княжения Ярослава Владимировича. Перевод подготовлен по латинскому изданию сочинения Снорра XVIII в. и сопровождается интересными историческими примечаниями, а также хронологической таблицей событий, происходивших параллельно в России, Норвегии и Швеции X—XI вв. По неизвестной причине эта публикация не увидела света [74].

Таким образом, история русского и других народов, вошедших в состав Российской империи, находилась в центре внимания кружка при выборе им для издания исторических источников. За счет введения в научный оборот русских и древнеславянских литературных сочинений, фольклорного материала, а также западноевропейских и восточных памятников кружок расширил традиционно известный к началу XIX в. круг письменных источников. Историческая наука получила документальную базу, представленную уникальными памятниками с массой ранее неизвестных или малоизвестных свидетельств о прошлом русского и других пародов.

В процессе подготовки таких изданий кружок развил лучшие зарубежные и отечественные традиции публикации древних источников, а также сформулировал новые принципы воспроизведения текстов памятников в зависимости от их вида, времени возникновения, древности списков. Сотрудники Румянцева не были равнодушны к тем, кому адресовались их издания. Среди них мы встречаем образцы как буквального («буква в букву, слово в слово») воспроизведения текстов документов, отвечающие задачам их лингвистического изучения, так и критического «очищения» памятников от описок и искажений. Впервые в истории отечественной археографии в публикациях кружка в столь широких масштабах был представлен не только исторический, лингвистический, но и палеографический материал: многочисленные снимки почерков, букв и других внешних признаков рукописей. Подготовка изданий исторических источников после работ кружка становилась невозможной без творческого осмысливания его опыта в этом деле.

Велико оказалось и общественное звучание публикаций кружка. Их выход по времени совпал с формирова-

нием исторических взглядов представителей прогрессивных кругов русского общества, в первую очередь декабристов и А. С. Пушкина. В значительной мере из публикаций, подготовленных кружком, они черпали материал для своих исторических построений. По «Собранию государственных грамот и договоров», «Софийскому временнику», «Судебникам» декабристы изучали общественный строй Древнерусского государства, республиканские традиции Новгорода, закрепощение крестьян. Опубликованные в «Собрании» чины венчания на царство являлись в представлении декабристов историческим прецедентом возможности избрания нового царя. «Памятники российской словесности», «Иоанн экзарх Болгарский» предоставили в их распоряжение разнообразные факты для обоснования единства и высокого уровня развития славянской культуры в древности. Мотивы Сборника Кирши Данилова использовались в поэзии Пушкина и Кюхельбекера. Создавая «Бориса Годунова», Пушкин внимательно изучал акты «Смутного времени», опубликованные в «Собрании государственных грамот и договоров». В 1825 г., уже на закате деятельности кружка, высокую оценку его публикациям дал в своем альманахе «Полярная звезда» декабрист А. А. Бестужев [75].

Издание книг стало важнейшим результатом деятельности Румянцевского кружка. Их выход в свет осуществлялся «содействием и ободрением» или же «волею и иждивением» Румянцева. И в том и в другом случае издание книг было связано с финансированием их печатания — закупкой бумаги, наймом гравировщиков, художников, нередко изготовлением специальных шрифтов. Все это требовало значительных типографских расходов со стороны Румянцева. «Содействие и ободрение» графа касались исключительно только типографских расходов, как правило, без какого-либо поощрения авторов или составителей книг и публикаций исторических источников, в то время как «воля и иждивение» Румянцева присутствовали на всех этапах подготовки книг, начиная от разыскания документов, их копирования, перевода, и кончая расчетами с типографиями, а также материальным поощрением авторов. Второй тип изданий кружка в большей степени отражал коллективный характер работы над ними

и программные представления Румянцева и его сотрудников.

Вопрос об объеме печатной продукции, вышедшей из-под пера членов Румянцевского кружка, окончательно не решен. На бесспорную причастность сотрудников Румянцева к тому или иному изданию указывают герб Румянцева на титульном листе, иногда — посвящения или сведения предисловий. Однако посвящения и предисловия могут нередко ввести в заблуждение, поскольку встречаются случаи, когда они давались авторами самостоятельно, без предварительного согласования с Румянцевым. Такие книги нельзя отнести к изданиям кружка. Среди них можно назвать работу Н. Ф. Грамматина, посвященную «Слову о полку Игореве» [76], перевод на немецкий язык трудов Й. М. Оссолинского, осуществленный С. Б. Линде [77], книгу В. С. Караджича «Сербские народные песни» [78], вышедшие уже после смерти Румянцева сочинения Г. А. Розенкампфа о Кормчей книге [79], П. И. Кеппена о причерноморских древностях [80] и Н. Руднева о церковных ересях [81].

Сам Румянцев рассматривал свое участие в издании любой книги как дело, от которого зависел его личный престиж. Именно поэтому он отказался финансировать печатание книги Н. А. Мурзакевича «О жизни апостолов Петра и Павла», предлагая вместо ее издать «какое-либо ... новое объяснение исторической или географической статьи, относящейся до древних времен Смоленска». В 1823 г. Малиновский по его поручению специально поместил объявление в газете «Московские ведомости» с требованием обязательного согласования посвящений лично с Румянцевым.

Ряд книг, выпущенных членами Румянцевского кружка уже после смерти Румянцева, не имеет ни герба, ни посвящений, Зачастую они издавались не на средства Румянцева. Однако само их появление неразрывно связано со всей деятельностью членов кружка, а некоторые были целиком подготовлены к изданию еще в период работы кружка. Среди них — работы Строева, Калайдовича и Востокова по описанию рукописей подмосковных монастырей, Синодальной библиотеки и рукописного собрания кружка, исследование Коцебу о Свидригайло, публикация Судебника Казимира 1468 г.

В настоящее время трудно учесть и те издания кружка, тираж которых составлял менее ста экземпляров. Это

были своеобразные «оттиски» исследований сотрудников Румянцева, опубликованные в периодической печати, а также просто малотиражные издания. Все они, не поступая в продажу, полностью расходились среди членов кружка и знакомых графа. Так, сочинение Г. Д. Богацкого «Глас благодарности» издано тиражом в 50 экземпляров; не большим был тираж грамоты Мстислава XII в. новгородскому Юрьеву монастырю, сохранился всего один печатный экземпляр письма Калайдовича к Бантыш-Каменскому об издании «Собрания государственных грамот и договоров» с корректорскими правками автора.

Наконец, около 30 работ было опубликовано по специальному заданию Румянцева его сотрудниками на страницах тогдашней периодической печати — в журналах «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Северный архив» «Сибирский вестник», в газетах «Северная почта», «Виленский дневник» и других. Большая часть их информировала читателей о научных разысканиях кружка.

С учетом этих замечаний печатная продукция кружка приблизительно выглядит следующим образом. Издано 49 названий книг. Пять из них («Словарь исторический» Болховитинова, «Софийский временник», «Путешествие Коцебу», «Финский словарь» Рейнваля) представляли собой многотомные издания, еще четыре мыслились такими. Восемь книг из 49 опубликованы на немецком языке, пять — на латинском, по одной — на французском, арабском и польском языках. Четыре издания оказались двуязычными: на русский язык были переведены французское издание «Истории» Льва Диакона и немецкое издание работы А. Ю. Гиппинга «О походе новгородцев в Финляндию», а русские издания «Путешествия» О. Е. Коцебу и исследование Аделунга о посольстве Мейерберга одновременно подготовлены кружком на немецком языке. Пять изданий кружка представляли собой переводы на русский язык иностранных сочинений или исторических трудов, ранее опубликованных не на русском языке. Ими были «Исследования» Лерберга, «Рустрингия» Голлмана, «Кирилл и Мефодий» Добровского, «О жилищах древнейших руссов» Неймана и «Свидригайло» Коцебу. Все такие переводы отразили живую заинтересованность членов Румянцевского кружка в том, чтобы новейшая европейская литература и иностранные источники стали доступны русским исследователям, а работы членов кружка — известными за границей. Например, издание на латинском

языке книги Спасского о сибирских надписях Румянцев прямо адресовал «рассеянным в Европе ученейшим людям».

Показателен и другой пример. В 1820 г. Малиновский предложил Румянцеву переиздать опубликованную на французском языке книгу о Лжедмитрии I (возможно, это было редкое уже тогда амстердамское издание 1606 г. «Сказания о смерти Димитрия»). В ответ на это Румянцев просил организовать ее перевод на русский язык вместе с «Записками» французского капитана Маржерета, служившего в России при Борисе Годунове и Лжедмитрии, считая, что именно издание на русском языке «могло бы принято быть российскою публикою с удовольствием» [82].

Издания кружка условно, но довольно отчетливо распределяются на несколько групп: публикации и описания исторических источников (18 названий), исторические исследования (19 названий), одновременное издание исторических источников и исторических исследований (5 названий), книги литературного содержания (3 названия), книги по географии и этнографии (2 названия), словари (1 название), экономическая литература (1 название).

Таким образом, подавляющую часть книжной продукции кружка составляет историческая литература (около 85%). За время деятельности кружка в России с 1811 г. вышло всего около 150 названий книг исторического содержания по истории до XVIII в. (без учебников, сборников исторических анекдотов, похвальных слов и переизданий книг XVIII в.). Около трети их составляют издания кружка. По темпам издания исторической литературы кружок был близок к издательской деятельности Новикова, который за 20 лет сумел напечатать 72 книги по русской и всемирной истории [83]. Эта преемственность деятельности кружка в свое время была отмечена еще Н. Ф. Гарелиным. «Единственным достойным предшественником Румянцева в области исторических изданий — как по ширине интересов, так и по количеству опубликованного материала — является Новиков; недаром Румянцев предполагал одно время издавать накопившиеся у него материалы в форме продолжения «Древней российской Вивлиофики»»,— писал он [84].

В целом стабильным и близким к новиковским оказался и тираж изданий кружка. По большинству напечатанных книг данные о тиражах отсутствуют, но могут быть приблизительно установлены. Косвенным показате-

лем тиражей является формат изданий. «Собрание государственных грамот и договоров» форматом в лист, печаталось тиражом до 1200 экземпляров; книги форматом в малый лист, а также в четверку — выходили в количестве 600 экземпляров; наконец издания, форматом в восьмую долю листа издавались тиражом 300 экземпляров. Средний тираж новиковских изданий составлял 300—700 экземпляров, а иногда доходил до нескольких тысяч экземпляров [85].

Учитывая количество румянцевских изданий и тираж каждого из них, можно подсчитать, что приблизительно тираж печатной продукции кружка составил около 20 тысяч экземпляров. Эта цифра не включает переиздания некоторых книг («Сборник Кирши Данилова» и «Судебники»), осуществленные во второй половине XIX в., а также «оттиски».

Деятельность Румянцевского кружка по изданию книг развернулась в период откровенного преследования образованности и просвещения, обскурантизма и цензурных гонений. Научный характер книг, подготовленных сотрудниками Румянцева, нередко шел вразрез с существовавшими цензурными установками. Характерен пример с одной из работ Болховитинова. В 1812 г. он представил для печатания в Российскую академию исследование о славянском переводе священного писания, представлявшее собой попытку текстологического анализа. Однако рецензенты из Академии нашли в работе «неосновательные рассказы иностранцев», опровержение свидетельства Нестора о времени перевода священных книг с греческого на славянский язык. Приведенные автором «разноречия славянских списков священного писания» вызвали боязнь членов Академии: «От таковых разноречий, частию сделавшихся известными, и без того много шуму в народе». Переданное в духовную цензуру, исследование Болховитинова так и не было напечатано [86].

Из всех изданий кружка только «Собрание государственных грамот и договоров» не подлежало цензурной проверке. Все остальные книги в той или иной степени подверглись цензурным преследованиям. В «Памятниках российской словесности» цензура исключила несколько интересных мест из сочинения древнерусского математика Кирика, в «Белорусском архиве» — три папские буллы по униатскому вопросу, в «Судебниках» — соборное определение 1503 г. о священниках. В духовной цензуре

был похоронен труд Григоровича о белорусской церковной иерархии. По причине «неприязненности церкви нашей» остался неизданным перевод трехтомного исследования Стебельского о святой Евфросинии. Цензурные рогатки встали перед широко задуманным членами кружка изданием сочинений иностранных путешественников, побывавших в России.

В 1820 г. кружок представил в духовную цензуру русский перевод книги Коцебу «Свидригайло», подготовленный Нестеровичем по заданию Румянцева. Несмотря на положительные отзывы Круга, Карамзина и будущего митрополита Филарета, цензура запретила печатание приложенных к исследованию Коцебу папских булл.

Румянцев в письме к министру духовных дел и народного просвещения Голицыну просил «отвратить ... цензурою причиненную печаль» в связи с этой книгой, упомянув, что и в Казани задерживается еще одно издание кружка — сочинение Абулгази. В ответ на запрос Голицына Магницкий, ссылаясь на русский перевод Абулгази, представленный в совет Казанского университета, доносил, что публикация «принадлежит не столько к книгам историческим, сколько к тем, кои косвенным образом нападают на библию». По просьбе Румянцева дело об издании этих книг было доведено до сведения Александра I. Тот разрешил печатание Абулгази, а относительно труда Коцебу предложил вновь «посоветоваться с Карамзиным» [87]. Лишь после смерти Румянцева книга о Свидригайло вместе с переводом папских булл увидела свет [88].

В печатной книге сотрудники Румянцева видели наиболее совершенный способ распространения и пропаганды своих научных открытий. Члены Румянцевского кружка создали оригинальный тип научно-исторических изданий, превзошедший лучшие образцы русской исторической книги XVIII в. и оказавший большое влияние на издания последующего времени.

Научные требования определили не только содержание, но и внешний вид изданий кружка. На фоне роскошно или, наоборот, бедно оформленных книг начала XIX в. большая часть книг кружка выделяется строгой торжественностью и внушительностью, отсутствием каких-либо полиграфических излишеств, изяществом, тщательностью и разнообразием подбора формата, бумаги, шрифтов и немногочисленных украшений в виде гравюр, комбинаций из линий, виньеток. Различные варианты шрифтов в пре-

делах одной книги, как правило, удачно соответствуют формату, красивы и удобочитаемы. Особенно выделяются в этом смысле «Иоанн экзарх Болгарский», «Путешествие» Коцебу, сочинение Аделунга о Мейерберге и книга Келлера о монете боспорского царя Спартока [89]. В книге Аделунга, например, великолепно исполнен атлас литографий, в книге Калайдовича об археологических исследованиях в Рязанской губернии рисунки найденных там древностей в некоторых экземплярах раскрашены от руки. Замечательны так называемые подносные экземпляры — небольшая часть тиражей книг, напечатанных на веленевой (белой с глянцем) бумаге.

Пожалуй, только «Собрание» своим форматом (около 45 сантиметров) несколько громоздко и нелегко при использовании, да парижское издание «Истории» Льва Диакона оказалось чрезмерно роскошным, с пышными типографскими заставками и гравированными рисунками (результат подражания луврскому изданию византийцев).

В подготовке изданий кружка принимали участие лучшие в то время русские и зарубежные типографии. Четырнадцать книг напечатаны в знаменитой типографии С. А. Селиванского в Москве. Именно здесь и были выработаны новые принципы полиграфического оформления книг. В Петербурге кружок использовал типографии Академии наук, Департамента народного просвещения, а также типографии Греча, Крайя, Дрехслера, Иверсена. Несколько изданий напечатано в Дерпте, Казани, Або, Берлине, Лейпциге, Париже, Веймаре и других городах. В оформлении книг члены кружка пользовались услугами художников и гравировщиков И. С. Клаубера, Е. О. Скотникова, А. и С. Фроловых, А. А. Флорова, А. С. Ухтомского, А. Г. Афанасьева и других.

Главной цели, которую ставили сотрудники Румянцева перед книгами,— широкое использование — была подчинена и постепенно складывавшаяся система распространения изданий кружка. Его члены отказались от существовавшей в то время системы реализации книг по подписке, сделав основной упор на их продажу. Сам Румянцев некоторое время полагал, что продажа напечатанных книг может, по крайней мере, окупить типографские расходы. А они оказались немалыми. Например, перевод и печатание только 17 изданий стоили свыше 121 тысячи рублей. Для первой части «Собрания», типографские рас-

ходы на которую в среднем составили 21 рубль 51 копейку за экземпляр, была установлена продажная цена в 25 и 35 рублей соответственно за экземпляры на белой бумаге в простой обложке и веленевой с переплетом. Даже продажа по минимальной цене окупила бы затраты на печатание первой части «Собрания» и дала бы возможность пустить выручку на издание второй части. Печатание Сборника Кирши Данилова обошлось в 1,5 тыс. рублей. При тираже в 600 экземпляров и цене по 12 рублей за книгу общая выручка могла составить свыше 5 тысяч рублей. Издание «Кирилла и Мефодия» обошлось в сумму около 350 рублей. 600 экземпляров этой книги по цене 8 рублей и с учетом выплаты Погодину 250 рублей в качестве гонорара все равно давали прибыль свыше 4 тысяч рублей. «Письма» Калайдовича к Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, изданные в количестве 300 экземпляров, при установленной цене в 7 рублей 50 копеек давали выручку в 1 тысячу рублей (затраты на их печатание составили 500 рублей).

Известны сведения о цене, по которой продавались 14 книг, выпущенных кружком. Сравнение с сохранившимися данными о цене 60 книг исторического содержания, вышедшими в России в 1811—1825 гг., показывает, что румянцевские издания были дешевле более чем на 3 рубля. Их средняя цена составляла около 9 рублей. Формально они оказались дороже новиковских изданий, но фактически, принимая во внимание падение курса рубля в начале XIX в., книги кружка, видимо, соответствовали по своей стоимости новиковским. Нетрудно заметить, что затраты на подготовку изданий, включая перевод иностранных документов, выплату гонораров авторам, художникам, оплату труда писцов, оплату типографских расходов, все равно, по замыслу Н. П. Румянцева, должны были окупиться при их продаже.

Тем не менее подготовленные кружком книги оказались убыточными: средства, затраченные на их создание, в том числе и печатание, оборачивались слишком медленно. Так, из московских изданий за восемь лет было продано 388 экземпляров первой части «Собрания» (32,3% тиража), за два года — 367 экземпляров второй части «Собрания» (30,5% тиража), за три года — 310 экземпляров Сборника Кирши Данилова (51% тиража), менее чем за год — 59 экземпляров «Памятников российской сло-

весности» (9,8% тиража) и т. д.[90] Широкого читателя в это время больше интересовало красочное описание прошлого.

Конечно, Румянцев мог выделять дополнительные средства на издание книг. Практически так это и случилось уже, например, при подготовке второй части «Собрания», но медленная распродажа изданий кружка все-таки сдерживала финансирование других публикаций[91].

Сотрудники Румянцева рассчитывали на широкий круг читателей. Однако фактически продажа в Московском архиве Коллегии иностранных дел, в петербургской Коллегии иностранных дел и через книгопродавцов с комиссионными в 20% в Москве (Ширяев), Петербурге (братья Сленины, Плавильщиков), в Варшаве (Гликсберг) и Вильно шла крайне медленно. Книги кружка в период его деятельности преимущественно не реализовывались путем продажи, а просто распределялись. Со временем сложилась устойчивая сеть получателей изданий в лице членов кружка и знакомых Румянцева. Своего рода «обязательные экземпляры» посылались всем русским университетам, Обществу истории и древностей российских, Академии наук, Российской академии, зарубежным научным учреждениям и ученым. В среднем число таких экземпляров составляло около 50. Благодаря этому книги кружка все-таки попадали тем, кто был в этом наиболее заинтересован, став «необходимым пособием и справочником для специалистов и только через их посредство незаметно, но мощно влияли на развитие науки и образованности»[92].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Смерть Н. П. Румянцева в январе 1826 г. тяжело отразилась на замыслах кружка и судьбе некоторых его членов. Рухнули надежды сотрудников графа на издание подготовленных или готовившихся работ. Еще два-три года тлел огонек начатых предприятий, ранее поддерживавшихся энергией и деньгами старого канцлера, затем погас и он.

Разным оказался путь, приведший современников Румянцева в кружок. Неодинаковыми стали жизненные и творческие судьбы их и после прекращения деятельности кружка. Но для всех занятия в кружке оказались серьез-

ной научной школой, пройдя которую большинство осталось преданным и в дальнейшем однажды избранному делу. Для многих из них лучшие научные свершения были впереди. П. М. Строев и И. И. Григорович вписали славные страницы в деятельность Археографической комиссии, П. И. Кеппен стал крупным статистиком, А. М. Шегрен — этнографом, имя А. Х. Востокова прославили его классические труды по славянской филологии, несколько интересных исторических работ вышли позже из-под пера Ф. И. Круга, Х. Д. Френа, Ф. П. Аделунга и других. Пожалуй, лишь жизненные невзгоды К. Ф. Калайдовича и В. Г. Анастасевича помешали впоследствии развернуться их творческой активности.

Среди тех, кто стоял у истоков организации охраны и использования документальных памятников, члены Румянцевского кружка занимают заслуженное и почетное место.

Романтика поиска объединила десятки современников вокруг умного, патриотически настроенного русского вельможи, сумевшего направить, а подчас просто поддержать их научные планы. Оригинальное, в какой-то мере не имеющее аналогий в истории отечественной науки объединение исследователей впервые создало условия для коллективной организации изучения прошлого. В этом плане кружок стал прообразом будущих русских научных учреждений, прежде всего Археографической комиссии.

Научные разыскания кружка не были результатом развлечений скучающего отставного канцлера. Они имели под собой глубокие объективные причины, важнейшей из которых являлось становление русской нации и, как следствие этого, стремление осознать ее роль в развитии мировой истории и культуры. В конечном счете в исторической науке кружок делал то, что в литературе — А. С. Пушкин, в музыке — М. И. Глинка, в живописи — А. А. Иванов. Исследования кружка были подчинены объективным задачам, стоявшим перед исторической наукой начала XIX в.

Конечно, подавляющая часть сотрудников Румянцева осталась в стороне от создания каких-либо широких исторических концепций о прошлом своей страны. Далеко не у всех членов кружка при всей энергии, деятельности и таланте были стремления и склонность к широким историческим обобщениям. Деятельность кружка оказалась преимущественно связанной с тем разделом исторической

науки, который уже в начале XIX в. получил название археографии и без должного развития которого было бы невозможно ни сейчас, ни в еще большей степени тогда глубокое изучение прошлого. И в данном случае по отношению к работе кружка приемлемо банальное, но точное определение: кружок создавал фундамент исторической науки, без которого трудно представить исторические труды С. М. Соловьева и других историков позднейшего времени.

Сотрудники Румянцева были не только продолжателями дела своих предшественников. Смело смотря в будущее науки, они стали во многом первопроходцами. Впервые в широких масштабах кружок произвел выявление документальных памятников по русской истории в отечественных и зарубежных архивах, библиотеках, осуществил интересные археологические и этнографические разыскания. В результате были обнаружены тысячи интересных письменных источников, памятников материальной культуры. Некоторые из них являются уникальными, имеющими непреходящее значение для отечественной истории и культуры (Изборник Святослава 1073 г., Сборник Кирши Данилова, Судебник 1497 г., рукописи XII—XV вв.). Комплекс специальных исторических дисциплин, история славянских народов и народов, вошедших в состав Российской империи, нередко впервые получали в работах кружка серьезную научную разработку.

Румянцев и его сотрудники не были обычными «библиотафами», как презрительно называл К. Ф. Калайдович некоторых современников, в тишине домашних кабинетов наслаждавшихся созерцанием накопленных древностей. В представлении кружка собирание исторических памятников должно было стать лишь частью общей работы по изучению прошлого страны. «Собрать, привести в известность и, если не самим обработать, то предоставить другим средства обрабатывать», т. е. изучать памятники истории и культуры,— решение этой триединой задачи и считали члены кружка своим долгом. Бесценные открытия, сделанные ими в монастырских подвалах, на заваленных голубиным пометом колокольнях и башнях, в крестьянских и барских домах, в результате археологических раскопок, начинали новую жизнь в книгах кружка.

В науке подчас бывает важен не только результат, но и путь, который привел к нему. В еще большей степени это представляет интерес, когда речь идет об истории

науки, когда можно увидеть зерна будущих начинаний и открытий. Всеобъемлющие научные замыслы кружка оказались реализованными лишь в очень незначительной мере. Остались неизданными многочисленные переводы, сборники документов (летописи, акты, сочинения иностранцев, восточные, византийские и другие источники). На стадии сбора материала оказались работы, связанные с подготовкой языковых словарей, специальных палеографических, историко-географических, хронологических и других пособий, исследования, посвященные местной истории, в том числе истории народов, вошедших в состав Российской империи. Достаточно бросить лишь беглый взгляд на последующее развитие отечественной археографии (деятельность Общества истории и древностей российских, Археографической комиссии и других общественных и государственных научных учреждений), чтобы увидеть теснейшую преемственность археографической теории и практики с тем, что многие годы вынашивалось кружком. И археографическая экспедиция П. М. Строева, и «Полное собрание русских летописей», и «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи», и «Сказания иностранных писателей о России», и многие другие предприятия более позднего времени имеют свои истоки в деятельности кружка.

Из задуманного кружку удалось осуществить лишь малую часть. Но и то, что кружок сумел сделать, стало неотъемлемой и яркой страницей русской науки и культуры. Рукописное собрание, несколько десятков изданных книг, замечательные открытия «российских древностей» — таков итог чуть более десятилетней деятельности плеяды исследователей Румянцевского кружка.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1 *Старчевский А.* О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории.— Журн. Министерства народного просвещения, ч. 49, 1846, январь, отд. V, с. 1—50. Дополнения к работе Старчевского см. там же, март, с. 51—56.

2 *Ивановский А.* Государственный канцлер граф Н. П. Румянцев. СПб., 1871; *Корш Е. Ф.* Очерк нравственной характеристики Румянцева.— В кн.: Сборник материалов для истории Румянцевского музея, изданный ко дню юбилея музея. М., 1882, вып. 1; *Барсов Е. В.* Государственный канцлер граф Н. П. Румянцев.— Древняя и новая Россия, 1877, № 5, с. 5—22.

3 *Погодин М. П.* Судьбы археологии в России.— Журн. Министерства народного просвещения, 1869, № 9.

4 *Бессонов П.* Материалы для жизнеописания К. Ф. Калайдовича и особенно для изображения ученой его деятельности.— В кн.: Чтения ОИДР. М., 1862, кн. 3, отд. 1; *Григорович Н.* Очерк жизни протоиерея И. И. Григоровича.— Странник, 1861, № 6, с. 303—338; *Срезневский И. И.* Обозрение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и не изданных.— В кн.: Торжественное собрание Академии наук 29 декабря 1864 г. СПб., 1865, с. 86—138; *Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878.

5 Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными, с предисловием, примечаниями и указателем Е. В. Барсова.— В кн.: Чтения ОИДР. М., 1882, кн. 2, отд. 1. (Далее: Переписка Н. П. Румянцева); Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского.— В кн.: Сборник статей, читанных в ОРЯиС имп. Академии наук. СПб., 1873, т. 5, вып. 2. (Далее: Переписка А. Х. Востокова); Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым и некоторыми другими современниками: С 1813 по 1825 год включительно. Воронеж, 1868—1885. Вып. 1—3. (Далее: Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым); Переписка протоиерея Иоанна Григоровича с графом Н. П. Румянцевым.— В кн.: Чтения ОИДР, М., 1864, кн. 2, отд. 1. (Далее: Переписка И. И. Григоровича); Письма Н. П. Румянцева к В. Н. Берху. 1817—1822.— В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1877, вып. 6, с. 130—164. (Далее: Письма Н. П. Румянцева к В. Н. Берху).

6 *Кочубинский А.* Начальные годы русского славяноведения: Адмирал Шишков и канцлер Румянцев. Одесса, 1887—1888.

7 *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891, т. 1, кн. 1, с. 132—243. Здесь же и наиболее полная библиография о Румянцевском кружке; *Милюков П.* Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913; *Пыпин А. Н.* Меценаты и уче-

ные александровского времени.— Вестник Европы, 1888, т. 5; *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910.

8 *Гарелин Н. Ф.* Русское научное издательство в начале XIX века.— В кн.: Книга в России. М., 1925, т. 2, с. 27—98. (Далее: *Гарелин Н. Ф.*).

9 См., например: *Смирнов С. В.* Румянцевский кружок.— Русская речь, 1979, № 2, с. 97—103; *Софинов П. Г.* Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957, с. 67—100; *Формозов А. А.* Тиражи исторических изданий в первой половине XIX в. в России.— Вопр. истории, 1970, № 2, с. 194—197.

Глава 1

Ученая дружина

1 Архив кн. Воронцова. М., 1882, кн. XXVII, с. 111.

2 Из записок генерал-адъютанта графа Е. Ф. Комаровского.— Русский архив, 1867, с. 563.

3 ЦГАДА, ф. 16, д. 12 доп., л. 1 об.

3а *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957, с. 234—235.

4 Архив кн. Воронцова. М., 1877, кн. XII, с. 158—159, 223; *Великий князь Николай Михайлович.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. Пг., 1914, с. 67, 87, 94—95.

5 *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892, ч. 1, с. 133.

6 *Майков П.* Н. П. Румянцев.— В кн.: Русский биографический словарь. Пг., 1918, т. XVII, с. 214.

7 Цит. по кн.: *Пасецкий В. М.* Иван Федорович Крузенштерн. М., 1974, с. 29.

8 *Коцебу О.* Путешествие в Южный океан и Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах иждивением... Н. П. Румянцева под начальством флота лейтенанта Коцебу. СПб., 1821—1823. Ч. I—III. Нем. изд.: *Kotzebue O.* Entdeckungs-Reise in die Süd-See und nach der Beringsstrasse zur erforschung einer nörd-östlichen Durchfahrt. Weimar, 1821. Bd. 1—3.

9 *Пасецкий В. М.* Указ. соч., с. 89—90 и др. См. также переписку Румянцева с Крузенштерном.— ЦГАДА, ф. 11, д. 162 доп.

10 *Вигель Ф. Ф.* Записки, ч. 1, с. 150.

11 *Кочубинский А.* Указ. соч. Приложение, с. XVIII—XX.

12 Переписка Н. П. Румянцева, с. 346—347.

13 *Куник А. А.* Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории.— Журн. Министерства народного просвещения, 1850, № 1, с. 16—17.

14 Переписка Н. П. Румянцева, с. 94.

15 Исследования, служащие к объяснению древней русской истории А. Х. Лерберга: Изданы на немецком языке по определению императорской С.-Петербургской академии наук Ф. Кругом. Перевел Д. Языков. СПб., 1819.

16 Из архива Ф. В. Булгарина.— Русская старина, 1901, № 2, с. 384.

17 Доношение попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого на издателя «Библиографических листов» министру народного просвещения...— Чтения ОИДР, 1864, кн. 2, с. 162—170.

18 *Савельев П.* О жизни и трудах О. И. Сенковского.— В кн.: Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). СПб., 1858,

т. 1, с. XXXIII; Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым, вып. 3, с. 104.

[19] *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.

[20] [*Григорович И. И.*]. Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М., 1821.

[21] ГБЛ, ф. 178, карт. 1346, д. 18, л. 15 об.

[22] *Каупуж А.* Вклад И. Н. Лобойко в развитие русско-польско-литовских культурных связей в первой четверти XIX в.— Kalbotyra, 1963, № 7, с. 50—60; *Он же.* Некоторые дополнительные сведения о литовских деятелях культуры начала XIX века в письмах профессора русской словесности Виленского университета И. Н. Лобойко.— Lietuvos TSR Aukštuju Mokyklu Mokslo Darbai. Literatura, 1963, N 10, p. 207.

[23] *Попков Б. С.* Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. М., 1974, с. 10—61 и др.

[24] [*Болховитинов Евгений*]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1818, ч. 1, 2.

[25] ГБЛ, ф. 178, карт. 1346, д. 18, л. 15 об.

[26] Переписка Н. П. Румянцева, с. 361.

[27] Там же, с. 229—230.

[28] ГБЛ, ф. 178, карт. 1346, д. 18, л. 14.

[29] Письма Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу.— Русский архив, 1889, кн. 2, с. 184—185.

[30] Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым, вып. 2, с. 14.

[31] ГИМ, ОПИ, ф. 347, д. 18, л. 14.

Глава 2

«Собираем рассеянное»

[1] ГБЛ, ф. 256, д. 149, л. 4.

[2] Археографическая экспедиция Академии наук. 1828—1834 гг.: Сб. материалов. Л., 1930, с. 10.

[3] *Барсуков Н.* Указ. соч., с. 67.

[4] *Калайдович К.* Известие о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных.— Вестник Европы, 1811, № 1, с. 4—5.

[5] Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым, вып. 1, с. 16—18.— Русский вестник, 1819, № 9/10, отд. 1, с. 69—79.

[6] *Вихман Б.* Российский отечественный музей.— Сын Отечества, 1821, ч. 71, с. 289—310; *Аделунг Ф. П.* Предложение об учреждении русского национального музея.— Там же, 1817, ч. 37, с. 54—75.

[7] ГБЛ, ф. 402, карт. 1, д. 14, л. 5 об.

[8] Письма Н. П. Румянцева к В. Н. Берху, с. 145.

[9] *Клевенский М. М.* История Библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1953, т. 1, с. 81—83.

[10] Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым, вып. 1, с. 21.

[11] Там же, с. 33; ЦГАДА, ф. 11, д. 274, л. 1; ГБЛ, ф. 255, карт. 10, д. 19, л. 1.

[12] *Енш Г. А.* Н. М. Карамзин, Н. П. Румянцев и археография Прибалтики начала XIX в.— Исторический архив, 1960, № 6, с. 177—179; ЦГАДА, ф. 11, д. 272 доп., л. 32—36, 50—51 и др.

[13] Там же, л. 177—178; 180—183.
[14] Переписка Н. П. Румянцева, с. 179—203; Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым, вып. 2, с. 76; ГБЛ, ф. 255, карт. 15, д. 14.
[14а] *Шлецер Ф.* О торговых сношениях Новгорода с Любеком в середине XV века.— ЖМНП, 1839, ч. 22, отд. 2, с. 2.
[15] Копии этих материалов см.: ГБЛ, ф. 183, д. 4, 26—30, 32, 84—88 и др.
[16] *Ханыков В.* О материалах по русской истории, хранящихся в Дрезденской королевской библиотеке.— Труды Российской академии. СПб., 1840, ч. III, с. 207—227.
[17] ГБЛ, ф. 255, карт. 12, д. 41, л. 7.
[18] *Старчевский А. В.* Указ. соч., с. 39; ЦГАДА, ф. 18, д. 20 доп., л. 227, 231.
[19] Северный архив, 1823, № 7, с. 76; Переписка Н. П. Румянцева, с. 215; Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым, вып. 2, с. 76; вып. 3, с. 104.
[20] Переписка Н. П. Румянцева, с. 123; *Францев В. А.* Из переписки графа Н. П. Румянцева: Материалы для истории славянской филологии. Варшава, 1909, с. 109; *Погодин М. П.* Указ. соч., с. 35.
[21] Библиограф, 1892, № 4/5, с. 160—161.
[22] Копии части документов, полученных от Штрандмана, см.: ГБЛ, ф. 183, д. 81—82, 97, 102, 113 и др.
[23] Там же, д. 123.
[23а] *Кеппен П. И.* Записка о путешествии по словенским землям и архивам.— Библиографические листы, 1825, № 33, с. 474—488; № 34, с. 490—495.
[24] *Тургенев А. И.* Хроника русского: Дневники 1825—1826 гг. М.; Л., 1964, с. 60—61, 105—106, 111, 292—293.
[25] Работа Калайдовича позже была подготовлена к изданию В. М. Ундольским.— ГБЛ, ф. 310, карт. 1412.
[26] Копии их см.: ГБЛ, ф. 256, д. 74—75.
[27] *Семейкин Н.* М. Ф. Берлинский, бывший ученик и учитель Киевской духовной академии, и его учено-литературная деятельность. Киев, 1916; ЦГАДА, ф. 11, д. 480, л. 7; ГБЛ, ф. 255, карт. 6, д. 53, л. 1—13.
[28] Переписка Н. П. Румянцева, с. 18, 113; ЦГАДА, ф. 11, д. 114, л. 286; д. 18; д. 2 доп., л. 82, 148, 177 об., 179, 180—181, 225—225 об., 227, 231, 235—235 об., 240—240 об.; ГБЛ, ф. 256, д. 222 и др.
[29] Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым, вып. 3, с. 108; ЦГАДА, ф. 11, д. 137 доп., л. 3, 8—8 об., 15—15 об., 22—22 об.; ГБЛ, ф. 255, карт. 9, д. 4, л. 1—1 об.
[30] Переписка Н. П. Румянцева, с. 211; ЦГАДА, ф. 11, д. 114, ч. 7, л. 227—231, 244—253.
[31] *Барсуков Н.* Указ. соч., с. 33—41.
[32] *Строев П.* Описание рукописей Волоколамского, Ново-Иерусалимского, Савва-Сторожевского и Пафнутьева Боровского монастырей. СПб., 1891.
[33] Переписка Н. П. Румянцева, с. 137; Письма Н. П. Румянцева к В. Н. Берху, с. 153—154; *Берх В. Н.* Письмо к одному знаменитому любителю российской истории о следах русских древностей в Пермской губернии.— Сын Отечества, 1819, № 18, с. 244—245; ГБЛ, ф. 255, карт. 14, д. 12; карт. 15, д. 2.
[34] Переписка И. И. Григоровича, с. 40.
[35] Переписка Н. П. Румянцева, с. 156; ЦГАДА, ф. 11, д. 114, л. 80—

81 об.; д. 158, л. 21; ф. 18, д. 2 доп., л. 83, 215—217; ГБЛ, ф. 255, карт. 13, д. 54, л. 7—8.

36 ЦГАДА, ф. 17, д. 35 доп., л. 18.

37 Переписка Н. П. Румянцева, с. 229, 295; Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым, вып. 2, с. 61; вып. 3, с. 113; ГБЛ, ф. 255, карт. 12, д. 36, л. 1—10.

38 Переписка Н. П. Румянцева, с. 171, 238; Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым, вып. 1, с. 40; Переписка И. И. Григоровича, с. 39—46, ЦГАДА, ф. 17, д. 61 доп., л. 43—43 об.; ГБЛ, ф. 255, карт. 15, л. 5; карт. 18, д. 34, л. 7.

39 *Арсеньев В.* Предшественники Витебской ученой архивной комиссии: Из деятельности графа Н. П. Румянцева по исследованию Витебской старины. Из дел архива Витебского губернского правления. Витебск, 1910; ЦГАДА, ф. 17, д. 21; ГБЛ, ф. 255, карт. 18, д. 34.

40 ЦГАДА, ф. 17, д. 44 доп., л. 1—2, 5, 86.

41 Там же, д. 48 доп., л. 3—3 об., 6, 14, 50—55, 73, 80—81, 114; ГБЛ, ф. 255, карт. 18, д. 34, л. 31—31 об.

42 ЦГАДА, ф. 17, д. 48 доп., л. 8—8 об., 9, 26—26 об., 27, 33; д. 61 доп., л. 70—70 об.

43 Там же, ф. 18, д. 17 доп., л. 5—5 об.

44 Там же, ф. 11, д. 33, л. 23—23 об.

45 Там же, д. 114, л. 148; ф. 17, д. 33 доп., л. 31—31 об.; ГБЛ, ф. 255, карт. 15, д. 6.

46 ГПБ, ф. 328, д. 18, л. 56—56 об.; д. 19, л. 19—19 об.; д. 444, л. 1—2.

47—48 *Барсуков Н.* Указ. соч., с. 73.

49 ЦГАДА, ф. 17, д. 50 доп., л. 201—201 об.

50 ГБЛ, ф. 255, карт. 14, д. 19, л. 13—13 об. Рукопись см.: там же, ф. 256, д. 287—288.

51 ЦГАДА, ф. 11, д. 84 доп., л. 117.

52 Среди рукописей, приобретенных из этих хранилищ см.: ГБЛ, ф. 256, д. 277, 365, 434.

53 *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в России: XVIII — первая половина XIX в.— В кн.: Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971, вып. 7, с. 292—308.

54 ГПБ, ф. 328, д. 100, л. 4.

55 Цит. по кн.: *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1891, т. III, с. 76.

56 *Калайдович К.* Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М., 1823.

57 *Семейкин Н.* Указ. соч., с. 217; Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым, вып. 3, с. 107, 118—119.

58 ЦГАДА, ф. 17, д. 61 доп., л. 12, 33—34.

59 Об археологических изысканиях и открытиях в Южной России, предшествующих учреждению Одесского общества истории и древностей.— Записки Одесского общества истории и древностей, 1874, т. 14, с. 36; Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском Эрмитаже. СПб., 1854, с. LXXXVIII.

60 *Берх В.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.

61 (Inscriptiones Sibiricae), De antiquis quibusdam sculpturis et ins-

criptionibus in Sibiria repertis, scripsit Gregorius Spassku... Petropoli typis N. Gretschii. 1822.

[62] ЦГАДА, ф. 17, д. 15 доп., л. 1—1 об., 4—5 об.; д. 34 доп., л. 15—16; ГБЛ, ф. 255, карт. 8, д. 2, л. 3—4—4 об. См. также: *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 28—30.

[63] Переписка Н. П. Румянцева, с. 85—86; Переписка Е. Ф. Канкрина с графом Н. П. Румянцевым.— Северная почта, 1818, № 74, 91; *Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л., 1952, с. 26—28, 53—58, 79—80; *Таранович В. П.* К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР.— Сов. археол., 1946, т. VIII, с. 249—260.

[64] ГБЛ, ф. 401, карт. 1, д. 12, 16, 26, 27.

[65] *Полевой Н.* Современная русская литература.— Московский телеграф, 1825, ч. 3, с. 74.

[66] ЦГАДА, ф. 17, д. 44 доп., л. 3—3 об.

[67] Там же, д. 62 доп., ч. 2, л. 217, 224.

[68] Подготовленное к изданию исследование Калайдовича см.: ГБЛ, ф. 328, д. 98, 99, 100.

[69] Северная пчела, 1825, № 21; Русский инвалид, 1825, № 56.

[70] *Каупуж А.* Указ. соч., с. 50—51.

[71] Siomalainen Sana-Kirja. Lexicon linguae finnicae, cum interpretatione duplici copiosiore latina, breviore germanica; Auctore Gustavo Renvall. Aboae typis Frenckellianiss, 1823—1826. Vol. I—II.

[72] *Sjögren J.* Ueber die finnische Sprache und ihre Literatur. St.-Petersburg, 1821.

[73] ЦГАДА, ф. 17, д. 62 доп., ч. 1, л. 13—13 об.

[74] Там же, ф. 11, д. 183 доп., л. 5—5 об.

Глава 3

«Чтоб внукам оживить деянья и мечты их предков»

[1] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1; М., 1819. Ч. 2; М., 1823. Ч. 3; М., 1828. Ч. 4; М., 1894. Ч. 5.

[2] Там же, ч. 5, с VII—VIII.

[3] ГБЛ, ф. 255, карт. 15, д. 19.

[4] *Кочубинский А.* Указ. соч., с. XXIX.

[5] ЦГАДА, ф. 17, д. 62 доп., л. 399.

[6] *Калайдович К. Ф.* Письмо действительного члена Общества истории и древностей российских К. Ф. Калайдовича к Н. Н. Бантыш-Каменскому об издании государственных российских грамот и договоров. М., 1812. Автору известен единственный (корректурный) экземпляр книги, напечатанной в типографии Н. С. Всеволожского.

[7] ЦГАДА, ф. 11, д. 162 доп., ч. 1, л. 42.

[8] [*Берх В. Н.*]. Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии. СПб., 1821.

[9] Переписка И. И. Григоровича, с. 37, 38.

[10–11] [*Григорович И. И.*] Белорусский архив древних грамот. М., 1824. Ч. 1.

[12] ГБЛ, ф. 178, карт. 1346, д. 18, л. 30—30 об.

[13] ЦГАДА, ф. 17, д. 50 доп., л. 181—184. Ср.: *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973, с. 21—28.
[14] *Бычков А. Ф.* О словарях русских писателей митрополита Евгения.— В кн.: Сборник статей, читанных в ОРЯиС имп. Академии наук. СПб., 1868, т. 5, вып. 1, с. 247—248.
[15] Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия / Издание профессора Р. Ф. Тимковского, прерывающееся 1019 годом. М., 1824.
[16] *Оленин А. Н.* Краткое рассуждение об издании полного собрания деeписателей.— Сын Отечества, 1814, № 7, с. 6—11.
[17] *Барсуков Н.* Указ. соч., с. 70; Записки важные и мелочные К. Ф. Калайдовича.— В кн.: Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1861, т. 3, с. 94—98.
[18] ГПБ, ф. 328, д. 306, л. 1—2.
[19] Северный архив, 1823, ч. 2, с. 68—69.
[20] Письма Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу.— Русский архив, 1869, кн. 2, с. 170.
[21] *Куник А. А.* Указ. соч., с. 18.
[22] Там же, с. 25—26.
[23] Софийский временник, или Русская летопись, с 862 по 1534/Изд. Павел Строев. М., 1820—1821. Ч. 1, 2.
[24] Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирския земли русскими при царе Иоанне Васильевиче Грозном, с кратким изложением предшествовавших этому событий: Изд. с рукописи XVII в. СПб., 1821.
[25] См.: *Берх В.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск, с. 202—232.
[26] ГБЛ, ф. 256, д. 217, 218.
[27] *Валк С. Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX в.— В кн.: Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960, с. 158—159.
[28] Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских. М., 1815, ч. I, с. 27.
[29] *Валк С. Н.* Указ. соч., с. 159—160.
[30] Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым. М., 1819.
[31] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XVI вв. М., 1951, ч. 2, с. 280.
[32] ГБЛ, ф. 256, д. 149, л. 26—30.
[33] *Данилович И.* Библиографические сведения об известных доныне экземплярах Статута Литовского.— Соревнователь просвещения и благотворения, 1823, № 6, с. 313—314.
[34] Statut Kazimierza Jagełłończyka pomnik najdawniejszych uchwał Litewskich z XV wieku wynaleziony i drukiem ogłoszony, staraniem Ignacego Daniłowica, professora w Cesarskim Uniwersytecie Charkowskim. Wilnie, 1826.
[35] *Старостина И. П.* Из истории разыскания списков Судебника Казимира 1469 г.— В кн.: Древние государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1975. М., 1976, с. 183—184.

[36] Переписка Н. П. Румянцева, с. 153—154; ЦГАДА, ф. 17, д. 62 доп., ч. 1, л. 383; ГБЛ, ф. 255, карт. 15, д. 25, л. 17.
[37] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М., 1818.
[38] Памятники российской словесности XII века: Сочинения Кирилла Туровского, митрополита Никифора, Даниила Заточника, вопросы Кирика, изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем. М., 1821.
[39] *Каченовский М. Т.* Памятники российской словесности XII века.— Вестник Европы, 1822, ч. CXXII, № 1/2, с. 112—124.
[40] *Калайдович К.* В защиту творений Кирилла, епископа Туровского.— Там же, № 6, с. 81—96.
[41] Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новагорода Северского, вновь преложенное Яковом Пожарским, с присовокуплением примечаний. СПб., 1819.
[42] Письма Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу.— Русский архив, 1889, кн. 2, с. 191.
[43] Переписка Н. П. Румянцева, с. 94, 130—131; ГБЛ, ф. 256, д. 356.
[44] Собрание словенских памятников, находящихся вне России/Составлено Кеппеном. СПб., 1827. Кн. I. Памятники, собранные в Германии.
[45] *Калайдович К.* Иоанн экзарх Болгарский: Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. М., 1824.
[46] Переписка А. Х. Востокова, с. 128—129.
[47] *Виноградов Г.* Первый русский болгарист.— В кн.: Сборникъ в честь на проф. Л. Милетичь за седемдесят годишнитата отъ рождението му. София, 1933, с. 621.
[48] Кирилл и Мефодий, словенские первоучители: Историко-критическое исследование Й. Добровского/Пер. с нем. [М. Погодина]. М., 1825.
[49] Переписка А. Х. Востокова, с. 130; *Чертков Д. А.* О переводе Манассииной летописи на славянский язык.— В кн.: Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. М., 1843, т. 6, кн. 1/2, с. 97—124; ГБЛ, ф. 256, д. 269.
[50] Там же, д. 88.
[51] ЦГАДА, ф. 11, д. 272, л. 32—36.
[52] Siegmund Freiherr von Herberstein: Mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland. Geschildert von Fr. Adelung mit zwei Kupfern und einer Karte. St. Petersburg, 1818.
[53] ЦГАДА, ф. 181, д. 548.
[54] Барон Мейерберг и путешествие его по России: С присовокуплением рисунков, представляющих виды, образцы, портреты и т. п., в продолжение сего путешествия собранных: Пер. с нем./ Издано Федором Аделунгом. СПб., 1827; Рисунки к путешествию по России... барона Мейерберга в 1661 и 1662 годах... Изданы Федором Аделунгом. СПб., 1827.
[55] Переписка Н. П. Румянцева, с. 182—183; Письма Н. М. Карамзина к А. Ф. Малиновскому (1813—1825) и письма А. С. Грибоедова к С. Н. Бегичеву (1816—1826). М., 1860, с. 62.
[56] *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864, Ч. 1—2.

57 Geschichte der Russen: Versuch eines Handbuchs v. Jon. Phil. G. Ewers. Erster Theil. Dorpat, auf Kosten d. Verwassers. Berlin in der Realschulbuchhandlung. Leipzig, 1816.
58 Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и его братьев: Исторический опыт Г. Ф. Голлмана. М., 1819.
59–60 О жилищах древнейших руссов, сочинение г-на Н[еймана] и критический разбор оного [М. Погодина]. М., 1826.
61 Leonis Diaconis Caloensis historia scriptoria scriptoresque ad res byzantinas pertinentes. E Bibliotheca Regia nunc primum in lucem edidit, versione latina et notis illustravit Carolus Benedictus Hase... Parisiis e typographia Regia, 1819.
62 История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей, изданные в первый раз и объясненные примечаниями Карлом Гаазе, переведенные с греческого на российский язык Д. Поповым. СПб., 1820.
63 *Куник А. А.* Указ. соч., с. 9.
64 *Fraehn H.* Ibn Foszlans und anderer Berichte über die Russen älterer Zeit. St.-Petersburg, 1823.
65 Sur les origines russes, extraits des manuskrits orientaux adressès à M. le Comte N. de Romanzoff... dans une suite de lettres depuis l'an 1816 jusqua l'an 1825 par M. J. de Hammer. St. Petersbourg, 1827.
66 Abulgnasi Banadür Chani historia Mongolorum et lartarorum nunc primum tataricae edita auctoritate et munilicentia comitis Nicolai do Romanzoff. Casani 1825 ex Universitatis imperialis tipographeo.
67 Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым, вып. 3, с. 117; *Березин И.* Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках Санкт-Петербурга.— Журн. Министерства народного просвещения, 1850, № 12, с. 29—31; *Кононов А. Н.* История приобретения и изучения «Родословной тюрок» Абу-л-Гази.— Сов. тюркология, 1971, № 1, с. 10—11.
68 *Старчевский А.* Указ. соч., с. 48.
69 Philologisch-kritische Zugabe zu den von Herrn Abel — Remusat bekant gemachten in den k.-französischen Archiven befindlichen zwei mongolischen Original-Briefen u. Könige von Persien Argun und Öidsnäl tu an Philipp den Schonen. Von Isaak Jacob Schmidt. St.-Petersburg, gedr. bey Karl Kray, 1824.
70 Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым, вып. 3, с. 125.
71 Подробнее см.: *Козлов В. П.* «Румянцевский кружок» и Н. Я. Бичурин.— Народы Азии и Африки, 1979, № 4, с. 122—127.
72 Переписка Н. П. Румянцева, с. 92.
73 Tabaristanensis id est Abu Dschaferi Mohammed ben Dscherir ettaberi, Annales Regum Atque legatorum Dei, ex codice manuscripto Berdinensi arabice edidit et in latinum transtulit J. j. G. L. Kosegarten. Chryphisvaldiae, 1831—1853.
74 ГБЛ, ф. 256, д. 149.
75 *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958, с. 282—395.
76 *Грамматин Н. Ф.* Слово о полку Игореве. М., 1823.
77 *Ossolinski J. M.* Vincent Kadlubek, ein historisch-kritischer Beitrag zur slawischen Literatur, aus dem Polnischen von S. G. Linde, Warschawa, 1822.
78 *Караџић В. С*, Народне српске пjесме, Липисцы, 1823.

[79] *Розенкампф Г. А.* Обозрение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829.
[80] *Кеппен П. И.* Древности северного берега Понта. М., 1828.
[81] *Руднев Н.* Рассуждение о ересях и расколах, бывших в русской церкви. М., 1838.
[82] Переписка Н. П. Румянцева, с. 158.
[83] *Светлов Л. Б.* Издательская деятельность Н. И. Новикова. М., 1946, с. 61.
[84] *Гарелин Н. Ф.* Указ. соч., с. 69.
[85] *Светлов Л. Б.* Указ. соч., с. 64.
[86] *Грот Я. К.* Переписка Евгения с Державиным.— В кн.: Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1868, т. 5, вып. 1, с. 81—83.
[87] *Корф М. А.* История издания в русском переводе сочинения Коцебу «Свидригайло, великий князь Литовский».— Русский архив, 1869, с. 614—628.
[88] *Коцебу А.* Свидригайло, великий князь Литовский. СПб., 1836.
[89] *Köller H. C.* Description d'une mèdalle de Spartocus, roi du Bosphore-Cimmèrien, du Cabinet du... comte de Romanzoff, aveic un supplement contenant la description de plusieurs mèdailles grecques rares. St.-Petersbourg, 1824.
[90] *Кочубинский А.* Указ. соч., с. CXCII—XCIII.
[91] Переписка Н. П. Румянцева, с. 290.
[92] *Гарелин Н. Ф.* Указ. соч., с. 98.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо П. М. Строева К. Ф. Калайдовичу от 13 августа 1817 г. об условиях и частичных результатах археографических изысканий в Иосифо-Волоколамском монастыре

Эпистолярное наследие членов кружка трудно поддается учету. Несмотря на многочисленные публикации, переписка сотрудников Н. П. Румянцева издана лишь в очень незначительной степени, хотя по богатству содержащихся в ней сведений о жизни и развитии науки в начале XIX в. она имеет огромное значение. Ниже читателям предлагается лишь пример живого голоса одного из сотрудников Н. П. Румянцева — письмо П. М. Строева К. Ф. Калайдовичу, ярко рисующее обстоятельства проведения Подмосковной археографической экспедиции кружка.

Осипов, 13 августа 1817

Много и много обязан вам, любезный друг Константин Федорович, за труд, какой приняли вы в доставлении писем, на прошедшей почте к вам посланных. Обременяю еще письмецом для доставления Иосафу Ивановичу *, когда пойдете в архив.

Радуюсь весьма, что комисские дела Ваши идут очень успешно. И наши также помаленьку идут вперед. Есть кое-какие новенькие пьески, впрочем духовные, коим реестр послал я на нынешней почте к его превосходительству [2*]. Думаю, он вам его покажет.

Был я в здешнем архиве — ничего кроме небольшой кучи вздорных монастырских дел [3*]. А сколько затруднений! Когда мы, уже всходя на башню, где помещен архив, проходили комнаты учеников здешнего училища, нас обсыпало столько насекомых, кои не знаю как у Линнея, а попросту блохи называются, что я и по сю пору от угрызений их страждю. Сама натура, кажется, ставит препоны нашим усилиям.

---

* Горлицын, служащий архива Коллегии иностранных дел.

2* А. Ф. Малиновскому, директору архива Коллегии иностранных дел.

3* П. М. Строев имеет в виду именно архив, а не библиотеку монастыря.

Комиссию вашу насчет казначея [4*] я не исполнил. Бога ради, увольте меня от всяких неудовольствий — пришлите запечатанное на имя его письмо и кое — как хотите его разругивайте. Я с великим удовлетворением ему передам его, а входить в изустные ссоры мне невозможно — это сделали бы и вы и всякий другой, который на моем месте принужден был бы [находиться].

Напишите, пожалуйте, мне что-нибудь о Сибирской рукописи — это меня очень интересует [5*].

Если увидите Романа Федоровича [6*], засвидетельствуйте ему нижайшее мое почтение и скажите, что если отыщутся в здешней библиотеке Даниилы [7*], рад душевно сообщить ему всякое об них известие.

На сих днях рассматривал я старый здешний реестр 1551 года; между многими историческими книгами написана там одна под названием: Судебник да Мамаево побоище. Какая важная была бы рукопись? Но ее, наверно, уже нет. Святотатствованные руки здешних архимандритов, особенно Евграфа, многое отсюда похитили и перевезли в Петербург или перетащили в свои библиотеки.

Прося засвидетельствовать достойнейшим образом всем нашим архивским сотрудникам нижайшее почтение и уведомлять меня о московских новостях, остаюсь готовым всегда на все и вся

П. Строев.

P. S. Указ [8*], наконец, найден. Что дальшей будет — не знаю.

ГПБ, ф. 328, д. 445, л. 11—12 об. Автограф

[4*] В письме П. М. Строеву 19 июля 1817 г. К. Ф. Калайдович просил передать просьбу казначею монастыря «переслать известный ему перевод и латинский подлинник» одного из документов.

[5*] Речь идет, очевидно, о полученной Н. П. Румянцевым из Тобольска копии Черепановской летописи.

[6*] Р. Ф. Тимковского, учителя П. М. Строева и К. Ф. Калайдовича в Московском университете.

[7*] Р. Ф. Тимковский по поручению ОИДР готовил издание «Хождения» игумена Даниила.

[8*] Речь идет об Отношении ОИДР в Синод с просьбой прислать найденную П. М. Строевым в библиотеке Иосифо-Волоколамского монастыря рукопись с «Памятью и похвалой князю русскому Владимиру».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абель-Ремюз 136, 158
Абулгази 27, 62, 135, 143
Аверин К. И. 80, 81
Аделунг И. Х. 24
Аделунг Ф. П. 24, 41, 48, 49, 51, 56, 57, 129—131, 140, 144, 147, 157
Аderкас, ген. 55
Акишев К. А. 155
Александр I 10, 12—14, 18, 19, 23, 100, 143, 151
Алексей Михайлович, царь 55, 130
Альбертранди 59
Альбрехт, маркграф Бранденбургский 54
Амвросий, архиеп. 67
Амвросий, автор 74
Анастасевич В. Г. 24, 35, 39—41, 43, 65, 101, 109, 110, 116, 124, 147, 152, 156, 157
Андрей Боголюбский 66
Андроник III Палеолог 60
Антоний Знаменский 66
Аргун 136, 158
Арефин Н. 112
Арефин С. 112
Арсеньев В. 154
Арцыбашев Н. С. 68, 86
Афанасьев А. Г. 144
Афиани В. Ю. 7
Аш К. И. 48

Байер Г. З. 132
Бандтке С. 32
Банкс 57
Бантыш-Каменский Н. Н. 17—20, 22, 41, 45, 61, 63, 98—102, 140, 155
Барбаро И. 59
Барберини Р. 59
Бардовский Я. И. 48
Барон Брамбеус см. Сенковский О. И.
Барсов Е. В. 6, 39, 150
Барсуков Н. П. 150, 152—154, 156
Баузе Ф. Г. 78
Башилов С. С. 114
Березин А. С. 25, 158
Берлинский М. Ф. 33, 34, 65, 66, 87, 153
Берх В. Н. 30, 43, 51, 71, 72, 79, 84, 88, 93, 96, 104, 105, 112, 150, 152—156
Бессонов П. 150
Бестужев А. А. 43, 138
Бичурин Н. Я. 28, 79, 136, 158
Блаватский Д. В. 77
Благодаров Я. И. 82
Бобровский М. К. 31—33, 52, 58, 59, 73, 110
Богацкий Г. Д. 30, 140
Болотников И. 56, 131
Болтин И. Н. 3, 45, 62
Болховитинов Е. 24, 34, 35, 37, 40, 41, 43, 86, 87, 105—107, 109, 116—118, 124, 136, 140, 142, 150, 152—154, 156—158
Борис Годунов 138, 141
Бравин, кн. 132
Бригге, гр. 53
Броневский С. Б. 89
Буген 76
Булгарин Ф. В. 26, 151
Булле И. Ф. 128
Бунге 85
Бурлит 109
Буссе К. И. 32, 65
Буссов Конрад 56, 131
Быковский И. 66
Бычков А. Ф. 156

Валк С. Н. 113, 156
Валличели 59
Василий Рогволод 90
Василий III, вел. кн. 54

Вельяминов-Зернов В. Ф. 29, 42, 114, 116
Веневитинов А. В. 18
Веневитинов Д. В. 17
Вигель Ф. Ф. 14, 17, 151
Виноградов Г. 127, 157
Витовт 76
Вихман Б. 30, 48, 49, 51, 152
Владимир Мономах 70, 85, 94, 95
Волк С. С. 158
Волконский Г. С. 67
Волосовский 76
Вольтер 8
Воронов 67
Воронцов А. Р., гр. 9, 151
Воронцов С. Р., гр. 57, 61
Востоков А. Х. 6, 28, 29, 39, 41, 42, 46, 71, 79, 84, 106, 117, 124, 126—128, 139, 147, 150, 152, 157
Врангель Ю. 56
Всеволожский Н. С. 155
Вяземский С. Ю., кн. 104

Гаазе К. Б. 25, 41, 57, 59, 60, 133, 134, 158
Гамель И. Х. 62
Ганка В. В. 123
Гарелин Н. Ф. 7, 141, 151, 159
Гегевич В. И. 73
Геденштром М. М. 15
Гейден А. 60
Гель 29
Генниг Э. 53, 54, 58
Георгий Амартол 112, 134
Герберштейн С. 114, 130, 157
Герман, проф. 55
Геродот 30
Гиппинг А. Ю. 28, 140
Глебович 74
Гликсберг 146
Глинка М. И. 147
Глинка Ф. Н. 43
Говоров Я. И. 82
Голицын А. Н., кн. 143
Голлман Г. Ф. 132, 133, 140, 158
Голодковский 75
Горатынский Н. Г. 31, 74, 75, 92, 93
Горлицын И. И. 22
Городской И. Л. 22
Гортынский Н. Г. см. Горатынский Н. Г.
Грамматин Н. Ф. 139, 158
Грачев Д. И. 81
Греч Н. И, 144
Грибоедов А. С. 157
Григорович И. И. 6, 30—32, 36, 39, 41, 73, 74, 84, 96, 105, 106, 110, 116, 117, 132, 143, 147, 150, 152—155
Грот Я. К. 159

Даниил, архиеп. сербский 58, 128
Даниил Заточник 121, 157
Даниил Паломник 118
Данилов Кирша 20, 46, 79, 88, 119, 120, 138, 140, 142, 145, 148, 157
Данилович И. Н. 31—33, 42, 73, 110, 116, 117, 156
Дежнев С. И. 62
Девлет-Гирей 57
Демидов П. Г. 40
Демкин И. В. 7
Денисов И. П. 81
Державин Г. Р. 159
Дестунис С. Ю. 40, 97, 98
Дмитрий, царевич 100
Добровский Й. 23, 26, 29, 95, 128, 140, 157
Догель М. 74, 129
Доленга-Ходаковский З. 85—87, 97
Дорошенко А. М. см. Дорошкевич А. М.
Дорошкевич А. М. 31, 75, 76, 92, 106
Дрехслер 144
Дубровин И. Н. 71
Дюбрюкс П. 88
Дюмон Ж. 18, 100

Евфросиния Полоцкая 143
Екатерина II, имп. 8, 9, 45
Енш Г. А. 152
Ермил, протоиерей 67
Ермолаев А. И. 24, 108—110

Ждановский И. А. 22

Зимин А. А. 7

Иаков, монах 70
Ибн Фадлан 134, 135, 158
Ибн Халдун 134
Иван Грозный 103, 116, 156
Иванов, священник 53
Иванов А. А. 147
Иванова 81
Ивановский А. Д. 6, 150

Иверсен 144
Игнатович 92
Иконников В. С. 6, 150
Иоанн, экзарх Болгарский 20, 42, 62, 70, 123, 126—128, 138, 144, 157
Иоанн Цимисхий 133
Иосафат Кунцевич 76
Исидор, митр. 59, 118
Италинский А. Я. 58, 59

Йакут 134

Кадлубек см. Кадлубовский
Кадлубовский 158
Кадырбаев М. К. 155
Казимир, вел. кн. 33, 139
Калайдович К. Ф. 6, 19—22, 29, 31, 37, 39, 41—44, 47—49, 62, 63, 66, 69, 70—72, 79, 81, 82, 84—87, 93—96, 101, 102, 106, 108, 109, 112—115, 119—124, 126—128, 134, 139, 140, 144, 145, 147, 148, 150, 152—157
Калачев Н. В. 113
Калестинов 51, 71, 84, 88
Каменский М. Ф., гр. 38
Каменский Н. М., гр. 38
Каменский С. М., гр. 38
Канкрин Е. Ф. 30, 72, 90, 91, 155
Кантемиры 18
Капцевич П. М. 88, 89
Караджич В. С. 39, 41, 58, 128, 139, 158
Карамзин Н. М. 4, 11, 17, 22, 30, 36, 44—46, 52, 53, 55, 68, 69, 91, 110, 119, 131, 143, 157
Карташов С. Ф. 81
Каупуж А. 152, 155
Каченовский М. Т, 35, 122, 123, 127, 136, 157
Кедер Н. 93
Келлер А. Е. 144, 159
Кенникот 109
Кеппен П. И. 25, 26, 29, 41, 43, 57, 58, 60, 72, 73, 86, 96, 125, 126—128, 139, 147, 153, 157, 159
Кер 62
Киприан, митр. 63
Киреевский И. В. 17
Киреевский П. В. 17
Кирик Новгородец 121, 142, 157
Кирилл, создатель славянской письменности 23, 26, 29, 127, 128, 145, 157
Кирилл Туровский 20, 62, 70, 120—123, 157
Китович К. 22, 101
Клаубер И. С. 144
Клевенский М. М. 152
Климович 92
Клокачев А. Ф. 68
Козегартен И. Г.-Л. 41, 136, 158
Козлов В. П. 158
Козодавлев О. П. 53, 55, 129
Колосов И. М. 22
Колумб Х. 4
Комаровский Е. Ф., гр. 151
Кононов А. Н. 158
Контрым К. 32
Копитар В. 57, 125
Корнилович А. О. 18
Коробейников Трифон 117
Корф М. А. 159
Корш Е. Ф. 6, 150
Коцебу А. 54, 55, 139, 140, 143, 159
Коцебу О. 16, 25, 140, 144, 151
Кочубинский А. А. 6, 150, 151, 155, 159
Коялович Г. 54
Край К. 144, 158
Крестинин В. В. 45
Кроткий М. А. 93
Круг Ф. И. 23, 25, 27, 37, 41, 46, 55, 109, 110, 129, 130, 133, 134, 143, 147
Крузенштерн И. Ф. 15, 16, 41, 54, 57, 104, 151
Кубарев А. М. 95
Кульман К. 62
Куник А. А. 133, 151, 156, 158
Кунцевич 31
Курбский А. 68
Курцель 109
Кэмпфер Э. 57, 131
Кюхельбекер В. К. 138

Лаврентий, летописец 156
Лагерфлюкт 56
Лангель 93
Ланжерон А. Ф., гр. 88
Лапа, титулярн. советн. 65
Латухин 68
Лебедев Г. С. 97
Лев Диакон 29, 133, 140, 144, 158
Лелевель И. 31—33, 44, 96, 110, 152
Ленивцев М. А. 66
Лерберг Х. А. 25, 30, 140, 151
Лжедмитрий I 103, 141

Ливонов А. Т. 71
Линдгейм 56
Линде С. Б. 32, 139, 158
Лисовский 92
Лисянский Ю. Ф. 15
Лобойко И. Н. 31, 32, 43, 65, 72—74, 82, 87, 96, 97, 106, 110, 117, 152
Ломоносов М. В. 3, 40, 132
Лорсбах Г. В. 97
Луко Джованни 59
Лучнпков В. 112
Лызлов А. И. 68
Людовик XVI 9
Людовик XVII 9

Магницкий М. Л. 143, 151
Магомет Ибн-Батут 136
Маевский 65
Майков П. 151
Макарий, митр. 63
Макаров М. Н. 36
Максим Грек 70
Максуд 135
Малиновский А. Ф. 17, 19, 22, 24, 36, 38, 41, 43—45, 61, 63, 64, 79, 81, 84, 91, 93, 97, 101, 106, 117, 120, 131, 139, 141, 145, 154, 157
Мальгин Т. С. 90
Манассия Константин 59, 128
Маргулан А. Х. 155
Маржерет 141
Мартин 124
Масуди 134
Маттеи Х. Ф. 63, 47
Мейерберг К. 56, 130, 131, 140, 144, 157
Мельхиседек, архим. 67
Мефодий, создатель славянской письменности 23, 26, 29, 127, 128, 140, 145, 157
Милетич Л. 157
Миллер Г. Ф. 3, 17—19, 45, 61, 71, 99, 100, 102, 112, 114, 132
Мильгунов Н. А. 81
Милюков П. Н. 6, 150
Минин К. 36
Мирский 76
Мирхонд 134
Михаил Пселл 133
Михайловский А. С. 66
Мицкевич А. 33
Могилевский С. 82
Москаленко В. М. 77
Мронговиус Х, К. 96
Мстислав, кн. 34, 35, 140
Мстиславские, кн. 106
Муравьев Н. Н. 28
Муранов 93
Мурзакевич Н. А. 33, 50, 68, 139
Мусин-Пушкин А. И. 45, 46, 66, 67, 69, 78, 83—85, 108, 119, 123, 124
Муханов П. А. 43
Мяспиков М. Н. 68, 71, 79

Надуев 94
Назаров Ф. 28
Наполеон I 12—14
Нармоцкий 91
Незабитаускас К. 32, 82, 97
Нейман И. Е. 23, 133, 140, 158
Неофит, архиеп. 68
Нестерец, дьяк 66
Нестерович И. И. 22, 79, 143
Нестор, летописец 23, 37, 107—109, 112, 123, 134
Нибур Б. Г. 122
Низами 134
Никитин Афанасий 69, 110, 118
Никифор, митр. 121, 157
Никифор Грегора 133
Николай Михайлович, вел. кн. 151
Никон, патриарх 70, 80
Новиков Н. И. 18, 34, 35, 41, 45, 99, 100, 141, 159
Новосильцев Н. Н. 32, 33

Оболенский Д. А., купец 71
Обрампольский 92
Олаф 137
Оленин А. Н. 23, 24, 35, 108—110, 156
Ольшанский 94
Онацевич И. 32
Орлай И. С. 82
Орлов А. С. 155
Оссолинский Й. М. 138, 158

Павел I, имп. 9
Паерле Г. 56
Пасецкий В. М. 151
Пецольд, худ. 56
Петр I, имп. 8, 45
Пизани П. Н. 82
Пимен, митр. 117, 118
Пискарев Д. В. 80, 81
Плавильщиков 146
Плиссов М. Г, 30

Погодин М. П. 6, 22, 29, 41, 43, 58, 95, 128, 133, 150, 153, 157, 158
Пожарский Д. 36
Пожарский Я. О. 30, 42, 123, 124, 157
Полевой Н. А. 92, 109, 155
Полетика Г. А. 79
Попков Б. С. 152
Попов В. С. 77
Попов Д. П. 29, 41, 158
Портан Х. Г. 56
Порфирий, архим. 67
Потемкин Г. А., кн. 77
Пошка Д. 32, 93, 97
Предтеченский А. В. 12, 151
Прилуцкий Д. Н. 22, 106
Прованский, гр. 9
Пугачев Е. И. 98
Пушкин А. С. 4, 99, 138, 147
Пыпин А. Н. 6, 151, 154

Радзивиллы, кн. 73
Радищев А. Н. 34
Разгон А. М. 154
Разумовский А. К., гр. 98
Раковецкий Я. Б. 115, 116
Ратшин А. 22, 64, 124, 125
Рейнваль Г. 40, 97, 140, 155
Решетников 71
Ришардот Д. 90
Рогальский Л. 117
Розанов 97
Розенкампф Г. А., бар. 116, 139, 158
Роман Галицкий, кн. 66
Ростопчин Ф. В., гр. 18
Руднев Н. 68, 139, 159
Рукавишников И. 71
Румяновский 92
Румянцев А. И. 8
Румянцев В. 82
Румянцев С. П. 8, 105
Румянцев-Задунайский П. А. 8, 9, 11
Рылеев К. Ф. 43
Рычков П. И. 88, 91
Рюрик, кн. 115

Савельев П. 151
Садко 119
Сальватори 79
Самборский Я. Ю. 7
Санников Я. 15
Сапеги, кн. 76
Сведомский П. Г, 71
Свенский Т. 32
Светлов Л. Б. 159
Свидригайло 54, 77, 139, 140, 143, 159
Святослав, кн. 29, 70, 124, 133, 148
Селивановский С. А. 124, 144, 148
Семейкин Н. 153, 154
Сенковский О. И. 28, 135, 151, 152
Сен-Мартен 25, 41, 134
Сен-Тома 44
Серно-Соловьевич 32
Симеон, болгарский царь 127
Симеон Суздальский 118
Скородумов З. Т. 34, 66
Скотников Е. О. 144
Сленины 146
Смирнов С. В. 152
Смит А. 10
Снегирев И. М. 22, 41
Снорр С. 116, 137
Соковнин С. П. 66, 82
Сосновский И. 32, 74
Софинов П. Г. 151
Спарток, царь 93, 144, 159
Спасский Г. И. 30, 88, 112, 141, 155
Сперанский М. М. 13, 14
Сперvенфельд 53
Срезневский И. И. 150
Стадион Ф. 10
Станкевич С. 32
Старостина И. П. 156
Старчевский А. В. 5, 6, 150, 153, 158
Стебельский 143
Степанов А. П. 79
Стефан, еписк. 77
Стефан Пермский 88
Стефан Сурожский 132
Стоу Дж. 57
Страленберг Ф. И. 91
Стриттер И. Ф. 17, 128, 134
Строганов Г. А., бар. 53
Строгановы 57
Строев П. М. 6, 21, 37, 41, 43, 44, 46—49, 63, 64, 69—71, 80, 84, 99, 101, 108—115, 117, 118, 134, 139, 147, 149, 150, 153, 156
Струве Г. 56
Стурлусон см. Снорр С.
Сулакадзев А. И. 79
Сухоруков В. Д. 43
Сферин 97, 98
Схельтем Я. 57

Сыщанко И. 31, 75, 76, 92

Табари 136, 158
Таранович В. П. 155
Тарновский, гр. 60
Татищев В. Н. 3, 45, 57, 63
Телеки, гр. 60
Тимковский Е. Ф. 28
Тимковский Р. Ф. 23, 108, 109, 156
Тимофей, архим. 94
Тихомиров Н. Б. 7
Тихонравов Н. 156
Тихсен О.-Г. 27, 91, 92
Толбузин С. 117
Толстой Ф. А., гр. 71, 78, 79, 81, 111, 112, 121
Троепольский М. 67
Трощинский Д. П. 12
Тургенев А. И. 44, 52, 59, 61, 153
Тургенев А. М. 82, 93
Тьеполо Франческо 59

Увойнис Л. 32
Улащик Н. Н. 156
Унгерн-Штернберг 53, 54, 129
Ундольский В. М. 153
Уотко, архивариус 65
Успенский Г. П. 93
Ухтомский А. С. 144

Фабер 53, 54
Феодосий Софонович 53
Феоктист 67
Феофан, игум. 67
Феофилакт, еп. 67
Ферапонтов И. Ф. 81, 152
Фёдор Ярославич, кн. 95
Филарет, митр. 143
Филипп Красивый 136, 158
Филипс 57
Финкельман 55
Флоров А. А. 144
Фовицкий Ф. 130
Формозов А. А. 7, 151
Францев В. А. 153
Френ Х. Д. 26, 27, 41, 62, 64, 92, 129, 134, 135, 147, 158
Фролов А. 22, 144
Фролов С. 22, 144

Хальфин И. И. 27, 135
Хамадани 134
Хаммер-Пургшталь И. 27, 41, 134, 135, 158
Ханпира Э. И. 7
Ханыков В. В. 56, 153

Херсонский В. В. 22
Хованский, кн. 74
Храбр, монах 126

Царский И. И. 80
Церрони 60
Цирбед 25

Чарторижский А. А., кн. 60
Чеботарев Х. А. 23, 108
Черепнин Л. В. 115, 156
Чертков Д. А. 157
Чубиков Н. Д. 97

Шаликов П. И., кн. 99
Шауман 92
Шевырев С. П. 18
Шегрен А. М. 28, 39, 41, 96, 97, 147, 155
Шираевский Х. 65
Ширяев 146
Шишков А. С. 37, 116, 123, 124, 150
Шлецер А. Л. 36, 91, 107, 110, 122, 132
Шлецер Ф. 55, 153
Шлецер Х. Л. 36, 37
Шлихтегроль А. 57
Шмидт Я. И. 135, 136, 158
Шредер И. Г. 53
Штрандман И. О. 39, 53, 57—59, 128, 153
Шуйский В., кн. 104
Шульгин А. С. 80, 81
Шульц К. И. 54, 56
Шулякевич И. 31, 73

Щелкан 119
Щербатов М. М., кн. 3, 45, 62, 99, 100
Щит В. 76, 94

Эберт 56
Эверс Г. 54, 132, 133, 158
Эверс Х. Г. 55
Эйдельман Н. Я. 7
Элджет 136, 158
Энгиенский, герцог 12
Эрнестий 98
Эстрем Г. 56, 57

Ягич И. В. 6, 151
Языков Д. И. 30, 151
Якубович А. Ф. 79, 119, 120
Ярослав, кн. 85, 92, 137
Ярцев Я. О. 27, 62

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава 1. Ученая дружина 8

Глава 2. «Собираем рассеянное» 45

Глава 3. «Чтоб внукам оживить деянья и мечты их предков» 99

Заключение 146

Примечания 150

Приложение 160

Указатель имен 162

Владимир Петрович Козлов

КОЛУМБЫ РОССИЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Утверждено к печати редколлегией
серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор издательства Ю. Г. Гордина
Художник В. П. Хлебников
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректоры Е. Н. Белоусова, Н. М. Вселюбская

ИБ № 22440

Сдано в набор 25.11.80 Подписано к печати 16.03.81. Т-04056. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 2 Гарнитура обыкновенная Печать высокая
Усл. печ. л. 8,92. Уч.-изд. л. 9,7 Тираж 150000 экз. Тип. зак. 3702

Цена 60 коп.

Издательство «Наука» 117864ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я тип. издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

60 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА:

ОВЧИННИКОВ Р. В.

Над «пугачевскими» страницами Пушкина.— М.: Наука, 1981.— 35 к.

В книге рассказывается об архивных разысканиях, связанных с выявлением новых данных о событиях, лицах и документах, упоминаемых в произведениях А. С. Пушкина «История Пугачева», «Капитанская дочка» и в подготовительных материалах к ним. Значительное внимание отводится рассказу о поездке Пушкина в Поволжье и Оренбургский край, где в 1773—1775 гг. происходили главные события Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Беседы с очевидцами помогли Пушкину отчетливее уяснить социальный смысл «Пугачевщины», глубже понять незаурядную личность Пугачева.

ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУКА·